

ЛЮБЪ ИСАЕВИЧЪ МАССЕ

ф. б. а. в. з.

ГАЛЛЕРЕЯ ЕВРЕЙСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

9^{*85*}/_{*154*}

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

801-15
2650

ЛИТЕРАТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

О. А. РАБИНОВИЧЪ

И. Г. ОРШАНСКІЙ

Съ портретами.

Ю. И. Гессена.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная Площадь, № 2.
1898.

39881-40

~~20058-38~~

Посвящается еврейской молодежи.

2014142960

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	3
О. А. Рабиновичъ	5—72
И. Г. Оршанскій	75—163

Осипъ Аароновичъ Рабиновичъ.

1817—1869.

Предисловіе.

Издавая настоящій первый выпускъ «Галлерей еврейскихъ дѣятелей», считаю своимъ долгомъ выразить сердечную признательность высокопочтимаго М. Г. Моргулису, сообщившему мнѣ цѣнные матеріалы для біографіи и характеристики И. Г. Оршанскаго. Выражаю также искреннюю благодарность Э. М. Моргулису, пришедшему мнѣ на помощь при юридической обработкѣ очерка, посвященнаго жизни и литературной дѣятельности И. Г. Оршанскаго.

Ю. Гессенъ.

O. Padmibus

Имя О. А. Рабиновича, тѣсно связанное съ возникновеніемъ перваго органа русскихъ евреевъ, съ наибольшимъ правомъ можетъ занять мѣсто въ галлерей нашихъ лучшихъ людей. Время Рабиновича—время «Разсвѣта» — представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ историческихъ моментовъ, которые служатъ маячными огнями для изслѣдователя историческаго пути народа; оно знаменуетъ собою тотъ моментъ, когда кучка евреевъ-шестидесятниковъ подняла свое знамя, на которомъ красовалось: «Нашъ лозунгъ — свѣтъ; наша цѣль — впередъ; наша награда — исполненіе долга». И если то время не успѣло воспитать послѣдующее поколѣніе въ духѣ своихъ идеаловъ, то въ этомъ нельзя винить ратоборцевъ «Разсвѣта»; послѣднія десятилѣтія создали новую атмосферу, которая какъ бы возродила тѣ условія нашей внутренней и внѣшней жизни, противъ которыхъ ополчился когда то «Разсвѣтъ», освѣщая томительный путь намѣченными имъ идеалами и ободряя измученныя сердца надеждами на лучшее будущее, а эти идеалы и надежды въ настоящіе дни сохраняютъ такое же жизненное значеніе, какимъ они отличались въ годы «Разсвѣта».

Жизнь О. А. Рабиновича, равно и его литературная дѣятельность, рисуютъ намъ энергичнаго, въ высшей степени добросовѣстнаго труженика, съ пользой порабо-

тавшаго для своего народа. Его имя вызываетъ представленіе о талантливомъ писателѣ и честномъ человѣкѣ. Таковымъ и былъ въ дѣйствительности Осипъ Аароновичъ Рабиновичъ.

I.

14-го января 1817 г. въ городкѣ Кобелякахъ, Полтавской губерніи, у управляющаго питейными откупами, Аарона Рабиновича, родился сынъ Осипъ. Объ Ааронѣ Рабиновичѣ осталось очень мало свѣдѣній, и единственное, что можетъ дать намъ представленіе о его личности— это отношеніе къ вопросу объ образованіи сына. Ааронъ Рабиновичъ былъ уменъ и пользовался репутаціей дѣльнаго и честнаго человѣка, вслѣдствіе чего пріобрѣлъ полное довѣріе къ себѣ, какъ со стороны представителей мѣстнаго начальства, съ которыми имѣлъ сношенія по роду своей дѣятельности; такъ и со стороны тѣхъ лицъ, съ которыми его связывали коммерческіе интересы. Впослѣдствіи, оставивъ должность управляющаго питейными откупами, онъ взялъ самъ на откупъ цѣлый уѣздъ и переселился со своей семьей на Луганскій заводъ, гдѣ въ то время жило очень мало евреевъ; тамъ онъ познакомился съ нѣкоторыми интеллигентными дворянами и молодыми горными инженерами, служившими на заводѣ. Вращаясь въ этомъ обществѣ, Ааронъ Рабиновичъ поддался его вліянію; въ кругу этихъ людей онъ узналъ новую жизнь, чуждую той, въ которой онъ провелъ свои прежніе годы, и имѣя хорошее состояніе, онъ ничего не пожалѣлъ, чтобы дать своему сыну возможно широкое образованіе; изъ Харькова были выписаны лучшіе учителя, обучавшіе его латинскому, русскому, фран-

цувскому и нѣмецкому языкамъ, математикѣ, исторіи, географіи, рисованію и музыкѣ; для изученія Закона Божьяго, еврейской грамматики и Талмуда выписывались учителя изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, и среди нихъ находился извѣстный даровитый талмудистъ и хороший знатокъ еврейской грамматики, Мееръ Эмденъ, проведенный много лѣтъ въ Америкѣ въ изученіи нравовъ, обычаевъ и политической жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Такимъ образомъ Ааронъ Рабиновичъ не остался глухъ къ требованіямъ новой жизни, открывшейся ему въ просвѣщенномъ христіанскомъ обществѣ, и это обстоятельство, сослужившее впоследствии добрую службу русскимъ евреямъ, рисуетъ его съ лучшей стороны. Много лѣтъ спустя, выступивъ на литературное поприще, Осипъ Аароновичъ вспомнилъ и о первыхъ годахъ ученія: «Припоминаемъ мы себѣ теперь свои младенческія лѣта, когда сѣмена просвѣщенія, брошенные въ насъ заботливою рукой родителей и наставниковъ, только что начали пускаться свои животворные отростки, и глаза наши приучались яснѣе смотрѣть на предметы»...

Въ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ мы встречаемъ много страницъ, посвященныхъ описанію борьбы новыхъ свѣжихъ силъ съ заплѣснѣлыми традиціями отживающаго поколѣнія; мы знаемъ, сколько труда и времени поглотила эта борьба, мы помнимъ многострадальную жизнь героя-автора «Записокъ Еврея» и мы не забываемъ, что поборникомъ просвѣщенія всегда являлось молодое поколѣніе. Но вотъ предъ нами примѣръ, когда представитель «старого» поколѣнія, откупщикъ, въ глухой сторонѣ, имѣя предъ собою лишь нѣсколько образованныхъ людей, общественное положеніе которыхъ

притомъ далеко не соответствовало его общественному положенію, храбро отрѣшившись отъ условій и требованій замкнутой жизни своихъ единовѣрцевъ, не боясь угрозъ послѣднихъ, щедро окружаетъ своего малолѣтняго сына наставниками и подноситъ ему ту чашу знанія, которая, по глубокому убѣжденію соплеменниковъ, могла лишь отравить ребенка. Такой фактъ становится особенно изумительнымъ, если вспомнимъ, что при тогдашнихъ крайне несложныхъ условіяхъ еврейской жизни, не вызывавшихъ необходимости въ просвѣщеніи, значеніе послѣдняго могли понимать только личности, стоящія выше обыкновеннаго уровня, такъ какъ масса вообще способна цѣнить образованіе исключительно по тѣмъ осязательнымъ результатамъ, которые оно давало бы въ практической жизни, а между тѣмъ, до закона 27 ноября 1861 г., образованіе, даже высшее, не предоставляло еврею почти никакихъ преимуществъ, имѣющихъ существенное жизненное значеніе. Нужно сожалѣть, что нѣтъ данныхъ, по которымъ можно было бы воспроизвести образъ Аарона Рабиновича, обрисовать его отношенія къ окружавшей средѣ единовѣрцевъ и христіанъ, и прочесть думы о будущности сына, посѣщавшія его въ минуты отдыха отъ суетливой жизни откупщика.

На долю маленькаго Осипа выпало великое счастье; онъ былъ избавленъ отъ того специфическаго воспитанія, которое духовно искалѣчило многихъ русскихъ евреевъ... Малолѣтній сынъ еврея откупщика, изучающій подъ руководствомъ дорогихъ учителей иностранные языки и рисованіе, а тутъ-же рядомъ, словно пугливые звѣрьки, прячущіеся въ своихъ жилищахъ, бѣдные, измученные, обезчеловѣченные братья... Лекціи и профессора, а на-

ряду съ этимъ толпа «штрафныхъ» и «пойманиковъ» — это такіе контрасты, которые должны были глубоко залечь въ добромъ сердце будущаго писателя.

Чтобы яснѣе представить себѣ, какимъ рѣдкимъ счастливымъ исключеніемъ являлось отношеніе Аарона Рабиновича къ вопросу объ образованіи сына, слѣдуетъ не забывать о той картинѣ, какую представляла тогда жизнь евреевъ; на фонѣ этой-же картины вырисуется и обликъ незабвеннаго Осипа Аароновича; его внѣшняя жизнь бѣдна фактами, внутренняя-же, духовная ея сторона обильна красками, которыя, словно подъ кистью художника, сами ложатся на полотно, чтобы дать точный образъ писателя. Сорокъ лѣтъ, прожитыя имъ въ дореформенную эпоху, и нѣсколько лѣтъ, протекшія въ лучшее время, сами по себѣ даютъ много красокъ для картины.

Русское еврейство первыхъ десятилѣтій текущаго вѣка представляло собою какъ бы замкнутый и огражденный многочисленными правовыми ограниченіями міръ, обитатели котораго, совершенно лишены культурнаго общенія съ окружающею ихъ средой, жили своеобразною жизнью, почти всецѣло опредѣлявшейся интересами специфически религіознаго характера. Религіозная борьба, вызванная успѣхомъ ученія Бешта и породившая расколъ внутри польско-русскаго еврейства, разбила послѣднее какъ бы на два враждебныхъ лагеря, круто отличавшихся по основнымъ условіямъ религіозно-бытовой жизни. Міръ духовныхъ интересовъ еврея сѣверо-западнаго края исчерпывался изученіемъ Талмуда и богословской литературы вообще; на югѣ свилъ себѣ прочное гнѣздо хасидизмъ. Оба эти противоположныя направленія, будучи въ силу совокупности многихъ причинъ, доведены до

крайнихъ предѣловъ своего развитія, сообщали печать уродливой односторонности всему строю духовно общественнаго быта каждой изъ этихъ двухъ группъ, на которыя распадалось тогдашнее еврейство. Съ одной стороны строгое ограниченіе умственной дѣятельности однимъ изученіемъ Талмуда и раввинской письменности приводило къ преобладанью безцѣльной софистики, нашедшей столь яркое выраженіе въ т. назыв. «пилпулѣ», съ другой: хасидизмъ, въ исходныхъ своихъ моментахъ знаменовавшій собою протестъ противъ мертвящихъ крайностей раввинизма, все болѣе и болѣе вырождался въ цадикизмъ. «Въ одной области, — говоря словами одного біографа Рабиновича, — водворилась крайняя фанатическая преданность всему, что носить на себѣ отпечатокъ юдаизма, безъ всякой критической провѣрки, безъ всякаго желанія пропускать въ свою среду какіе то ни было просвѣтительные элементы. Въ другой господствовали крайнее невѣжество даже въ средѣ еврейскаго знанія, полный индифферентизмъ ко всему, что не относится къ богослуженію». Умственная эквилибристика и преклоненіе предъ всеспасающимъ чудотворцемъ-цадикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинаково давали въ результатъ отрѣшенность отъ жизни, равнодушно-безпечное отношеніе къ ея запросамъ и глубокую вражду къ свѣтскому знанью.

Не менѣе тяжелую картину представляло и экономическое положеніе тогдашняго еврейства.

Бѣдность еврейскаго населенія, которая была отмѣчена еще указомъ 20 декабря 1820 г. ¹⁾ возростала въ значительной прогрессіи; этому способствовали и выселеніе

¹⁾ П. С. З. т. XXXVII № 28501.

евреевъ изъ деревень и нѣкоторыхъ городскихъ пунктовъ, и увеличеніе специальныхъ еврейскихъ сборовъ и т. п. мѣры. Невѣжество, ранніе браки, заключавшіеся между 12-лѣтними дѣтми, извращенныя моральныя представленія и цѣлый рядъ другихъ причинъ создавали сонмы нищихъ, ложившихся тяжелымъ бременемъ на бѣдную общину, а грозно царившіе въ ней міроѣды — заправилы общинъ являлись страшнымъ бичемъ для безсильныхъ, беспомощныхъ единовѣрцевъ. «Плетясь покорно за міроѣдами, — говоритъ С. М. Гинзбургъ, — и сонмомъ ханжей, изнывая въ тяжелой борьбѣ за насущный хлѣбъ, масса прозябала въ невѣжествѣ и въ предразсудкахъ. Изолированная цѣлой сѣтью ограниченій отъ внѣшняго вліянія, крѣпко цѣпляясь за обветшалыя и изжившія преданія, въ которыхъ усматривался историческій оплотъ и дорогое національное достояніе, она была какъ бы заживо замурована, безъ свободнаго развитія природныхъ силъ, безъ притока новыхъ извнѣ... Десятилѣтія проходили вереницей, не внося ничего новаго, и живой мертвецъ существовалъ, какъ бы внѣ времени¹⁾». Направленіе воспитанія, строй общественной и семейной жизни — все зиждилось на устояхъ, освященныхъ отдаленнѣйшимъ временемъ...

Не останавливаясь на другихъ подробностяхъ тогдашняго еврейскаго быта, достаточно извѣстныхъ каждому, кто знакомъ съ произведеніями тѣхъ изъ нашихъ беллетристовъ, въ которыхъ изображается русско-еврейская жизнь (Л. О. Леванда, П. М. Смоленскій и др.), переходимъ къ дальнѣйшему изложенію событій жизни Рабиновича.

¹⁾ „Забытая эпоха“ Восходъ 1896 г.

Луганскіе и окрестные евреи неодобрительно смотрѣли на неслыханное въ то время либеральное воспитаніе, которое давалъ Ааронъ Рабиновичъ своему сыну, и упрекали его въ томъ, что онъ подготавливаетъ своего сына къ отступничеству, а эти упреки вліятельныхъ членовъ еврейской общины были въ то время далеко не пустословіемъ; замкнутость была сильна и съ людьми, заповѣрными въ отступничествѣ отъ вѣры отцовъ, вліятельные члены общины сурово распорядились по своему усмотрѣнію¹⁾. Аарону Рабиновичу въ этомъ отношеніи помогло обезпеченное состояніе, равно умъ и твердость характера.

Осуждать еврейскую массу начала текущаго вѣка за ея боязнь европейскаго образованія, конечно, нельзя; ея представители, знавшіе о результатахъ просвѣтительнаго движенія среди германскихъ евреевъ, главнымъ образомъ берлинскихъ, опасались, что когда нибудь Осипъ Рабиновичъ отвернется отъ своихъ братьевъ; въ этомъ случаѣ они ошиблись: просвѣщеніе не только не оттолкнуло Рабиновича отъ соплеменниковъ, но напротивъ вызвало въ немъ горячее желаніе посвятить имъ свою литературную дѣятельность.

Когда Осипу Рабиновичу пошелъ 18-й годъ, отецъ женилъ его. Этотъ фактъ ярко характеризуетъ личность отца Рабиновича; являясь «либераломъ» въ вопросѣ о воспитаніи сына, старикъ Рабиновичъ въ данномъ случаѣ

¹⁾ Такъ напр., въ 1840 г. евреи г. Кейданы были взволнованы слухомъ, что нѣкій Липманъ, мальчикъ 14 лѣтъ, намѣренъ поступить въ мѣстное дворянское училище, гдѣ до того времени не было учениковъ-евреевъ; для пресѣченія такого „преступленія“ община отправила мальчика въ Вильну, дабы сдать его въ рекруты, и лишь благодаря содѣйствію флигель-адъютанта, присутствовавшего при приѣмѣ рекрутъ, Липману удалось освободиться отъ рекрутчины.

заплатилъ дань вѣковой традиціи: женить дѣтей въ возможно раннемъ возрастѣ; хорошо понимая условія и требованія новой жизни, онъ все же не могъ побороть въ себѣ голоса предразсудка. Конечно, Осипъ Рабиновичъ не раздѣлялъ желанія отца, но долженъ былъ повиноваться его волѣ. Однако семейная жизнь не помѣшала юношѣ-супругу по прежнему продолжать усердно относиться къ своимъ занятіямъ. Болѣе всего занимался онъ юриспруденціей: цѣлыя ночи просиживалъ онъ надъ изученіемъ римскаго права и законодательствъ западныхъ государствъ Европы. Въ 1840 г., 23 лѣтъ отъ роду, онъ отправился въ Харьковъ, подготовился къ экзамену и, выдержавъ его, былъ зачисленъ въ студенты мѣстнаго университета; хотя по своимъ личнымъ наклонностямъ Рабиновичъ желалъ поступить на юридическій факультетъ, тѣмъ не менѣе онъ избралъ медицинскій, такъ какъ предъ нимъ, евреемъ-юристомъ, всѣ дороги были бы закрыты. Вскорѣ Ааронъ Рабиновичъ потерялъ все свое состояніе, и Осипъ Аароновичъ вынужденъ былъ покинуть стѣны университета, чтобы отдаться чуждой ему торговой дѣятельности. Рабиновичу не повезло; пришлось искать службу и по ироніи судьбы онъ пошелъ по откупу, который былъ ему такъ ненавистенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что удары судьбы заставили его много страдать не только за спокойствіе своихъ близкихъ, но и за потерю лучшихъ дней молодости и лучшихъ надеждъ. Надо было поглубже запрятать свои убѣжденія, забыть свои стремленія и чаянія. Для біографа этотъ моментъ жизни писателя является особенно интереснымъ; въ душевной драмѣ молодого, образованнаго, идейнаго человѣка несомнѣнно отразились съ особенной силой не только движенія его

ума и сердца, — въ ней отразилась вся эпоха «молодыхъ побѣговъ». Къ сожалѣнію, нѣтъ біографическихъ данныхъ, по которымъ мы бы имѣли возможность ознакомиться съ этими годами его тревожной жизни, и мы вынуждены пройти ихъ молчаніемъ. О. Рабиновичъ не долго, однако, служилъ по откупу; въ 1845 г., осенью, онъ переселился со своей семьей въ Одессу, и этотъ переѣздъ былъ въ высшей степени благопріятенъ для его будущей литературной дѣятельности. Какъ ни тяжелы были условія, при которыхъ Осипъ Аароновичъ впоследствии началъ свою литературную дѣятельность, въ Одессѣ эти условія были менѣе ощутительны, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Одесса служила пунктомъ, гдѣ въ то время скопилась довольно многочисленная группа образованныхъ евреевъ, особенно иностранныхъ, совершенно свободныхъ отъ тѣхъ предразсудковъ, которые властвовали тогда надъ большей частью еврейскаго общества.

Въ Одессѣ Рабиновичу посчастливилось. На первыхъ порахъ онъ поступилъ дѣлопроизводителемъ въ контору адвоката, имѣвшаго обширную практику, а спустя годъ, онъ былъ зачисленъ присяжнымъ стряпчимъ при коммерческомъ судѣ и началъ самостоятельно вести дѣла, приобрѣтая многочисленныхъ кліентовъ. Въ январѣ 1848 г. онъ получилъ должность публичнаго нотариуса, и съ тѣхъ поръ его матеріальное положеніе совсѣмъ упрочилось.

Удовлетворенный характеромъ своей дѣятельности, матеріально обеспеченный, Осипъ Аароновичъ выступилъ на литературное поприще. Первое его произведеніе, переводъ поэмы извѣстнаго поэта Эйхенбаума «Гакрабъ», появилось въ 1847 г. Поэма эта, написанная въ концѣ 30-хъ гг., вызвала много шума среди занимавшихся

еврейской литературой, благодаря хорошему стиху, равно оригинальной идеѣ поэта, изобразившаго шахматную игру въ видѣ сраженія.

Въ томъ же году въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» была напечатана статья «Новая еврейская синагога въ Одессѣ»; въ этой статьѣ, носящей отчасти мѣстный характеръ, Рабиновичъ коснулся нѣкоторыхъ предразсудковъ евреевъ въ ихъ религіозномъ быту. Евреи впервые услышали на русскомъ языкѣ неприкрашенную правду изъ устъ своего единовѣрца. Трудно представить теперь себѣ, какъ всколыхнулась тогда и угрожающе зашумѣла значительная часть одесскаго еврейскаго населенія, враждебно относившаяся ко всякой гласности; въ напечатаніи указанной статьи на русскомъ языкѣ она усмотрѣла измѣну народу, такъ какъ предразсудки послѣдняго были оглашены во всеуслышаніе; авторъ статьи явился въ ея воображеніи врагомъ евреевъ; очень немногіе поняли, что Рабиновичъ былъ исполненъ безкорыстной любви къ нимъ; нравственная поддержка этихъ немногихъ заставила его бодро продолжать свою пропаганду. Говорятъ, что друзья Рабиновича не отпускали его одного ходить по городу, опасаясь непріятныхъ выходовъ со стороны взволнованной черни. Въ этой первой своей публицистической статьѣ Рабиновичъ проронилъ однако нѣсколько словъ далеко не носящихъ мѣстнаго характера. «У насъ, въ Россіи, — писалъ онъ, — большая часть стараго поколѣнія евреевъ пребываетъ еще въ своемъ заплѣсневѣломъ невѣжествѣ и считаетъ всякую науку за вещь ненужную, всякое похвальное подражаніе иновѣрцамъ за смертный грѣхъ». Съ этимъ невѣжествомъ и замкнутостью Рабиновичъ въ послѣдствіи боролся въ своемъ «Разсвѣтѣ».

Слѣдующая работа Рабиновича «По поводу добраго слова» была вызвана статьей редактора «Иллюстраціи» Башуцкаго, въ которой послѣдній дружески отнесся къ евреямъ; послѣ злыхъ нападокъ Булгарина и его соратниковъ, эта сочувственная статья явилась радостной неожиданностью. Рабиновичъ горячо отозвался на нее; гуманное слово такъ взволновало его, что переходя въ въ возвышенный тонъ, онъ восклицаетъ: «Легко вообразить себѣ, въ какой неожиданный восторгъ должна была насъ ввергнуть статья г. Башуцкаго, свѣтлымъ созвѣздіемъ явившаяся омраченнымъ очамъ нашимъ!» и затѣмъ говорить, что если евреи сносили до сихъ поръ насмѣшки и клеветы, то это не потому, что они не чувствовали обиды; они надѣялись, что «настанетъ эпоха въ словесности русской, когда благонамѣренные и истинно ученые писатели откинутъ всѣ предубѣжденія и станутъ смотрѣть на еврейскій народъ глазами безпристрастія». Появленіе подобной статьи въ русской газетѣ было желательно евреямъ; статья «По поводу добраго слова» создала популярность Рабиновичу, она возстановила добрыя отношенія между нимъ и тѣми, кто еще недавно негодовалъ на него, и, будучи перепечатана другими изданіями, разошлась между евреями въ тысячахъ списковъ.

Въ это время въ Одессѣ составилъ кружокъ литераторовъ, которые издавали сборникъ: «Литературные вечера». Въ числѣ сотрудниковъ находился извѣстный въ то время поэтъ Н. Θ. Щербина, съ которымъ Рабиновичъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ еще на университетской скамьѣ; въ Одессѣ ихъ дружба укрѣпилась. Въ первомъ томѣ, «Литературныхъ вечеровъ» Рабиновичъ помѣстилъ свой разсказъ «Исторія торговаго

дома Фирличъ и К^о», а во второмъ, въ 1850 г., «Морицъ Сефарди». — Оба произведенія, не затрагивая никакихъ общественныхъ вопросовъ, являются незначительными бытовыми картинками изъ міра биржевыхъ дѣльцовъ; не обладая художественными достоинствами, они ничего не прибавили къ значенію Рабиновича, какъ писателя.

Послѣ этого въ его литературной дѣятельности наступилъ долгій перерывъ; съ 1850 по 1859 г. Рабиновичъ ничего не писалъ; время было крайне неблагоприятное; касаться въ литературѣ еврейскаго вопроса было трудно, а этотъ вопросъ былъ ему особенно дорогъ. Да и скорбь, царившая въ сердцахъ еврейскаго народа, его печальное положеніе не давали права часто напоминать о недостаткахъ, избавиться отъ которыхъ самъ не могъ собственными силами. День за днемъ протекалъ, не принося съ собою ничего отраднаго; накопились тяжелыя гнетущія впечатлѣнія, переживались печальные годы... Надо было ждать.

II.

Наконецъ наступило то время, о которомъ никто изъ тѣхъ, кому довелось его пережить, не можетъ вспомнить безъ радостнаго біенія сердца. Наступилъ тотъ моментъ, когда съ высоты престола раздались слова Императора Александра II: «Просвѣщеніе, одинаковое для всѣхъ правосудіе, терпимость и человѣколюбіе». Эти слова возбудили единодушный восторгъ въ русскомъ обществѣ, вызвали въ немъ рой надеждъ; русскіе евреи горячо откликнулись на общее радостное настроеніе; слова Императора опредѣлили новые правительственные идеалы и какъ бы

предвѣщали новую жизнь евреямъ. Дѣйствительно, наступившее время было однимъ изъ многозначительныхъ моментовъ въ нашей національной жизни; не принесъ намъ въ полной мѣрѣ того, о чемъ мечтали современники, оно доставило намъ лучшій залогъ прогрессивнаго умственнаго и нравственнаго движенія — самосознаніе; тогда же и началось улучшеніе социальнаго положенія евреевъ. Правда, не зажившія раны вызывали еще боль, но все же настоящее было такъ полно аромата перваго весенняго дня послѣ долгихъ зимнихъ ночей!

Въ это время началъ постепенно обозначаться литературный обликъ О. Рабиновича, и его дѣятельность получила болѣе опредѣленное направленіе. Если для характеристики тѣхъ неблагоприятныхъ условій, въ которыхъ протекали молодые годы Рабиновича, слѣдовало набросать хотя бы сжатую картину жизни евреевъ въ дореформенную эпоху, то теперь необходимо противоставить картину обновленной жизни евреевъ, наступившей съ воцареніемъ Императора Александра II.

Политика Россіи въ отношеніи евреевъ постепенно пріобрѣтаетъ новую окраску; является стремленіе слить евреевъ съ кореннымъ населеніемъ путемъ расширенія ихъ гражданскихъ правъ и поднятія уровня ихъ умственно-нравственнаго развитія, вслѣдствіе чего предпринимаются мѣры, направленные къ смягченію и отмѣнѣ прежнихъ ограниченій. Пріемъ въ рекруты малолѣтнихъ евреевъ, взысканіе съ еврейскихъ обществъ за рекрутскія недоимки штрафныхъ рекрутъ и пріемъ въ рекруты пойманниковъ, все это было отмѣнено указомъ 26 августа 1856 г. Въ отношеніи рекрутской повинности еврей

были сравнены съ остальнымъ населеніемъ; кантонисты еврей, наравнѣ съ христіанами, возвращены были изъ военнаго вѣдомства въ свободныя податныя состоянія; еврейскіе повѣренные, отданные за рекрутскія недоимки въ арестантскія роты, были освобождены отъ крѣпостныхъ работъ и возвращены въ прежнія мѣста жительства... Рядъ указовъ 1858—60 гг. значительно расширили «черту осѣдлости», а вскорѣ затѣмъ евреямъ, получившимъ высшее образованіе, и евреямъ купцамъ при извѣстныхъ условіяхъ, было даровано право повсемѣстнаго жительства. Льготы, предоставлявшіяся обвиняемымъ евреямъ въ случаѣ принятія ими православія во время слѣдствія или суда, были также отмѣнены. Въ области просвѣщенія еврейской массы новое направленіе выразилось въ томъ, что было признано необходимымъ дѣйствовать на подростающее еврейское поколѣніе не въ духѣ христіанской религіи, а въ духѣ общечеловѣческаго образованія, равно доступнаго всѣмъ и каждому. Эта постановка вопроса о просвѣщеніи евреевъ повлекла за собою рядъ благодѣтельныхъ мѣръ, и такимъ образомъ наступила та пора, когда существованіе какихъ бы то ни было ограниченій въ гражданскихъ правахъ евреевъ, сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ, являлось глубокимъ противорѣчіемъ стремленію правительства слить евреевъ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи.

При такихъ условіяхъ наступилъ для О. Рабиновича моментъ взяться за перо. «Въ это время, — говоритъ Л. Леванда, — насъ, евреевъ, впервые извлекли изъ пыли архива, въ которомъ мы гнили цѣлый рядъ вѣковъ, и выставили на свѣтъ Божій, на свѣжій воздухъ. О насъ

заговорили, и этимъ констатировался фактъ нашего существованія, что было очень важно само по себѣ». Это было лучшее время, пережитое русскими евреями. Сочувствіе и интересъ къ еврейскому населенію, выражавшіеся, какъ обществомъ, такъ и печатью, не были случайнымъ явленіемъ, а явленіемъ необходимо вытекавшимъ изъ той общественной атмосферы, въ которой, говоря словами А. Скабичевскаго, «всѣ поголовно стремились къ одному: прогрессу, вѣротерпимости и прекращенію всякихъ племенныхъ или религіозныхъ розней», когда «дружно, единодушно, въ одинъ голосъ вся русская литература проповѣдывала эти великіе принципы».

Наиболѣе преданнымъ другомъ евреевъ явился въ то время знаменитый Н. И. Пироговъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ русскихъ людей. Пироговъ — на югѣ, а «Русскій Инвалидъ» — на сѣверѣ были первые, которые, не побуждаемые ничѣмъ, кромѣ чувства гуманности или справедливости, выступили на защиту нашего человѣческаго достоинства и нашихъ человѣческихъ правъ. Статья Пирогова «Одесская Талмудъ-Тора»¹⁾ вызвала оживленную полемику и, между прочимъ, дала поводъ «Современнику», въ редакціонной статьѣ по случаю этой полемики, высказаться принципиально по вопросу о евреяхъ.

«Обыкновенно смотрятъ на евреевъ, не отрѣшаясь отъ того предубѣжденія противъ нихъ, которое получаетъ почти каждый изъ насъ съ самаго дѣтства, — и это, какъ

¹⁾ „Одесск. Вѣстн.“ 1858 г. 26; также см. Собраніе литературныхъ статей Пирогова. Одесса, 1858, стр. 48—61.

кажется, главная причина, почему большей частью не хотятъ (конечно, среди многихъ пороковъ) признать, однако, и тѣ хорошія нравственныя стороны, которыхъ никакъ нельзя не замѣтить въ еврейскомъ племени, хотя дошедшемъ, вообще, въ нравственномъ отношеніи, до печальнаго состоянія. Чтобы быть справедливымъ при обзорѣни еврейской народности, надобно взвѣсить не одинъ только ея современный характеръ, но необходимо также прослѣдить всѣ тѣ обстоятельства, которыя угнетали эту народность и которымъ во многихъ случаяхъ противодѣйствовали природныя свойства евреевъ, не лишенныхъ добрыхъ качествъ и изумительной стойкости среди самыхъ разнообразныхъ бѣдствій. Нужно также внимательно посмотрѣть и на тѣ дѣйствія разныхъ правительствъ, которыя, владычествуя надъ евреями и стремясь создать лучшее для нихъ положеніе, впадали однако въ ошибки, потому что нерѣдко шли путемъ совершенно противнымъ духу еврейской народности. И поэтому самому даже эти благія стремленія христіанскихъ правительствъ, готовившихъ для евреевъ лучшую гражданскую участь, оставались не только безплодными, но даже очень часто, возбуждая среди тѣхъ, въ пользу которыхъ они были направлены, недовѣріе, боязнь, непріязнь и упорство, раздражали евреевъ, заставляя ихъ еще плотнѣе смыкаться между собою и, какъ всякое противодѣйствіе, вызывали или открытый отпоръ, или затаенную вражду... Безъ теплаго сочувствія къ бѣдственной долѣ еврейскаго племени, безъ отрѣшенія отъ вѣковыхъ предубѣжденій никакъ нельзя дѣйствовать въ пользу еврейскаго народа, потому что всегда, безъ исполненія этихъ двухъ условій, передъ нашими глазами будетъ только «жидъ», а не

«израильтянинъ». Мы твердо вѣримъ, что при разумномъ пониманіи правъ cadaго человѣка, можно достигнуть того, что и личность еврея займетъ непремѣнно среди гражданскихъ обществъ ту степень, которая назначена каждому разумному существу, вызванному природой къ жизни».

Столь же ясно и принципиально высказывался по еврейскому вопросу и другой вліятельный органъ того времени «Русскій Вѣстникъ».

«Къ чему—читаемъ мы въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — разговоры о добродѣтеляхъ, когда такого рода бесѣда въ отношеніи къ евреямъ должна, кажется, начаться уничтоженіемъ причинъ, развивающихъ одни пороки. Можетъ-ли общество укорять кого либо въ отступленіи отъ нравственныхъ законовъ, если оно само не дѣйствуетъ по ихъ узаконеніямъ... Нападать на евреевъ прошла пора и прошла навѣки... (Р. В. 1858 г. т. XVIII, кн. I, стр. 126).

Мы уже сказали выше, что вопросу о евреяхъ удѣляла особенное вниманіе одна изъ лучшихъ тогдашнихъ газетъ «Русскій Инвалидъ»; газета охотно открывала свои столбцы литераторамъ-евреямъ, — какъ напр. Думашевскому, — выступавшимъ защитниками евреевъ и отражавшимъ нападки извѣстной части печати. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» печатались статьи, посвященныя трезвому, гуманному освѣщенію еврейскаго вопроса. Отмѣчая обнаруживаемый въ то время въ литературѣ поворотъ къ лучшему въ отношеніи къ евреямъ, «Русскій Инвалидъ» приводилъ это явленіе ¹⁾ въ тѣсную связь съ новымъ

¹⁾ Р. И. 1858 г. № 39.

направленіемъ, замѣченнымъ въ русской литературѣ вообще, направленіемъ, стремящимся возбудить въ читателей «вѣрованіе въ человѣческую дооблестъ и достоинство» и вызывавшемъ въ немъ сочувствіе къ человѣку, не взирая на общественное положеніе послѣдняго. Радуясь этому новому литературному направленію и примѣняя его къ евреямъ, «Русскій Инвалидъ» высказывалъ надежду, что это именно теченіе сдѣлается преобладающимъ въ литературѣ. «Будемъ, — такъ заключалась статья, — достойны своего вѣка, откажемся отъ бѣдственной привычки выводить въ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ евреевъ на позоръ и посмѣшище; напротивъ, припомнимъ причины доведенія ихъ до такого состоянія; не позабудемъ врожденной способности евреевъ къ наукамъ, искусствамъ и знаніямъ и, давъ имъ мѣсто среди насъ, воспользуемся ихъ энергіей, находчивостью, изворотливостью, какъ новымъ средствомъ, чтобы удовлетворить ежедневно разрастающимся нуждамъ общества!»

Въ это время еврейское населеніе уже не представляло собою группы никѣмъ не защищаемыхъ, безправныхъ людей. Нѣтъ, правовое положеніе евреевъ значительно улучшилось, а сочувствіе къ нимъ общества и печати давало имъ нравственное удовлетвореніе. А разъ стремленіе къ улучшенію положенія евреевъ проявилось внѣ самой среды евреевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что настала пора, когда долженъ былъ раздаться голосъ еврея къ еврею, голосъ правды, смѣло обличающій все недостойное, лживое, вредное.

Этотъ первый голосъ правды принадлежитъ О. А. Рабиновичу.

Могучее общественное движеніе, которымъ была ох-

вачена вся Россія, не могло, конечно, не отразиться и на умственной жизни Одессы, но это отраженіе сказалось съ особенной силой, благодаря дѣятельности столь свѣтлой личности, какъ Н. И. Пироговъ: извѣстно, какъ этотъ благороднѣйшій человѣкъ умѣлъ оживлять все то, чему онъ посвящалъ свое вниманіе. Подъ его вліяніемъ въ Одессѣ образовался немногочисленный, энергической кружокъ ученыхъ и литераторовъ, которые своими статьями въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и въ отдѣльно издававшихся сборникахъ начали будить общественную мысль. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этого кружка былъ и Рабиновичъ. — «Одесскій Вѣстникъ» началъ выходить тогда подъ редакціей двухъ молодыхъ профессоровъ А. М. Богдановскаго и А. И. Георгіевскаго и, въ короткое время переродившись, занялъ почетное мѣсто въ журналистикѣ. Въ № 10 этой газеты появилась статья О. Рабиновича «О Мошкахъ и Юськахъ», полная живого юмора и веселости, за которыми скрывались боль и слезы автора; подъ видомъ шутки Рабиновичъ высказалъ въ ней евреямъ обидную для ихъ самолюбія истину, стараясь смягчить ее выраженіемъ своего братскаго сочувствія къ ихъ положенію. «Я сказалъ, что у меня лежало на душѣ, — заканчивалъ Рабиновичъ свою статью, — потому что всякая въ васъ несообразность или недостатокъ громко отзывается у меня въ сердцѣ, оттого что люблю васъ, соболѣзую вамъ». Несмотря на такое заявленіе автора, его статья не была оцѣнена по достоинству; многіе видѣли въ ней лишь «забаву пера», не желая того понять, что приглашая своихъ единовѣрцевъ избавиться отъ такихъ неблагозвучныхъ кличекъ, какъ Юська, Мошка, Нотка, Маіорка, непристойныхъ для разумнаго существа, кли-

чекъ рожденныхъ въ печальные дни пребыванія въ Польшѣ, Рабиновичъ хотѣлъ напомнить, что пора перестать *уменьшаться*, что не нужно забывать о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, что надо облагораживать, а не опошлять себя. Приводя происхожденіе этихъ исковерканныхъ, опошленныхъ именъ, равно происхожденіе костюма «печальныхъ остатковъ прежняго величія», Рабиновичъ говорилъ евреямъ — современникамъ, что въ дни пребыванія въ Польшѣ, «въ возмездіе за данное вамъ убѣжище вы стали унижаться предъ польскими панамі... Вы были очень рады, что вамъ дали для жительства особыя кварталы и были очень довольны, что васъ называли Маіоркой и Мошкой: и то, и другое вы сами избрали для себя; вы были очень рады, что изъ васъ не брали солдатъ и что васъ не обременяли городскими должностями; все это, казалось вамъ, дѣлалось изъ особеннаго расположенія къ вамъ; все это вы сами для себя выхлопотали, можетъ быть даже купили за большія деньги. Но когда прошли годы, вещи стали вамъ показываться въ настоящемъ ихъ свѣтѣ; вы порывались въ другіе кварталы и улицы, но васъ уже не пускали; вы желали носить оружіе, но вамъ не дозволяли этой чести; вы хотѣли отправлять общественныя должности, но васъ не выбирали; вы кричали во весь голосъ, что вы Мойсей или даже Мозесъ, Беръ или даже Бернгардъ, но вамъ съ презрительной усмѣшкой отвѣчали: «неправда, вы Мошка и Берка!»

Современники Рабиновича однако не хотѣли понять глубокаго смысла скрытаго въ этихъ строкахъ, не хотѣли слышать совѣта не прятаться въ своихъ норахъ, а идти на встрѣчу тому братскому движенію, которое русское интеллигентное общество обнаружило въ отношеніи евре-

евъ. Статья «О Мошкахъ и Іоськахъ» обратила на себя вниманіе столичной прессы; благопріятная замѣтка объ этой статьѣ, появившаяся въ передовомъ органѣ «Русскій Инвалидъ», была перепечатана въ иностранныхъ газетахъ.

Указавъ на унижительную сторону коверканія собственныхъ именъ, Рабиновичъ не счелъ свою работу законченной и вскорѣ въ «Новороссійскомъ Литературномъ Сборникѣ» (1859 г.) появилась его статья «О собственныхъ именахъ евреевъ», служившая дополненіемъ къ статьѣ «О Мошкахъ и Іоськахъ», посвященная исторіи происхожденія еврейскихъ именъ и ихъ постояннаго измѣненія въ разныхъ странахъ и въ разные времена; въ этой статьѣ Рабиновичъ объясняетъ, какъ легко было бы избавиться отъ исковерканныхъ именъ, когда у насъ есть столько прекрасныхъ, благозвучныхъ.

Мы нѣсколько подробнѣе остановимся на этой статьѣ, такъ какъ у насъ и по сію пору собственныя еврейскія имена безграмотно коверкаются въ метрическихъ записяхъ, а въ послѣдствіи, при возстановленіи ихъ правильнаго произношенія, возникаютъ недоразумѣнія, печально отзываются на носителѣ подобнаго имени; коверканье распространяется не только на имена, заимствованныя у другихъ народовъ, но даже и на библейскія, и это явленіе особенно прискорбно въ текущіе дни, когда метрическія книги ведутся не безграмотными «шамосимъ», какъ въ былые годы, а болѣе или менѣе интеллигентными раввинами, которые знаютъ и правильное произношеніе имени и его русское правописаніе, но которые тѣмъ не менѣе записываютъ имя въ томъ видѣ, какъ оно диктуется невѣжественными родителями новорожденнаго, не

пытаясь объяснить имъ непристойность измышляемыхъ кличекъ.

«Имя каждаго индивидуума, — говоритъ Рабиновичъ, — идетъ рука объ руку съ цѣлымъ народомъ: оно получаетъ свое происхожденіе отъ живаго языка, а значеніе отъ исторіи народа, его обычаевъ, наклонностей и домашней жизни. Древнія имена часто скрываютъ въ себѣ цѣлый рядъ происшествій, и выражаютъ иногда радость избавленія, иногда вопль отчаянія, но всегда смыслъ вѣрный своей эпохѣ, и кто желаетъ читать эти, повидимому, незначительныя слова, для того они могутъ служить ключемъ къ знакомству съ стариной». — Большая часть первыхъ еврейскихъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ Пятикнижии Моисея, вывелись изъ употребленія вслѣдъ за водвореніемъ евреевъ въ обѣтованной землѣ, хотя нѣкоторыя имена удержались и въ послѣдующихъ эпохахъ и въ разныхъ измѣненіяхъ дошли до нашего времени. Въ эпоху Персидской имперіи (536—432 до Р. X) евреи еще не брали именъ изъ своихъ священныхъ книгъ, а черпали ихъ изъ своего языка, по своему произволу, выражая ими современное положеніе своей націи, ея чувства и упованія, и тогда появляются такія имена, какъ: Зерубабель, означающее Вавилонскій плѣнъ; Эламъ — страну Иранъ, Хараія — гнѣвъ Божій, Педаія, Рафаія, Нехемія — выражающія надежду и утѣшеніе, Іодуія — благодарность, — и только съ того времени, когда еврейскій языкъ пересталъ быть разговорнымъ, евреи стали прибѣгать за именами къ своимъ древнимъ лѣтописямъ, и это сдѣлалось даже нѣкоторою религиозною потребностью для возможнаго сохраненія національ-

ности ¹⁾. Впослѣдствіи, селясь въ разныхъ странахъ, евреи оставляли свой родной языкъ, а вмѣстѣ съ чужимъ языкомъ у нихъ начали появляться чужія имена, которыя иногда переводились на древній еврейскій языкъ, а иногда оставались неперевоенными; но даже и тогда, когда еврейскій языкъ сдѣлался мертвымъ, изъ него порою заимствовали слова и дѣлали изъ нихъ собственные имена.

Раньше всего въ еврейскихъ собственныхъ именахъ появилось халдейское окончаніе и тогда же встрѣчается первый примѣръ перевода чужого имени на еврейскій языкъ: имя Харифъ превратилось въ «Іора», первое по арабски, второе по еврейски означаетъ *осенній дождь*; одно время евреи даже заняли у вавилонянъ идолопоклонническія имена, напр. Нэбо, т. е. Меркурій, Тамуза — Адонисъ. — Особенно разнообразными стали еврейскія имена въ греческій періодъ (330—340 гг.), когда владычество грековъ внесло въ еврейское общество — главнымъ образомъ въ высшее еврейское общество — коренныя греческія имена, при чемъ раньше остальныхъ вошло въ употребленіе имя Александръ; легенда передаетъ, что когда Александръ Великій вступилъ торжественно въ Іерусалимъ, ²⁾ онъ потребовалъ, чтобы его статую поставили въ храмъ; священники воспротивились этому, ссылаясь на законъ Моисея, воспрещающій всякій намекъ на идолопоклонничество; Александръ огорчился, тогда стоявшій во главѣ іудейской аристократіи и ученаго сословія, Симеонъ, утѣшилъ его обѣщаніемъ, что всѣ мла-

¹⁾ „О собственныхъ именахъ евреевъ“ сочин. О. Рабиновича т. III стр. 71.

²⁾ Ibid стр. 77.

денцы мужского пола, которые рождаются въ Іудеѣ въ теченіе цѣлаго года, будутъ названы его именемъ...

При наступленіи зависимости евреевъ отъ Римской имперіи вошли въ употребленіе такія имена, какъ Агрипина, Антоній, Тиберій, Юліусъ и т. д.

Что же касается женскихъ именъ, то мы встрѣчаемъ здѣсь такое же смѣшеніе именъ различнаго характера и происхожденія, какъ и въ мужскихъ именахъ, при чемъ только нѣсколько изъ нихъ принадлежатъ къ древнимъ библейскимъ, какъ напр., Ханна (Анна), Юдита (Юдиѣ), Мириамъ, Рахель. — Очень часто чужое имя сопровождалось другимъ, національнымъ, и такимъ образомъ получились двойныя имена ¹⁾; сначала пользовались чужими именами при употребленіи чужого языка, или въ сношеніяхъ съ чужестранцами, а впослѣдствіи, именно въ I вѣкѣ по Р. Х., ихъ уже стали вносить въ акты. — У евреевъ, говорившихъ по гречески, было обыкновеніе принимать чужестранныя имена не только въ языческихъ странахъ, гдѣ они селились общинами, но даже въ самой Палестинѣ, гдѣ они до послѣдней катастрофы пользовались большею или меньшею независимостью и не упустили малѣйшаго случая отстоять свою народность. Самые благочестивые люди не чуждались языческихъ именъ, и мы напр. находимъ первымъ учителемъ Мишны — Антигона, первосвященниками — Аристовула и Теофила, членомъ Синедриона — Никодима, мучениками за вѣру — Папуса и Юліана ²⁾; поэтому лица, переходившія въ еврейство, могли по своему желанію, принять іудейское имя, или оставаться при своемъ языческомъ, и въ то же время лица, пере-

¹⁾ Ibid стр. 78.

²⁾ Ibid стр. 79.

ходившія въ христіанскую вѣру, не были обязаны мѣнять свое имя; переменна именъ была установлена, какъ церковью, такъ и синагогой, уже гораздо позже. — Вообще, права присвоить себѣ языкъ и имена господствующаго народа у евреевъ никто никогда не отнималъ, а евреи, сходясь съ народами, среди которыхъ жили, такъ поддавались ихъ вліянію, что даже свои древне-библейскія имена выговаривали на чужой ладъ. — Съ эпохи Селевкидовъ у евреевъ началъ распространяться обычай ¹⁾ давать своимъ дѣтямъ имя какого нибудь своего благодѣтеля, и этимъ выражалась благодарность послѣднему; затѣмъ мальчика часто называли по имени отца или кого нибудь изъ предковъ; этотъ обычай сильно распространился и такимъ образомъ коллекція извѣстныхъ именъ переходила изъ вѣка въ вѣкъ, повторялась въ каждомъ поколѣніи и, собирая въ своемъ теченіи различныя прибавленія, измѣненія и новыя формаціи, въ этомъ видѣ дошла до порога среднихъ вѣковъ ²⁾. Въ средніе вѣка (1000—1492 по Р. Х.) на этотъ обычай смотрѣли, какъ на религіозную потребность; нѣкоторыя имена сдѣлались наследственнымъ достояніемъ цѣлыхъ поколѣній; были имена, которыя характеризовали цѣлыя страны. Въ нѣкоторыхъ общинахъ вошелъ впослѣдствіи еще обычай, отчасти сохранившійся и донинѣ, переменять прежнее имя заболѣвшаго на другое, выражавшее надежду на исцѣленіе, какъ напр. Хаимъ (жизнь), Іосифъ (умножь, т. е. лѣта) ³⁾. Въ религіозныхъ отправленіяхъ въ синагогѣ еврей долженъ называться кореннымъ еврейскимъ

¹⁾ Ibid стр. 80.

²⁾ Ibid стр. 80.

³⁾ Ibid стр. 83.

именемъ, или такимъ, которое звучало бы по еврейски, и оттого родились опять переводы, но уже съ мѣстнаго языка на еврейскій, напр. Бенедиктъ превратился въ Барухъ, *благословенный*, Гиршъ въ Цеви, *олень*. Во второй половинѣ 18-го столѣтія, когда быть евреевъ въ Европѣ измѣнился къ лучшему, еврейскія имена, какъ коренныя, такъ и заимствованныя, очистившись отъ своихъ идиотизмовъ и провинціализмовъ, стали постепенно приближаться къ тѣмъ первоначальнымъ формамъ, въ которыхъ они впервые слагались въ разныхъ странахъ и при различныхъ обстоятельствахъ ¹⁾).

Въ концѣ своего очерка Рабиновичъ приводитъ таблицу собственныхъ именъ, употребляемыхъ въ Россіи, которыя дѣлятся на двѣ категоріи: а) на коренныя еврейскія имена, т. е. имѣющія своимъ корнемъ древне-еврейскій языкъ и б) на заимствованныя изъ другихъ языковъ,—и сѣтуетъ на то, что во всѣ вѣка, потѣшаясь надъ евреемъ и его именемъ, писатели коверкали еврейскія имена и надѣляли своихъ евреевъ-героевъ такими именами, которыя никогда не существовали; даже у Шекспира и у Вальтеръ Скотта встрѣчаются евреи съ небывалыми именами, напр., Цареть, Кирьяшъ - Еаримъ (Айвенго), Шейлокъ, Тубаль (Венеціанскій купецъ); въ русской же литературѣ имена: Хайло, Мовша Мошіахъ, Манчестеръ и т. п. фигурировали въ изобиліи.

Въ заключеніе Рабиновичъ говоритъ, что своимъ историческимъ обзорѣніемъ онъ хотѣлъ дополнить то, что началъ въ статьѣ «о Мошкахъ и Юськахъ». «Если я тамъ вооружался,—пишетъ онъ,—противъ неуваженія

¹⁾ Ibid стр. 89.

моихъ соплеменниковъ къ своимъ собственнымъ именамъ, то здѣсь, вѣрнымъ изложеніемъ происхожденія ихъ именъ въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, я хотѣлъ показать средство, какъ легко можно избѣжать погрѣшностей, несогласныхъ съ духомъ нашего времени».

Посвящая свои двѣ указанныя работы «О Мошкахъ и Юськахъ» и «О собственныхъ именахъ евреевъ» вопросу внутренней жизни евреевъ, Рабиновичъ въ то же время зорко слѣдилъ за тѣмъ, что происходило внѣ ея, и изъ подъ его пера вылилась горячая апологія «Устарѣлыя взгляды при дневномъ свѣтѣ», появившаяся въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ которой онъ протестуетъ противъ злыхъ нападокъ «Сѣв. Пчелы» на евреевъ. «Я считаю своимъ долгомъ,—писалъ Рабиновичъ въ «Русскомъ Инвалидѣ»,—доказать публично, что безыменнымъ авторомъ фельетонной статьи руководили не святая истина и ясное разумѣніе предмета, а духъ предубѣжденія и нетерпимости... Главнымъ основаніемъ для фельетониста послужилъ собственный его превратный и недружелюбный взглядъ на весь народъ еврейскій»...

Эта горячая прочувствованная статья, вырвавшаяся наружу, какъ болѣзненный стонъ, обнаруживала во всей полнотѣ глубокую любовь, которую Рабиновичъ питалъ къ своимъ единовѣрцамъ. Конечно, такая статья должна была вызвать въ сердцѣ каждаго ебрея-современника чувство братской благодарности и уваженія. И дѣйствительно, Рабиновичъ былъ нравственно вознагражденъ обиліемъ полученныхъ имъ писемъ съ выраженіемъ сердечныхъ чувствъ. Но популярность его еще болѣе возрасла тогда, когда въ 1859 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ»

появился его первый рассказ изъ «Картинъ Прошлаго» — «Штрафной».

III.

«Изъ мрака прошедшаго встаютъ передо мною тѣни, но не давно забытыя, какъ обыкновенно говорятъ, а долго спавшія на двѣ моей памяти», — такъ начинается «Штрафной», и предъ читателемъ дѣйствительно появляются эти тѣни; постепенно сгущаясь въ его воображеніи, онѣ переносятъ его въ печальное прошлое; давно исчезнушіе люди, словно живые, встаютъ передъ нимъ, вызывая слезы на его глазахъ.

Содержаніе разсказа просто; единственное лицо, которое играетъ въ немъ роль — это самъ герой *Штрафной*. Авторъ познакомился съ нимъ въ какомъ-то городишкѣ; онъ его часто замѣчалъ сидящимъ у низенькаго окна за книгой; онъ бы не обратилъ на него вниманія, если бы не встрѣтилъ его однажды въ солдатской шинели на работѣ; авторъ сперва усомнился, дѣйствительно-ли этотъ старый еврей съ выбритыми щеками, съ печальнымъ лицомъ, всегда склоненный надъ книгой, былъ на работѣ въ солдатской шинели? Онъ познакомился съ нимъ и узналъ, что старикъ — *штрафной*; старикъ разсказалъ ему свою печальную повѣсть: когда-то онъ былъ состоятельнымъ человѣкомъ и потому былъ выбранъ *кагалънымъ*, т. е. однимъ изъ тѣхъ официальныхъ лицъ, которые стояли во главѣ еврейскихъ общинъ и отъ которыхъ послѣднія находились въ большой зависимости; предъ кагалнымъ дрожали и старъ, и младъ.

— Знаете-ли вы, что такое кагалный, — спрашиваетъ герой разсказа и тутъ же отвѣчаетъ, — это разбойникъ

или мученикъ, середины здѣсь нѣтъ. Онъ долженъ выносить плачь бѣдняка, у котораго за подати отняли послѣднее одѣяло, служившее защитой отъ холода его нагому семейству; онъ долженъ выносить вопль вдовы, у которой взяли въ рекруты послѣдняго сына; онъ долженъ переносить гоненія отъ богатыхъ, если какъ-нибудь затронетъ ихъ дальнюю родню по взысканію или другимъ повинностямъ; онъ долженъ подвергаться преслѣдованіямъ начальства, если изъ жалости къ нищей братіи, онъ вздумалъ остановить денной грабежъ откупщика *коробочнаго сбора*. Если у кагалнаго есть сердце, онъ подвергается ежедневнымъ истязаніямъ; если вмѣсто сердца у него камень въ груди, онъ присоединяется къ притѣснителямъ и набиваетъ себѣ карманъ. Что я вынесъ, что я вытерпѣлъ, это знаетъ одинъ Богъ всевѣдущій».

Если мы вспомнимъ набросанную нами выше картину экономическаго положенія евреевъ въ дореформенную эпоху, когда въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ было отмѣчено, что бѣдность еврейскихъ обществъ и обременіе ихъ значительнымъ, сравнительно съ прочими податными сословіями, сборомъ препятствуетъ правильному поступленію такового, если мы вспомнимъ тяжелыя, исключительно для евреевъ созданныя, условія отбыванія воинской повинности, мы увидимъ, какими живыми, вѣрными красками изобразилъ Рабиновичъ ту эпоху.

«Съ каждымъ годомъ и съ каждымъ наборомъ, — продолжаемъ мы разсказъ «штрафнаго», — накопились на нашемъ обществѣ денежныя и рекрутскія недоимки. Преніе наборы сильно истощили насъ; многія семейства разбѣжались и безъ вѣсти пропали, многія ушли за границу; не было мѣщанской семьи, гдѣ бы не было недо-

чета въ братѣ, сынѣ, внука, мужѣ: иной скрылся, иного уже отдали въ рекруты. Другія семейства отбывали даже по два и по три раза рекрутскую повинность: такъ скоро, за неимѣніемъ другихъ, доходила до нихъ очередь. Наборы у насъ бывали частые... Каждый разъ по десяти человѣкъ съ тысячи, шутка-ли! А сколько въ этой тысячѣ считается малолѣтнихъ, умершихъ, стариковъ, больныхъ и неспособныхъ, бѣглыхъ и, наконецъ, выбывшихъ уже въ службу, но еще не исключенныхъ изъ ревизіи!..

Мучились мы, выборные, люди, свидѣтель Богъ, какъ мучились, желая выполнять требованія начальства. Гдѣ былъ сирота, гдѣ былъ бобыль, гдѣ былъ гуляка, мы всѣхъ поотдавали; семейства боролись съ нами, да и правы были: они уже давнымъ давно по разу и по два отбыли свою очередь.

Получено было распоряженіе, чтобы, во избѣжаніе будущей неисправности, мы впредь за каждаго недоданнаго рекрута давали еще по 2 рекрута штрафа, и за каждые 2000 р. денежной недоимки давали тоже по одному рекруту; въ случаѣ же неисполненія, отдавать самихъ кагалныхъ и старость въ солдаты и зачислять ихъ въ штрафные... На насъ числилось штукъ до 40 недоимки и теперь мы—подумайте—должны были дать 120, да прибавьте еще сто двадцать слишкомъ очередныхъ рекрутъ по набору, не говоря о десяткахъ тысячъ рублей недоимки, которые слѣдовало тоже замѣнить людьми.

Что происходило тогда у насъ, я не въ силахъ вамъ описать. Гонцы поскакали въ «губернію», деньги сыпались, какъ негодный соръ, мы умоляли о помилованіи, объ отсрочкѣ. Опять пошла представленія, куда слѣдуетъ.

Но мы пока не дремали: мы начали хватать кого могли. За кого только заступиться было некому, тотъ былъ у насъ рекрутъ; дѣтей 8 лѣтъ брали въ рекруты, ихъ сковывали по-парно и отправляли».

Передавая судьбу штрафного и тѣ несчастія, которыя его постигли: смерть жены, безуміе старшей дочери и позорное поведеніе младшей, выросшей безъ присмотра родителей, Рабиновичъ часто отклоняется въ сторону, говоря то о броженіи въ еврейскомъ обществѣ, выразившемся въ стремленіи молодежи къ просвѣщенію, то о вредѣ, который приносили ранніе браки, и попутно рассказываетъ о нѣкоторыхъ фактахъ изъ внутренней бытовой и общественной жизни евреевъ. Между прочимъ онъ упоминаетъ о хасидахъ «съ ихъ восторженными замашками, невѣжественными цадиками» и о той зависимости, въ которой находилась по отношенію къ нимъ народная масса; во главѣ хасидовъ стояли очень богатые люди, которые платили огромныя «подати» своимъ цадикамъ и такимъ путемъ пользовались властью надъ бѣдными собратьями; въ ихъ рукахъ сосредоточились также и всѣ промыслы.

Наряду съ «штрафнымъ» въ рассказѣ фигурируютъ и другія лица—это «пойманники», т. е. тѣ, которые были пойманы безъ письменнаго вида и отданы въ солдаты. Еврейскія общества получили въ то время разрѣшеніе ловить у себя всѣхъ безпаспортныхъ, принадлежащихъ къ другому обществу и даже другой губерніи, и отдавать ихъ въ солдаты въ зачетъ своей рекрутской повинности; всякому желающему предоставлялось ловить безпаспортныхъ и отдавать ихъ въ рекруты за себя или за свое семейство. Этимъ, очевидно, хотѣли по-

мочь еврейскимъ общинамъ покрыть недоборы рекрутъ. Повсюду велась ловля людей; хватали, кого могли, были тотъ безпаспортный или нѣтъ; паспортъ не обезпечивалъ безопасности, потому что онъ уничтожался, и несчастный пойманикъ долженъ былъ покоряться своей печальной участи: деньги заглаживали всѣ послѣдствія такого насилія и произвола. Это былъ явный торгъ людьми, которыхъ продавалъ, кто хотѣлъ, и покупалъ, кто могъ и имѣлъ надобность. Въ то время было опасно отлучаться изъ дома безъ паспорта. За людьми охотились, какъ за дикими звѣрями; вырывали дѣтей изъ объятий родителей, силою или хитростью, и увозили и продавали, какъ безпаспортныхъ.

Таковы моменты изъ нашего прошлаго, которые изобразилъ Рабиновичъ на память потомству.

Въ наши дни трудно представить себѣ то глубоко потрясающее впечатлѣніе, какое произвелъ «Штрафной» не только на евреевъ, но и на христіанское общество. Этотъ рассказъ, печальный и ужасный въ своей правдивости, нарисовалъ слишкомъ знакомыя всѣмъ картины недавняго прошлаго. Въ образѣ «штрафного» предъ читателемъ является еврейскій народъ съ своей тихой скорбью о настоящемъ и съ безмолвной надеждой на лучшее будущее. Прочитывая въ этой повѣсти все пережитое, современники проливали слезы и эти слезы одновременно выражали и горе, которое вызывалось тяжелыми воспоминаніями, и радость, которую доставляло имъ сознаніе, что этотъ міръ скорби и слезъ, міръ штрафныхъ и пойманиковъ, канулъ въ вѣчность и что ему на смѣну идетъ свѣтлое будущее.

За прочтеніе книжки «Русскаго Вѣстника», въ которой

былъ напечатанъ «Штрафной», платили большія деньги; отпечатанные отдѣльно экземпляры были скоро распроданы. Книга появилась въ такихъ еврейскихъ домахъ, гдѣ считалось грѣхомъ держать книгу, напечатанную не-еврейскимъ шрифтомъ; въ молитвенныхъ домахъ и ешиботахъ грамотѣи переводили рассказъ на еврейскій жаргонъ; многіе изъ евреевъ, которые сами испытали судьбу «Штрафного», въ годовщину печальнаго для нихъ событія просили читать рассказъ вслухъ передъ семьей. Чтобы судить о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ «Штрафной» на умы современниковъ, достаточно указать, что состоявшееся послѣ напечатанія рассказа Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи и возвратѣ къ семействамъ всѣхъ отданныхъ за штрафъ въ военную службу должностныхъ лицъ еврейскихъ обществъ, народная молва и часть заграничной печати приписывали вліянію «Штрафного». Современники передаютъ, что «Штрафной» во многихъ образованныхъ домахъ вытѣснилъ тогда «Агаду», читаемую въ Пасху. Причины столь необычайнаго успѣха «Штрафного» слѣдуетъ искать между прочимъ и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ появился въ самое горячее время, въ наиболѣе видномъ журналѣ, но главной причиной успѣха было, конечно, само содержаніе рассказа; оно заключало въ себѣ столь знакомыя мрачныя картины, отчасти уже и тогда отошедшія въ область прошлаго, что отсутствіе въ авторѣ художественнаго дарованія не могло препятствовать сильному впечатлѣнію, какое рассказъ производилъ и производитъ въ наши дни на читателя. Факты жизни, воспроизведенные въ «Штрафномъ», сами говорятъ за себя, не нуждаясь въ помощи художественныхъ образовъ. Дѣйствительно, если мы подойдемъ къ рассказу, какъ къ худо-

жественному произведенію, мы легко замѣтимъ его отрицательныя стороны; но относиться къ «Штрафному» съ этой точки зрѣнія несправедливо; «Штрафной» можно сравнить съ маякомъ: пусть зданіе не отвѣчаетъ требованіямъ изящной архитектуры — его свѣтъ оказываетъ услугу.

Во время неоднократныхъ поѣздокъ за границу Рабиновичъ свелъ знакомство во Франкфуртѣ на Майнѣ съ извѣстнымъ историкомъ Іостомъ; знакомство это перешло въ самую горячую дружбу, несмотря на разницу въ лѣтахъ. Іостъ, какъ извѣстно, сверхъ своей глубокой учености, былъ отличнымъ лингвистомъ. Онъ хорошо зналъ русскій языкъ и со вниманіемъ слѣдилъ за русской литературой. Едва успѣлъ «Штрафной» появиться въ «Русск. Вѣстн.», какъ Іостъ перевелъ его на нѣмецкій языкъ и напечаталъ въ «Jahrbuch für die Geschichte der Juden u. des Judenthums» (Leipzig, 1860). «Вамъ будетъ лестно знать, дорогой другъ мой, — писалъ Іостъ Рабиновичу, — что все первое изданіе перевода вашей повѣсти въ числѣ 4800 экземпляровъ разошлось въ теченіе двухъ недѣль»¹⁾.

Появившійся въ слѣдующемъ году второй рассказъ изъ «Картинъ прошлаго» — «Наслѣдственный подсвѣчникъ», напечатанный въ «Разсвѣтѣ» (1860 г.), былъ встрѣченъ еврейской публикой съ такимъ же восторгомъ, какъ и «Штрафной».

Мирная жизнь матроса Арона Малкина и его жены

¹⁾ Іостъ занялся переводомъ „Штрафного“ на англійскій языкъ и сверхъ того началъ переводить на нѣмецкій языкъ „Наслѣдственный подсвѣчникъ“, но смерть помѣшала довести эти работы до конца.

Зельды переносятъ насъ въ далекое время до Крымской кампаніи; кое какъ перебиваясь, супруги не жалуются на судьбу. Ихъ утѣшеніе — сынъ Сендеръ — тоже матросъ (отецъ и сынъ служатъ въ одномъ экипажѣ), да приемышъ Маша, сиротка-родственница. Въ свободное отъ службы время Аронъ занимается сапожнымъ мастерствомъ, Зельда-же весь день хлопочетъ на содержимомъ ею заѣвжемъ дворѣ. Читая въ рассказѣ объ этихъ труженикахъ, хочется вѣрить, что старики еще долго будутъ наслаждаться своимъ семейнымъ счастьемъ, довольствуясь жалкимъ питаньемъ и убогимъ жилищемъ, но нижеслѣдующія слова Зельды вызываютъ грустную мысль, что грозовая туча не за горами.

— Теперь мы здѣсь на службѣ, — говоритъ Зельда своему мужу, — намъ позволено держать постоянный дворъ для евреевъ, что пріѣзжаютъ сюда по дѣламъ и которымъ начальство разрѣшаетъ временное пребываніе. Какъ тамъ Богъ даетъ, а мы около нихъ тоже кормимся, и на капоть и башмаки перепадаетъ. А когда получишь отставку, насъ вѣдь отсюда выгонять, куда мы тогда преклонимъ голову?..

— Какъ отсюда выгонять? — вскричалъ Аронъ, бросивъ сердито сапогъ на прилавокъ, у котораго работалъ. — Кто тебѣ сказалъ, что выгонять, баба ты неразумная! Ишь ты! Отечеству служу, лучшіе свои годы здѣсь положилъ, сына для службы вскормилъ! Выгонять... За что?..

Нѣкогда Аронъ Малкинъ былъ помощникомъ винокура, мечтавшимъ и самому сдѣлаться современемъ винокуромъ; его мечты были однажды близки къ осуществленію именно тогда, когда онъ женился на черноокой

Зельдѣ, дочери своего хозяина, владѣльца трехъ винокуренныхъ заводовъ; но хозяинъ умеръ, все его имущество было распродано за долги, Аронъ остался нищимъ и только, горько рыдая, Зельда упростила одного кредитора оставить ей на память «старый мѣдный подсвѣчникъ о трехъ вѣтвяхъ», надъ которымъ въ субботу и праздники благочестиво молилась ея мать. Вскорѣ Арона постигло большое несчастье: ему не выслали новаго паспорта изъ общества. Въ это время грянулъ наборъ, ловцы его быстро отыскали, и Аронъ былъ сданъ въ солдаты. Прошло много лѣтъ, Аронъ свыкъся со своею жизнью и примирился съ мыслью, что его сынъ, Сендеръ—тоже матросъ, что когда-нибудь и дѣти Сендера также будутъ матросами. Но Зельда боялась этихъ мыслей, она не хотѣла, чтобы ея внукъ, — пока еще не существовавший, — служилъ во флотѣ и потому-то она такъ долго не соглашалась на бракъ Сендера съ Машей, но наконецъ уступила просьбѣ сына, и маленькая семья пережила тогда много отрадныхъ минутъ; наследственный подсвѣчникъ былъ тщательно вычищенъ и въ пятницу вечеромъ Зельда долше обыкновенно молилась надъ нимъ. Вскорѣ семья Арона увеличилась однимъ членомъ—внучкой. Правда, матеріальное положеніе семьи сильно ухудшилось, но все же дни, по выраженію Зельды, все гнались вслѣдъ за ночами и все укладывались гдѣ-то рядомъ другъ подлѣ друга. Вдругъ пришло извѣстіе о войнѣ. Къ концу года Аронъ имѣлъ получить отставку, но теперь ему пришлось вмѣстѣ съ сыномъ отплыть на кораблѣ. Старикъ не горевалъ, веселыми шутками старался ободрить приунывшихъ женщинъ. Зельда и Маша со слезами проводили мужей...

Вскорѣ пришло извѣстіе, что Аронъ и Александръ Малкины убиты. Одна бомба на мѣстѣ уложила и отца и сына. Вдовы съ трудомъ боролись съ нищетою.

Предсказаніе Зельды сбылось. Вдовы вынуждены были распродать все свое незавидное имущество; покинувъ насиженное гнѣздо, онѣ холоднымъ весеннимъ утромъ отправились пѣшкомъ изъ города. У каждой изъ нихъ висѣла небольшая котомка за плечами, надъ котомкой старухи возвышался наследственный подсвѣчникъ, тщательно завернутый въ холстину. По дорогѣ встрѣтился добрый человекъ, хозяинъ заѣзжаго двора, который далъ имъ возможность продолжать путь уже не пѣшкомъ: вдовы помѣстились на повозкѣ.

— Къ чему вамъ таскаться съ этимъ подсвѣчникомъ, — сказалъ хозяинъ, — оставьте его у меня, я вамъ заплачу хорошую цѣну.

— Ни за какія блага, — отвѣчала Зельда рѣшительно. — Этотъ подсвѣчникъ переходитъ изъ рода въ родъ въ моемъ семействѣ. Еще моя прабабка спасла его во время пожара и грабежа въ одинъ изъ набѣговъ Гонты. Теперь и со мною случилось нѣчто подобное. Если-бы я изнемогала отъ голода, то и тогда скорѣе рѣшилась бы просить подаваніе, чѣмъ продать мое семейное сокровище.

Вдовы пріѣхали въ городъ. Зельда поступила кухаркой. Маша пристроилась къ одной швеѣ. Только по пятницамъ вечеромъ Зельда видѣлась со снохой и съ внучкой. По обыкновенію Маша тщательно чистила наследственный подсвѣчникъ, а старуха молилась надъ нимъ.

— Видишь этотъ подсвѣчникъ, — сказала однажды Зельда внучкѣ, — онъ мнѣ напоминаетъ мою мать, тебѣ же онъ когда-нибудь напомнитъ твою бабу, другого на-

слѣдства она тебѣ не оставитъ. Помни, дитя мое дорогое, помни и не забудь, что у тебя были и отецъ, и дѣдъ, и что они пали на войнѣ за отечество. Когда ты, глядя на подсвѣчникъ, подумаешь о бабкѣ, подумай и о нихъ, подумай съ любовью и сожалѣніемъ, но чтобы ни проклятія, ни ропоть, ни негодованіе не смѣшивались съ этою священной памятью.

«Обѣ вдовы задумались и долго не спускали глазъ съ трехвѣтвистаго подсвѣчника, имѣвшаго для нихъ такой глубокой смыслъ, несмотря на то, что онъ былъ измятъ и неуклюжъ, и что въ немъ тускло топились три копѣчныя свѣчки»...

IV.

Хотя положеніями 1804 и 1835 гг. евреи и допускались въ среднія и высшія учебныя заведенія, тѣмъ не менѣе желавшихъ поступить въ указанныя учрежденія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, почти совсѣмъ не было; на ряду съ этимъ возникшія при министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Уваровѣ казенныя школы не въ состояніи были привлечь въ свои стѣны достаточное количество учащихся, и такимъ образомъ общее образованіе среди евреевъ распространялось крайне туго; одной изъ многихъ причинъ вышесказанныхъ явленій слѣдуетъ признать религіозный фанатизмъ; по прежнему дѣти отсылались въ душный и мрачный хедеръ, гдѣ они бесполезно растрчивали свои молодыя силы на изученіе богословской казуистики и откуда они выходили физически и нравственно искалѣченными, совершенно не

подготовленными къ ожидавшей ихъ внѣ хедера суровой жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря особенному характеру семейныхъ отношеній того времени, попытки молодежи «познать свѣтъ» сплошь и рядомъ встрѣчали непреодолимое препятствіе въ непреклонной волѣ родителей, направлявшихъ образованіе дѣтей по своему усмотрѣнію.

Проникнутая фанатизмомъ еврейская среда враждебно относилась къ еврею, стремившемуся къ просвѣщенію, не вполне дружелюбное отношеніе встрѣчалъ послѣдній и въ чужомъ обществѣ, зараженномъ предрасудками. Въ связи съ этимъ и получился своеобразный характеръ немногочисленной еврейской интеллигенціи, которая стояла совершенно въ сторонѣ отъ русской культуры, тѣмъ болѣе, что жизнь не создавала условій, могущихъ способствовать сближенію евреевъ съ окружающимъ ихъ населеніемъ, а эта оторванность еврейскихъ интеллигентовъ отъ сферы русской культуры придавала имъ печать кабинетнаго доктринерства, т. к. лишала ихъ почвы, которая служила бы связывающимъ звеномъ между ихъ культурными идеалами и дѣйствительной жизнью; вотъ почему въ то время даже въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ встрѣчались люди глубоко ученые, люди полные прекрасныхъ намѣреній, но за то чрезвычайно рѣдки были люди инициативы, люди дѣла, способные взяться за рѣшеніе современныхъ имъ общественныхъ задачъ. Эта же оторванность отъ жизни сказывалась и въ тогдашней еврейской литературѣ; за исключеніемъ трудовъ Исаака Бееръ Левинзона и нѣкоторыхъ другихъ, произведенія еврейскихъ писателей представляли не болѣе какъ продуктъ искусства для искус-

ства; въ нихъ не замѣчалось ни малѣйшей попытки изобразить картины дѣйствительной жизни, бросить лучъ свѣта въ ту умственную тьму, въ которой бродила бѣдная невѣжественная масса; эти произведенія принадлежали къ области празднаго бесплоднаго витанія въ выси вдали отъ всего житейскаго, будничнаго. Воспѣвались красы природы, но нужды народа не находили отклика въ выпренномъ слово-излияннн, и при чтеннн тогдашней литературы становится очевидно, что большая часть еврейскаго общества прозябала безъ всякихъ жизненныхъ запросовъ, безъ всякаго желанія осмотрѣться, научиться, исправиться. Этому способствовало отчасти и то обстоятельство, что благодаря монополнн еврейскаго типографскаго дѣла содержатели типографнн злоупотребляли своимъ исключительнымъ положеннемъ и считали себя призванными заботиться о духовной пищѣ своихъ единовѣрцевъ; такую заботливость особенно проявила Житомирская типографнн, не принимавшая къ печати книгъ образовательнаго характера. Лишь начиная съ 60-хъ годовъ, ознаменовавшихся общественнымъ возбужденнемъ, ново-еврейская литература обнаруживаетъ стремленнн отразить жизнь и одновременно воздѣйствовать на нее.

Литературная дѣятельность О. Рабиновича, выразившаяся въ немногихъ публицистическихъ произведенняхъ, о которыхъ мы говорили выше, явилась какъ бы подготовительными шагами къ той широкой журнальной дѣятельности, въ которой и сосредоточилось, главнымъ образомъ, все его значеннн, какъ народнаго литературнаго борца. Появленнн такихъ небольшихъ публицистическихъ работъ, хотя и не лишенныхъ извѣстнаго до-

стоинства и значеннн, какъ «О Мошкахъ и Госкахъ», «Новая синагога въ Одессѣ», носило случайный характеръ; оставаясь въ одиночествѣ, не связанныя съ другими подобными же статьями публицистическаго характера, въ которыхъ еврейство тогда такъ нуждалось, эти перья пробы пера не могли производить глубокаго влннн на общество, да и органъ, въ которомъ онѣ были напечатаны, не пользовался необходимой для того распространенностью, а потому естественно, что горячо желая послужить на пользу еврейства, О. Рабиновичъ задумывался надъ тѣмъ, что наиболѣе пригодной формой для обсужденнн важныхъ для еврейства вопросовъ, общественныхъ, религнзныхъ и др., можетъ явиться журналъ, исключительно посвященный этимъ вопросамъ, при чемъ не упускалась изъ виду необходимость, чтобы эти обсужденнн не являлись «домашнимъ споромъ», а чтобы они происходили во всеуслышаннн, дабы тѣ, отъ кого зависѣло положеннн евреевъ, знали ихъ нужды; такимъ образомъ Рабиновичъ находилъ, что журналъ долженъ былъ дѣйствовать въ двухъ направлннхъ: внутри еврейства и внѣ его; послѣднее въ особенности потому, что новое челоѣколюбнвое теченнн, обнаруженное законодательствомъ и печатью, равно духъ примиреннн и сочувствнн, которыми повѣяло въ общественной атмосферѣ, вызвали среди евреевъ сознаннн, что взаимное сближеннн возможно лишь на почвѣ взаимнаго ознакомленнн. Конечно, это сближеннн не могло произойти разомъ; съ одной стороны, еще не совсѣмъ исчезло предубѣжденнн относительно евреевъ, съ другой — запуганность и недовѣрнн не могли разсѣяться отъ перваго привѣтливаго слова; поэтому-то и ощущалась необходимость именно въ такомъ

литературномъ органѣ, который, посвящая особенное вниманіе постепенному искорененію предрасудковъ, предубѣжденія и недовѣрія, содѣйствовалъ бы взаимному ознакомленію двухъ лагерей, бывшихъ долго во враждѣ.

Мысль объ органѣ евреевъ неоднократно возникала у многихъ еще задолго до появленія «Разсвѣта»; ее раздѣлялъ всякій, кто вообще былъ способенъ мыслить. Въ началѣ 40-хъ гг. она отчасти осуществилась изданіемъ въ видѣ альманаха «Пирхе Цосронъ» (Сѣверные цвѣты), но особенно живо занимала эта мысль передовую часть еврейскаго общества, главнымъ образомъ — еврейскую молодежь, въ концѣ 50-хъ гг., такъ какъ рядъ неразрѣшенныхъ вопросовъ давно стоялъ на очереди, требуя своего разрѣшенія путемъ гласнаго обсужденія. Уже тогда ясно было, что органу евреевъ предстояли задачи и роль двоякаго рода, но если вопросъ объ основаніи вообще журнала не вызывалъ разногласій, то вопросъ о языкѣ, на которомъ печаталось бы изданіе, возбуждалъ горячую полемику. Очевидно было, что внѣшняя задача органа требовала изданія его непременно на русскомъ языкѣ, съ другой же стороны, внутренняя задача органа вызывала сомнѣніе, насколько пригоденъ этотъ языкъ для цѣлей просвѣщенія массы, ознакомленія ея съ окружающей средой, проведенія въ ея сознаніе новыхъ идей, соответствующихъ времени, и т. д., такъ какъ въ то время русскій языкъ былъ чуждъ не только еврейской массѣ, но и значительной части интеллигенціи; несмотря на послѣднее обстоятельство, иные настаивали на изданіи органа на русскомъ языкѣ, мотивируя свое желаніе тѣмъ, что основаніе русско-еврейскаго журнала являлось бы наиболѣе естественнымъ выраженіемъ знаменатель-

наго момента, переживаемаго тогда евреями. Эту мысль усердно защищалъ А. Думашевскій въ своей статьѣ «Нуженъ ли для евреевъ въ настоящее время журналъ и на какомъ языкѣ долженъ онъ издаваться?», появившейся въ 1859 г. въ «Русскомъ Инвалидѣ». Отвѣчая на первый изъ предложенныхъ въ заглавіи вопросовъ утвердительно, Думашевскій разрѣшаетъ второй вопросъ въ томъ смыслѣ, что именно русскій языкъ пригоденъ не только для внѣшнихъ, но и для внутреннихъ задачъ пропагандируемаго имъ органа евреевъ, потому что журналъ на жаргонѣ или еврейскомъ языкѣ не можетъ осуществить тѣ надежды, которыя вообще возлагались на журналъ; сознавая, однако, что еврейская масса не была подготовлена къ тому, чтобы находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ русскаго журнала, Думашевскій писалъ: «что касается вопроса, какимъ образомъ и на какую часть народа журналъ этотъ будетъ воздѣйствовать, когда масса не читаетъ по русски—мы отвѣчаемъ тѣмъ закономъ народной жизни, по которому масса во всѣхъ переворотахъ общества должна быть слѣпо увлечена сознательной частью народа». О. Рабиновичъ не раздѣлялъ отрицательнаго взгляда Думашевскаго на значеніе и силу жаргона и еврейскаго языка (когда вскорѣ за «Разсвѣтомъ» основался «Гамелиць», журналъ Рабиновича встрѣтилъ своего собрата вполнѣ дружелюбно), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придавалъ журналу на русскомъ языкѣ такое же значеніе, какъ и Думашевскій. «Хотя «Разсвѣтъ» посвящается всѣмъ вообще евреямъ въ Россіи, — писалъ его редакторъ, — однако его никакъ не слѣдуетъ считать народнымъ листкомъ, или тѣмъ, что въ Германіи называется Volksblatt... Придерживаясь этого пра-

вила, мы хотя и не прочь помѣщать статьи самыя популярныя по простотѣ содержанія и слога, однако прежде всего мы всегда имѣемъ и будемъ имѣть въ виду образованный классъ нашихъ соплеменныхъ читателей, имѣющихъ своихъ представителей въ различныхъ слояхъ общества. Этому-то классу, съ которымъ у насъ одинаковыя стремленія, предстоитъ дѣйствовать на ближайшія къ нему массы... Удовлетвореніе, по возможности, его потребностямъ и составляетъ нашу первую и главную задачу». Признавая за жаргонной и новоеврейской литературой способность непосредственнаго воздѣйствія на массу, «Разсвѣтъ» смотрѣлъ на себя—въ границахъ своихъ внутреннихъ задачъ — только какъ на органъ интеллигенціи и при томъ лишь той ея части, которая успѣла освоиться съ обще-русской жизнью и русской литературой, а потому просвѣтительное вліяніе «Разсвѣта» на болѣе обширную еврейскую среду, при существовавшихъ тогда условіяхъ, могло быть только косвенное.

Обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе «Разсвѣта», подтверждаютъ тотъ фактъ, что мысль объ органѣ евреевъ сильно занимала въ то время лучшую часть еврейскаго общества. Одновременно и въ Одессѣ, и въ Вильнѣ, были предприняты шаги къ ея осуществленію. Въ то время, когда Рабиновичъ въ Одессѣ хлопоталъ о разрѣшеніи издавать журналъ на русскомъ языкѣ, молодой Леванда изъ Вильны, не зная объ этомъ, обратился къ Рабиновичу съ письмомъ о необходимости изданія журнала и только изъ его отвѣта узналъ, что вопросъ о журналѣ находится на пути къ осуществленію. Сознывая всю своевременность потребности въ русско-еврейскомъ органѣ, Леванда не могъ не понимать, что единственный, можно

сказать, человѣкъ способный и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанный привести въ исполненіе одушевлявшую молодежь мысль объ еврейскомъ органѣ на русскомъ языкѣ—былъ О. А. Рабиновичъ, пользовавшійся уже извѣстностью въ литературѣ. Хотя въ то время въ каждой сколько-нибудь значительной общинѣ можно было насчитать десятковъ-другой людей интеллигентныхъ, но эти люди принадлежали по большей части къ купеческому сословію, отъ котораго нельзя было ожидать почина въ столь важномъ вопросѣ. Кромѣ того, образованіе, которое они получали, воспитываясь на традиціяхъ Мендельсоновской школы, носило какой-то неопредѣленный, международный характеръ; это образованіе было не то еврейское, не то нѣмецкое, во всякомъ случаѣ — русская культурная жизнь была имъ чужда.

Необходимы были люди новые, свѣжіе, идущіе на ряду съ вѣкомъ и понимающіе его требованія. Этимъ то условіямъ и удовлетворялъ О. Рабиновичъ, обнаружившій въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали появленію въ свѣтъ журнала «Разсвѣтъ», непреклонную волю и преданность идеѣ объ основаніи русско-еврейскаго органа: Рабиновичъ энергично, съ яснымъ пониманіемъ цѣли, стремился къ тому, чтобы проектированный имъ журналъ появился именно въ той формѣ, которая, по его убѣжденію, была необходима для воздѣйствія журнала на еврейское общество; онъ не хотѣлъ остановиться на полъ-пути, онъ хотѣлъ создать органъ для евреевъ на русскомъ языкѣ—что ему и удалось лишь послѣ многихъ усилій. Это обстоятельство ярко характеризуетъ Рабиновича и его отношеніе къ литературной дѣятельности вообще.

Въ декабрѣ 1856 г. Рабиновичъ совмѣстно съ одеситомъ Тарнаполемъ (не принимавшимъ, впрочемъ, въ послѣдствіи участія въ «Разсвѣтѣ») обратился къ попечителю Одесскаго учебнаго округа Пирогову, — «извѣстному великому оператору, ученому и человѣку добра и прогресса», какъ онъ о немъ говорить, — съ запиской по поводу журнала для евреевъ на русскомъ языкѣ подъ названіемъ «Разсвѣтъ». Въ этой запискѣ выставлялось на видъ, что испорченный жаргонъ, на которомъ говорятъ евреи въ Россіи, не можетъ содѣйствовать распространенію просвѣщенія, «потому что на немъ не только что невозможно выразить отвлеченнаго понятія, но даже нельзя высказать ни одной порядочной мысли», говорилось о пользѣ изданія журнала для евреевъ на русскомъ языкѣ «тѣмъ болѣе, что онъ (русскій языкъ) и вообще грамотность довольно распространены между евреями въ Россіи». Заявляя объ этомъ, Рабиновичъ ошибался, т. к. въ 50-хъ гг. для подавляющаго большинства еврейской массы единственно доступной умственной пищей являлась жаргонная литература; русскій языкъ былъ достояніемъ незначительной части евреевъ, а потому легко было предвидѣть, что надежды его, будто евреи при посредствѣ журнала сроднятся съ русскимъ языкомъ, узнаютъ лучше свои собственныя нужды, не могли сбыться. Въ запискѣ были намѣчены семь рубрикъ журнала, въ которыхъ объяснялись его направленіе и цѣль, но главнымъ условіемъ изданія былъ *русскій* языкъ. Пироговъ сдѣлалъ самое благопріятное представленіе; Новороссійскій генералъ-губернаторъ далъ также хорошій отзывъ, и тѣмъ не менѣе разрѣшеніе было получено на изданіе журнала не на русскомъ языкѣ, а говоря словами офици-

ціальной бумаги «на еврейскомъ или жидовско-нѣмецкомъ языкѣ, употребляемомъ евреями въ Россіи и Польшѣ», при чемъ въ отношеніи цензуры сказано было, что пропускать журналъ долженъ Кіевскій цензурный комитетъ. Чтобы уяснить себѣ затруднительное положеніе Рабиновича, надо вспомнить, что въ то время евреямъ было дозволено имѣть только двѣ еврейскія типографіи — въ Вильнѣ и Житомирѣ; слѣдовательно, живя въ Одессѣ, онъ долженъ былъ бы посылать рукописи въ Кіевъ въ цензурный комитетъ, а оттуда для ихъ напечатанія въ одинъ изъ двухъ указанныхъ городовъ. Но оставляя въ сторонѣ эти затрудненія, Рабиновичъ во имя своей идеи настаивалъ на разрѣшеніи издавать журналъ на русскомъ языкѣ. «Мы не унываемъ, — писалъ онъ въ это время Левандѣ, — я приготовилъ новую записку г. Пирогову, въ которой хочу сказать, что мы религіозныхъ вопросовъ касаться не будемъ. Въ разрѣшеніи министра именно сказано, что *допущеніе разсужденій о религіозныхъ вопросахъ евреевъ на русскомъ языкѣ найдено неудобнымъ*. Авось, удастся намъ провести журналъ безъ религіозныхъ разсужденій. Разумѣется, это послѣднее усиліе, на которое я очень мало рассчитываю, но я не хочу оставлять поле, пока не буду окончательно побѣжденъ». Несмотря на неудачу, Рабиновичъ, казалось, ни на минуту не выходилъ изъ того восторженнаго состоянія, которое являлось въ немъ отголоскомъ общаго приподнятаго настроенія. Онъ бодро смотрѣлъ впередъ, радуясь тому, что дожилъ до эпохи, когда можно высказать «хоть частицу того, что такъ давно лежитъ свинцовымъ бременемъ на сердцѣ», и ему мнилось, что его мысли и чувства раздѣляются евреями-современниками. «Мы, наконецъ, — восклицаетъ

онъ, — дожили до момента сознанія собственныхъ силъ и достоинства; мы излѣчились отъ того страшнаго равнодушія, съ которымъ принимали всякую брань и упреки... Мы начали чувствовать обиды — это важное начало; стало быть въ насъ есть сознаніе, что мы достойны лучшей участи, а если есть въ насъ такое сознаніе, то мы дѣйствительно постараемся ее заслужить».

Разрѣшеніе издавать журналъ лишь на жи́довско-нѣмецкомъ языкѣ поразило и Рабиновича, и Леванду, такъ какъ оно шло въ разрѣзъ съ главной тенденціей правительства въ отношеніи евреевъ, о сближеніи которыхъ съ кореннымъ населеніемъ оно, казалось, искренно заботилось. Говорили тогда, что на такой результатъ ходатайства Рабиновича повліяла бывшая въ то время въ силѣ хасидская партія, которая, видя въ еврейскомъ органѣ на русскомъ языкѣ своего какъ бы личнаго врага, ничего не пожалѣла, чтобы воспрепятствовать появленію такового; называли даже по именамъ тѣхъ лицъ, которые этому содѣйствовали. Но торжество хасидовъ продолжалось не долго; черезъ полтора года, въ январѣ 1860 г., благодаря энергіи Рабиновича и ходатайству Пирогова, было разрѣшено изданіе еврейскаго органа на русскомъ языкѣ подъ названіемъ «Разсвѣтъ». Упорное стремленіе Рабиновича къ намѣченной цѣли, стремленіе, продолжавшееся три года, увѣнчалось успѣхомъ! Сообщая эту радостную вѣсть Левандѣ, Рабиновичъ восторженно писалъ: «За работу! за работу, старъ и младъ! Родная нива ждетъ своихъ пахарей! Она до сихъ поръ орошалась нашими слезами, теперь оросимъ ее потомъ нашимъ! Богъ благословитъ труды наши... всходы будутъ здоровые. Я это предчувствую, я въ этомъ убѣжденъ».

15-го февраля 1860 г. выпущено было объявленіе ¹⁾ объ изданіи «Разсвѣта», органа русскихъ евреевъ, въ которомъ редакція между прочимъ заявляла: «Журналъ этотъ долженъ раскрывать всѣ особенности и всѣ замѣчательныя явленія въ бытѣ евреевъ — матерьяльномъ, общественномъ и нравственномъ, противодѣйствуя черствому обскурантизму и распространяя здравыя современныя понятія. «Разсвѣту», быть можетъ, предстоитъ разсѣять мракъ, родившійся отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ во времена давно минувшія и вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовать устраненію тѣхъ препятствій, внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя до сихъ поръ сковывали нашихъ единовѣрцевъ на пути прогресса. Мы употребимъ всѣ усилія, чтобы для евреевъ журналъ этотъ былъ органомъ самосознанія и совершенствованія, органомъ, въ которомъ каждый свѣдущій и благонамѣренный еврей можетъ во всеуслышаніе заявить различныя потребности и стремленія своего общества, точно также, какъ всякій безпристрастный и правдивый христіанинъ можетъ сообщать свои наблюденія надъ бытомъ, нравами и обычаями евреевъ.

«Девизъ для нашего журнала мы беремъ изъ писанія: «Да будетъ свѣтъ!» и не можемъ себѣ представить нравственнаго свѣта безъ строгой правды и безпристрастія; а потому заранѣе посвящаемъ нашъ журналъ на посильное служеніе истинѣ, здоровой логикѣ и человѣколюбію. Принимая къ сердцу всѣ разумныя стремленія современности, «Разсвѣтъ» не будетъ умалчивать ни о нашихъ нуждахъ, ни о нашихъ недостаткахъ, потому что безъ

¹⁾ Къ исторіи возникнов. перваго органа русск. евреевъ. „Восходъ“, 1881. Кн. VI.

раскрытія послѣднихъ не могутъ быть удовлетворены первыя»...

Такова программа «Разсвѣта», которой Рабиновичъ неуклонно слѣдовалъ во все время существованія журнала; указанная въ программѣ цѣль изданія и тѣ пути которые вели къ послѣдней, впоследствии были подробнѣе разработаны въ самомъ журналѣ, но и изъ этого предварительнаго объявленія было ясно, что направленіе «Разсвѣта» будетъ прогрессивное и что редакція твердо рѣшила говорить истину, не боясь обнаружить отрицательныя стороны еврейскаго общества, еврейской жизни, а это послѣднее было наиболѣе чувствительнымъ мѣстомъ большинства современниковъ, и оно-то вскорѣ послужило поводомъ къ горячей полемикѣ съ иностраннымъ изданіемъ — «Гамагидъ».

27-го мая 1860 г. вышелъ первый № «Разсвѣта».

Бодро выступилъ Рабиновичъ на новый путь, хотя и предвидѣлъ, что встрѣтитъ на немъ не мало препятствій; онъ смѣло шелъ впередъ, ободряемый сочувственными пожеланіями молодежи; къ его органу отнеслась дружески и другая часть еврейской интеллигенціи, хотя и не получившая систематическаго образованія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но выросшая въ борьбѣ, которую вели сторонники Исаака Беръ Левензона.

На первыхъ же страницахъ «Разсвѣта» отразился подъемъ духа, переживаемый интеллигентными слоями тогдашняго еврейскаго общества: бодростью и надеждой вѣтъ отъ пожелтѣвшихъ отъ времени страницъ журнала. Заявивъ, что «Разсвѣтъ» будетъ неуклонно держаться правды, Рабиновичъ спѣшитъ подѣлиться со своими читателями сообщеніями благоприятныхъ явленій изъ жизни

евреевъ; объ отрицательныхъ явленіяхъ вначалѣ говорилось мало. Особенно отрадную для читателей картину представлялъ собою «Обзоръ перемѣнъ, происшедшихъ въ положеніи русскихъ евреевъ съ 1855 г. по 1860 г.», гдѣ были отмѣчены всѣ правительственныя распоряженія, имѣвшія цѣлью улучшить положеніе евреевъ; передовая статья хотя и носила мѣстный характеръ (въ ней обсуждался вопросъ о приглашеніи изъ-за границы раввина), тѣмъ не менѣе заканчивается горячимъ призывомъ къ дружной бодрой работѣ, долженствующей пойти на встрѣчу новымъ запросамъ жизни. Только обширное письмо въ редакцію, присланное Левандой, рисовало печальныя экономическія и общественныя условія жизни евреевъ въ западномъ краѣ, требовавшія коренныхъ улучшеній.—Живое настроеніе «Разсвѣта», которымъ отличался не только первый номеръ, но и всѣ послѣдующіе, придавало многимъ изъ его статей особый своеобразный тонъ, который въ наши дни звучитъ чѣмъ-то далекимъ и, являясь чуждымъ теперешнему поколѣнію, вызываетъ въ немъ подчасъ иронию; каждое сообщеніе, разъ оно свидѣтельствовало о поступательномъ движеніи въ чертѣ осѣдлости, каждый фактъ, являвшійся доказательствомъ лучшаго отношенія христіанскаго общества къ евреямъ, отмѣчались «Разсвѣтомъ» въ восторженныхъ выраженіяхъ, и въ этихъ случаяхъ проявленіе радости доходило порою до юношескаго ликованія; въ то же время отрицательныя явленія нашей внутренней и внѣшней жизни вызывали горькія сѣтованія. Нашему читателю, отдѣленному отъ того времени промежуткомъ въ 35 лѣтъ, многое въ такихъ статьяхъ можетъ показаться вычурностью, искусственной приподнятостью тона, но если мы

вспомнимъ, какія радостныя надежды оживляли тогдашнее еврейское общество, благодаря перемѣнѣ, происшедшей въ настроеніи правительства и литературы по отношенію къ еврейскому вопросу, если вспомнимъ, что въ ту пору жизнь дѣйствительно выдвигала много такихъ явленій и событій (изъ коихъ инныя кажутся намъ теперь мало-важными), которыя, являясь доказательствомъ желаннаго поступательнаго движенія, давали право черпать силу и бодрость въ этихъ надеждахъ, которыя вызывали восторженное біеніе сердца многихъ мыслящихъ интеллигентныхъ евреевъ, жаждавшихъ излить свои искреннія чувства и упованія,—если мы это вспомнимъ, то поймемъ, что восторженныя выраженія и горячій тонъ, дающій себя знать на страницахъ «Разсвѣта», были естественнымъ результатомъ настроенія нашего общества, вызваннаго характеромъ переживаемаго времени.

Не насмѣшки, а глубокаго уваженія достойна литература, отразившая въ себѣ живое общественное настроеніе...

Въ нѣсколькихъ передовыхъ статьяхъ Рабиновичъ выясняетъ свой взглядъ на созданный имъ журналъ и заявляетъ, что появленіе «Разсвѣта»—событіе, которымъ обозначается вступленіе евреевъ въ Россіи въ новый фазисъ общественной жизни, что имъ проводится черта, отдѣляющая старое время отъ новаго. Вызванный къ жизни сознаниемъ потребности въ органѣ для русскихъ евреевъ, «Разсвѣтъ» долженъ быть не только «складочнымъ мѣстомъ всѣхъ вопросовъ, касающихся нашего народа», но еще долженъ «служить и точкой сближенія нашего народа съ нашими христіанскими братьями и пробудить въ немъ одинаковыя съ ними интересы и гражданскія доблести».

Этимъ заявленіемъ и опредѣлилась та двойственная задача журнала, которая была вызвана самой двойственностью жизни евреевъ, причемъ оба предстоящія «Разсвѣту» поля дѣйствія должны были находиться во взаимной тѣсной связи, такъ какъ «обрабатывать одно безъ другого,—пишетъ Рабиновичъ въ передовой статьѣ,—нѣтъ возможности. Настоящее положеніе нашего народа не терпитъ односторонности и половинной работы. Какъ бесполезно стремиться къ перерожденію его, не знакомя съ нимъ окружающій его міръ, отъ котораго зависитъ судьба его, такъ точно бесполезно выводить его передъ этотъ наружный міръ и въ то же время пренебрегать его внутреннимъ перерожденіемъ. Въ томъ-то и лежитъ вся особенность соединенія этихъ двухъ дѣйствій—внутренняго и наружнаго, что оба вмѣстѣ они имѣютъ передъ собою полную цѣль, каждое порознь не имѣетъ и половины цѣли».

Такова точка зрѣнія, съ которой Рабиновичъ смотрѣлъ на задачи печатнаго органа; въ основаніе его онъ положилъ безпристрастіе, такъ какъ, говоря его словами, «постоянное восхваленіе нашей націи и куреніе ей гимнами ни къ чему ее не поведетъ. Панегирики и хвалебныя оды не принадлежатъ къ той области гласности, которая можетъ служить дѣлу». «Мы знаемъ очень хорошо,—говоритъ Рабиновичъ въ другомъ мѣстѣ,—что съ появленіемъ свѣта между совами и летучими мышами поднимается страшная суматоха, но было бы чрезвычайно смѣшно упрекать утреннюю зарю въ томъ, что эти обиженные природой созданія не могутъ выдержать ея мерцанія.»

Несмотря на многократныя подобныя заявленія Рабиновича, многіе изъ его соплеменниковъ или не поняли

истиннаго смысла заявленій, или же приняли ихъ за «громкія фразы», сплошь да рядомъ сопутствующія новымъ журналамъ; они ожидали, что «Разсвѣтъ» пойдетъ по стопамъ «Гамагида», исключительно восхвалявшаго еврейскій «избранный народъ»; они не знали, что каждое слово Рабиновича являлось плодомъ глубокаго убѣжденія, отъ котораго редакція «Разсвѣта» не намѣрена была отказываться. Не ограничиваясь однимъ отраженіемъ нападокъ, извнѣ направляемыхъ на евреевъ, «Разсвѣтъ» вступилъ въ борьбу съ нашимъ внутреннимъ зломъ. Уже первый номеръ журнала возбудилъ во многихъ читателей недовольство помѣщеннымъ въ немъ письмомъ Леванды довольно невиннаго свойства; непривыкшіе къ гласности и трезвому отношенію къ общественнымъ вопросамъ, они не могли согласиться съ тѣмъ, чтобы въ органѣ для евреевъ на русскомъ языкѣ печатались во всеуслышанье извѣстія о крайней бѣдности и приниженности евреевъ западнаго края; нѣкоторые подписчики вернули свои экземпляры съ просьбой больше ихъ не высылать ¹⁾).

Рабиновичъ однако твердо шелъ впередъ по намѣченному пути, не обращая вниманія на то озлобленіе противъ «Разсвѣта», которое высказывалось нѣкоторой частью общества; ложно понимаемая гордость, слѣпая приверженность къ традиціи служили обильнымъ источникомъ для нападокъ на «Разсвѣтъ», каковыя и появлялись на страницахъ «Гамагида». «Разсвѣтъ» обвинялся въ томъ, что «издѣвается надъ евреями и расточаетъ посрамленіе имъ», а между тѣмъ главной цѣлью «Разсвѣта» было вызвать изъ забвенія разные вопросы вну-

¹⁾ Къ исторіи возникновенія перв. орг. русск. евреевъ, стр. 145.

тренней жизни евреевъ, дать русскимъ евреямъ средство высказаться предъ русской публикой, выплакаться передъ нею. — Возбуждая нѣкоторые вопросы внутренней жизни, редакція «Разсвѣта» обнаружила много такта, осторожности и здраваго чутья при обсужденіи ихъ, хотя ее часто обвиняли въ доктринерствѣ, влекущемъ за собою игнорированіе историческихъ условій и основъ жизни, и въ томъ, что она настаиваетъ на стремительномъ проведеніи въ жизнь преобразованій. Правда, нѣкоторыя статьи, появившіяся на страницахъ «Разсвѣта», обнаруживаютъ извѣстную неумѣренность, но это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что будучи единственнымъ органомъ русско-еврейскаго общества, «Разсвѣтъ» долженъ былъ отражать въ себѣ настроеніе *всей* интеллигенціи, а таковое, благодаря характеру переживаемаго переходнаго времени и сострившейся борьбѣ между «старымъ» и «новымъ», имѣло много оттѣнковъ; вотъ почему «Разсвѣтъ» отводилъ мѣсто даже такимъ статьямъ, въ которыхъ высказывались мнѣнія, противоположныя убѣжденіямъ редакціи; редакція въ данномъ случаѣ исходила изъ того взгляда, что если существуетъ какое нибудь мнѣніе, хотя бы и очень далекое отъ истины, то лучше «чтобы оно выступило наружу, нежели чтобы оно затаилось въ умахъ: въ первомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ есть надежда его опровергнуть». Однако редакція не преминула принципиально высказаться по поводу указанной неумѣренности: «Всякій мыслящій человѣкъ знаетъ, — говорилось въ «Разсвѣтѣ», — что насильно вводить реформы все равно, что насильно произращать какой нибудь плодъ: въ немъ не будетъ ни того вкуса, ни той прочности, которыя даетъ ему природа, одна умѣю-

щая кстати распоряжаться временемъ. Мы бы желали лучше успѣховъ медленныхъ, но вѣрныхъ, а вѣрны только тѣ успѣхи, которые свободно складываются сами отъ дѣйствія всемогущаго времени и обстоятельствъ, а не тѣ, которые рожденіемъ своимъ обязаны насильственному толчку».

«Оставимъ,—говоритъ Рабиновичъ въ другомъ мѣстѣ,— времени дѣйствовать на самое общество,—только времени, но никакой внѣшней силѣ... Развитие обществъ подъ свободными условіями пойдетъ своимъ чередомъ; всякое преобразование или перемѣна къ лучшему будутъ прочны, потому что будутъ имѣть опору въ оказавшейся потребности; если же гдѣ потребность эта сама собой еще не выказалась, то всякія насильственные прививки не только не вызовутъ ея, но даже надолго отдалятъ. А чтобы ускорить эту потребность, есть одно средство, и только одно: это просвѣщеніе!..»

Такую умѣренность и осторожность «Разсвѣтъ» обнаружилъ въ горячихъ спорахъ о школьномъ образованіи и въ вопросѣ о выборѣ раввиновъ.

Несмотря на это, правдивое печатное слово было встрѣчено враждебно не только реакціонной ортодоксальной частью общества, но даже и такими лицами, которыя, казалось, должны были бы питать должное уваженіе къ гласности, тѣмъ болѣе, что это были люди просвѣщенные, въ принципѣ сочувствовавшіе направленію «Разсвѣта», но предпочитавшіе келейный путь печатному обличенію. Съ своей стороны, Рабиновичъ разочаровался въ такъ называемыхъ «представителяхъ» еврейскаго народа; отъ него требовали, чтобы онъ только защищалъ евреевъ, не касаясь темныхъ сторонъ ихъ внутренней

жизни, но онъ былъ слишкомъ честенъ и послѣдователенъ, чтобы впасть въ такую односторонность. Очевидно было, что та среда, для которой «Разсвѣтъ» собственно предназначался, не была достаточно подготовлена къ гласности и потому не сознавала ея пользы. Въ этой борьбѣ Рабиновичъ стоялъ совершенно одиноко. Молодежь, сочувствовавшая ему, не находила нужнымъ защищать его отъ сыпавшихся на него упрековъ, считая послѣдніе не достойными возраженія и полагая, что Рабиновичъ сумѣетъ собственными силами отстоять въ печати направленіе своей публицистической дѣятельности; молодежь не подозрѣвала, какъ Рабиновичъ скорбѣлъ о томъ, что никто изъ его молодыхъ сотрудниковъ не поднялъ голоса на его защиту и не поддержалъ его нравственно въ тяжелой борьбѣ.

«Разсвѣтъ» выходилъ разъ въ недѣлю и номера журнала всегда ожидались съ нетерпѣніемъ; день появленія ихъ былъ праздникомъ для подписчиковъ, въ особенности для молодежи, людей новаго направленія, для которыхъ «Разсвѣтъ» являлся желаннымъ вѣстникомъ движенія впередъ, и которымъ онъ служилъ знаменемъ, придававшимъ бодрость и воодушевлявшимъ ихъ къ живой дѣятельности. «Кто же не помнитъ, — восклицаетъ одинъ изъ современниковъ «Разсвѣта», — съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали прихода почталіона съ желаннымъ номеромъ въ рукахъ ¹⁾, какъ зачитывались «Разсвѣтомъ», начиная съ оглавленія и кончая чуть ли не подписью содѣжателя типографіи, какіе горячіе споры возбуждали вопросы, выдвинутые передовыми бойцами любимаго журнала... Мы не будемъ далеки отъ истины,

¹⁾ Двадцатилѣтняя годовщина. П. Левенсона. „Разсвѣтъ“ 1880 г.

если скажемъ, что большинство евреевъ-студентовъ 60-хъ гг. многимъ обязаны въ своемъ развитіи толчку, данному одесскимъ журналомъ, искренняя проповѣдь котораго упала на плодородную почву».

Нужно однако замѣтить, что заслуга Рабиновича не состоитъ исключительно въ его руководящихъ статьяхъ, въ которыхъ онъ касается почти всѣхъ сторонъ еврейскаго быта, или въ томъ обильномъ матеріалѣ, оставленномъ намъ «Разсвѣтомъ», который служитъ вѣрному пониманію того времени, — очень важно еще то обстоятельство, что Рабиновичъ возбудилъ къ жизни многоспящихъ силъ, что вызвалъ много энергическихъ дѣятелей и что собственнымъ примѣромъ научилъ многихъ молодыхъ людей безкорыстно трудиться. И дѣйствительно, въ то время многіе удивлялись, откуда вдругъ появились столь многочисленные публицисты на столбцахъ «Разсвѣта»; до этой поры рѣдко кто изъ евреевъ выступалъ на полѣ русской публицистики съ живымъ и энергическимъ протестомъ противъ неурядицъ ихъ внутренней жизни. Въ разныхъ нашихъ захолустьяхъ, гдѣ только разбросаны евреи, появились корреспонденты, которые подъ руководствомъ Рабиновича доставляли интересный бытовой матеріалъ.

Вполнѣ естественно, что, придерживаясь строго девиза «Да будетъ свѣтъ!», первый органъ евреевъ нашелъ много друзей среди молодежи, тѣмъ болѣе, что его призывъ къ просвѣщенію не шелъ въ разрѣзъ съ тѣми понятіями о еврействѣ, которыя молодежь усвоила себѣ среди своихъ близкихъ, такъ какъ подъ руководствомъ «Разсвѣта» легко было мыслящему человѣку сочетать въ себѣ стремленіе къ просвѣщенію и преданность національнымъ

устоямъ. Помѣщая статьи, авторы которыхъ высказывались за необходимость немедленнаго проведенія реформъ во внутренней жизни евреевъ, редація «Разсвѣта», какъ уже было указано выше, не упускала случая заявить, что она считаетъ необходимымъ постепенность и умѣренность, исключая всякое насильственное воздѣйствіе. Но что еще важнѣе, — «Разсвѣтъ» неоднократно заявлялъ, что высокіе идеалы и начала іудаизма, все великое и благородное, вынесенное евреями изъ многовѣковаго историческаго прошлаго и составляющее дѣйствительную основу ихъ самобытности, онъ чтитъ не менѣе свято, чѣмъ и его противники. Ратуя противъ обветшалыхъ формъ жизни, несоотвѣтствующихъ духу времени, тормозящихъ развитіе нашихъ силъ, «Разсвѣтъ» заявлялъ, что только тотъ можетъ быть названъ просвѣщеннымъ евреемъ, кто не разрушая всего стараго, но и не восторгаясь имъ, идетъ на встрѣчу настоящему, не разрывая связи съ истиннымъ нашимъ прошлымъ, и такимъ образомъ, является защитникомъ постепеннаго введенія преобразованій соотвѣтственно требованіямъ жизни. «Жить общей жизнью со всѣми народами, участвуя въ ихъ образованіи и въ ихъ успѣхахъ, и въ то же время хранить, развивать и совершенствовать свое особое національное достояніе», — вотъ программа Рабиновича, выраженная имъ въ своемъ журналѣ, программа, которая будучи провозглашена тридцать пять лѣтъ назадъ, сохраняетъ *raison d'être* и по сію пору; какъ ни стыдно, но нужно сознаться, что гармоническое сочетаніе нашихъ самобытныхъ началъ и идеаловъ съ началами европейской культуры и въ настоящее время не проникло въ сознаніе нашего общества, остается еще *pium desiderium*, и потому

указаніе Рабиновича на необходимость разработки области специально-еврейскаго знанія и изученія нашего прошлаго для достиженія указаннаго гармоническаго сочетанія, должно быть настойчиво повторяемо въ наши дни. Если въ 60-хъ гг. Рабиновичу приходилось бороться съ вѣрными рабами «неизмѣнной старины», то въ настоящее время, къ прискорбію, необходимо считаться съ тѣмъ легкомысліемъ и малодушіемъ, съ которыми часть нашей молодежи уходитъ совершенно отъ еврейства, не чувствуя себя съ нимъ связаннымъ, благодаря полному незнакомству съ его многострадальнымъ прошлымъ. — Уважать національныя святыни и итти рука объ руку съ временемъ, сочетать гражданскіе интересы своего отечества съ духовными интересами своей націи, — это тотъ идеаль, поставленный намъ Рабиновичемъ, котораго большая часть нашего общества далеко еще не достигла...

«Разсвѣтъ» просуществовалъ недолго, — всего одинъ годъ. Уже въ № 45 было объявлено о прекращеніи журнала. Изъ разныхъ пунктовъ еврейской осѣдлости въ редакцію сейчасъ же поступили письма, единичныя и коллективныя отъ цѣлыхъ общинъ, съ выраженіемъ сожалѣнія и съ просьбами о продолженіи журнала, при чемъ обѣщались и матеріальная поддержка. Въ этомъ всеобщемъ выраженіи сожалѣнія сказалось то осязательное вліяніе, какое «Разсвѣтъ» имѣлъ на еврейскую публику, благодаря тому, что это изданіе было не коммерческимъ предприятиемъ, а — по выраженію Леванды — гражданскимъ подвигомъ, который требовалось совершить на пользу коснѣвшей во тмѣ и рутинѣ еврейской массы. Кругъ читателей «Разсвѣта» былъ не великъ, но въ этомъ кругу его вліяніе было громадно. Рабиновичъ не измѣнилъ своего

рѣшенія. «Неужели препятствія къ дальнѣйшему изданію журнала, о которыхъ говоритъ редакція, такъ велики, что ихъ нельзя преодолѣть никакими способами и средствами», — спрашивала одна изъ читательницъ «Разсвѣта» въ горячемъ письмѣ въ редакцію. — «Препятствія дѣйствительно такъ велики, — отвѣтилъ Рабиновичъ, — что ихъ преодолѣть нельзя». Въ извѣщеніи о прекращеніи журнала Рабиновичъ обѣщаль дать болѣе подробное объясненіе по этому поводу, но такого объясненія не послѣдовало.

Въ своемъ очеркѣ «Къ исторіи возникн. перв. органа русск. евреевъ» Леванда писалъ, что хотя онъ и получилъ отъ О. Рабиновича письмо съ подробнымъ изложениемъ причинъ, вызвавшихъ прекращеніе «Разсвѣта», тѣмъ не менѣе даже по прошествіи двухъ земскихъ давностей, онъ не находилъ удобнымъ подѣлиться ими съ публикой. Такимъ образомъ исторія прекращенія перваго органа русскихъ евреевъ была окутана какой-то таинственностью, благодаря чему являлась возможность предполагать такія причины преждевременной кончины «Разсвѣта», въ дѣйствительности не существовавшія, которыя бросали тѣнь на личность покойнаго редактора. Даже въ печати была сдѣлана попытка объяснить прекращеніе «Разсвѣта» отсутствіемъ матеріальной поддержки, на которую Рабиновичъ рассчитывалъ будто-бы со стороны евреевъ-меценатовъ, въ подтвержденіе чего приводилось то обстоятельство, что цифра подписчиковъ журнала была очень незначительна. Подобныя предположенія, обидныя для памяти Рабиновича, глубоко огорчали тѣхъ, кто умѣлъ цѣнить Осипа Аароновича, какъ честнаго человѣка и какъ пионера русско-еврейской журналистики; вотъ почему нерѣдко выражалось желаніе, чтобы на вопросъ о прекращеніи жур-

нала былъ наконецъ брошенъ свѣтъ, и надежда въ этихъ случаяхъ возлагалась на глубоководнаго М. Г. Моргулиса.

Дѣйствительно, М. Г. Моргулисъ могъ дать желанное объясненіе, такъ какъ ему было точно извѣстно содержаніе письма Рабиновича къ Левандѣ, упомянутаго въ очеркѣ «Къ истор. возникн. перв. органа русск. евреевъ». Содержаніе письма предполагалось имъ обнародовать въ имѣвшемъ быть изданномъ сборникѣ Одесской евр. общины въ память столѣтія Одессы; но сборникъ до сихъ поръ не появился, и благодаря просвѣщенной любезности М. Г. Моргулиса, мы имѣемъ возможность впервые предать гласности этотъ въ высшей степени интересный документъ. Письмо О. Рабиновича помѣчено 29 апрѣля 1861 г. Не смотря на протекшія съ тѣхъ поръ 36 лѣтъ, мы не можемъ привести его цѣликомъ, но и нижеслѣдующіе отрывки достаточно освѣщаютъ вопросъ о прекращеніи «Разсвѣта», кладя предѣлъ разнымъ измышленіямъ.

«Закрывая «Разсвѣтъ», — писалъ О. Рабиновичъ, — я дѣлаю шагъ несравненно рѣшительнѣе того перваго шага, при которомъ открылъ свой недолговѣчный органъ. Но шагъ этотъ, какъ вы увидите ниже, я дѣлаю въ виду обстоятельствъ *неотвратимыхъ*, гдѣ всякая рѣшимость теряетъ свое значеніе, оставаясь на самомъ дѣлѣ однимъ печальнымъ *вынужденіемъ*. Разореніе всегда страшно и богачу, и не богачу. Но не смотря на мои небольшія средства, добытыя усиленнымъ трудомъ, и на убытки по журналу въ первый годъ его жизни, — у меня разоренія положительно не предстояло. Дѣло въ томъ, что направленіе и вообще веденіе журнала съ каждымъ № становилось виднѣе и виднѣе; день отъ дня журналъ пріобрѣталъ новыхъ сторонниковъ и, наконецъ, по всѣмъ моимъ

соображеніямъ не дальше, какъ на третій или четвертый годъ съ увеличеніемъ кружка передовыхъ людей всѣ прошедшіе убытки пополнились бы и даже, можетъ быть, оплатились бы самые труды, убитые на этой работѣ. Слѣдовательно эту причину обойдемъ: она въ глазахъ моихъ не имѣетъ значенія и *поль причины...*

Изъ дальнѣйшаго видно, что Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Строгоновъ въ личной бесѣдѣ выразилъ Рабиновичу свое неодобреніе по поводу направленія журнала. Вскорѣ послѣ этого Рабиновичъ и рѣшилъ прекратить изданіе «Разсвѣта», такъ какъ находилъ неудобнымъ обличать недостатки своихъ единовѣрцевъ, не касаясь одновременно и ихъ внѣшняго положенія. Прекращеніе журнала глубоко печалило Рабиновича. «Это — потеря для насъ невознаградимая, потому что ею разомъ сокрушены наши задушевные помыслы», — писалъ онъ въ послѣднемъ номерѣ «Разсвѣта».

Изданіе журнала перешло въ руки д-ровъ Э. Соловейчика и Л. Пинскера, изъ коихъ первый былъ сотрудникомъ «Разсвѣта». Съ прекращеніемъ «Разсвѣта» кончилась литературная дѣятельность Рабиновича; онъ еще написалъ въ 1865 г. небольшой юмористическій рассказъ «Исторія о томъ, какъ ребѣ Хаимъ Шулимъ Фейгисъ путешествовалъ изъ Кишинева въ Одессу, и что съ нимъ случилось» и скорѣ послѣ того, заболѣвъ, уѣхалъ за-границу, чтобы тамъ поправить свое здоровье; грустно простился онъ со своими друзьями, словно предчувствуя, что не вернется въ Одессу. — «Знаете-ли, — сказала Рабиновичъ незадолго до отъѣзда одному изъ своихъ друзей, — что смерть никогда меня не пугала, но вотъ, что жаль: я вѣрю въ законъ

постепеннаго человѣческаго совершенствованія; я вѣрю, что будетъ лучше, а вотъ этого лучшаго мы и не увидимъ. Все прійдетъ, да не скоро!»¹⁾ Отнынѣ въ немъ жило одно желаніе, чтобы существованіе созданнаго имъ журнала, переименованнаго въ «Сіонъ», не прекращалось, а хоть какъ нибудь влачилось до лучшей будущности.

Свои послѣдніе годы онъ посвятилъ общественной дѣятельности. Еще въ 1859 г. онъ былъ приглашенъ для участія въ комиссіи барона Местмахера въ Одессѣ для составленія проекта новаго городского уложенія. По окончаніи трудной и многосложной работы комиссіи были избраны три редактора для приведенія всего въ систематическій порядокъ и однимъ изъ нихъ былъ выбранъ Рабиновичъ.

Затѣмъ по открытіи дѣйствій думы онъ былъ выбранъ гласнымъ и принималъ дѣятельное участіе въ городскихъ дѣлахъ.

Осипъ Аароновичъ Рабиновичъ умеръ въ Меранѣ (Тироль) 16 октября 1869 г. отъ горловой чахотки.

V.

Русскіе евреи имѣли въ Рабиновичѣ своего лучшаго представителя; онъ первый, пользуясь русскимъ языкомъ,

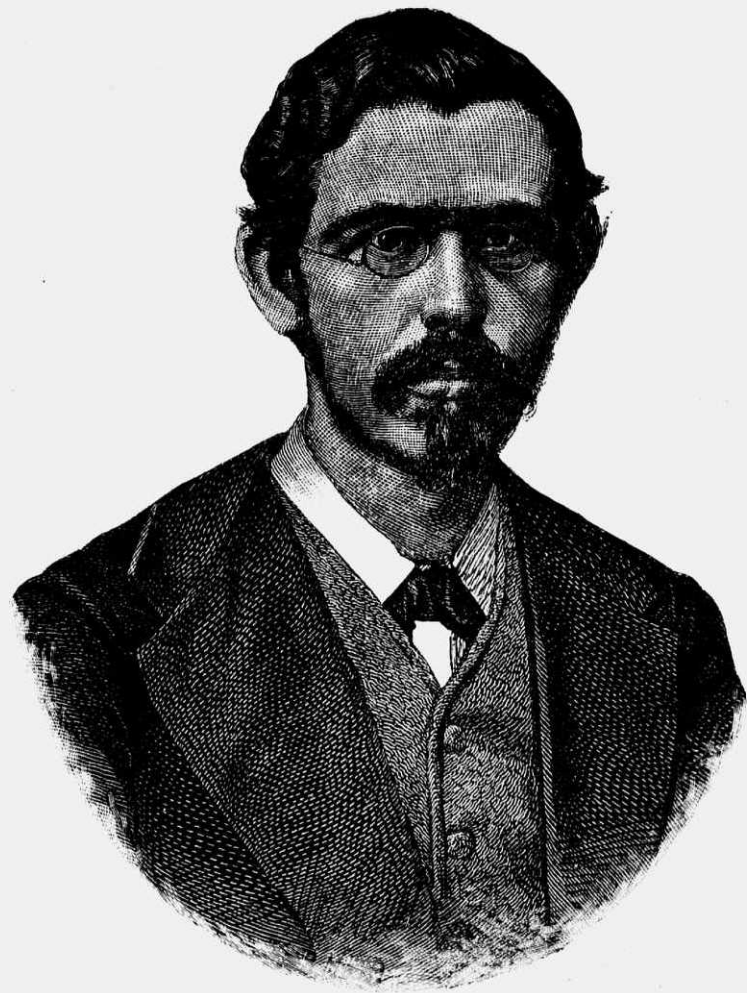
¹⁾ Эти свѣдѣнія, какъ и нѣкоторыя другія, приводимыя въ этой статьѣ, мы почерпали изъ біографическаго очерка, приложеннаго къ Собр. Сочиненій О. Рабиновича. Т. III. 1888 г.

выступилъ на защиту интересовъ своего народа. Своимъ публицистическимъ перомъ онъ благотворно дѣйствовалъ на умы соплеменниковъ, пробуждая въ нихъ многія духовныя силы. Его заслуги въ дѣлѣ пробужденія общественнаго сознанія — неоцѣнимы... Рабиновичъ шелъ не только впереди своего времени; онъ, если можно такъ выразиться, опередилъ и тотъ моментъ, который наступилъ значительно позже его дѣятельности. Мы говоримъ о переживаемомъ нынѣ времени. Совершенно правъ С. М. Гинзбургъ, говоря, что нравственно-общественные идеалы и стремленія, выдвинутые «забытой эпохой» (какъ онъ справедливо назвалъ эпоху Разсвѣта), далеко не всецѣло дѣло прошлаго; напротивъ того, въ весьма значительной степени они сохранили свое практическое жизненное значеніе и для настоящаго. — «Самопознаніемъ, — писалъ Рабиновичъ, — а не чѣмъ либо другимъ, успѣемъ мы заслужить уваженіе другихъ; этимъ же путемъ дойдемъ мы и до тѣснаго сближенія съ господствующими племенами... Мы не согласны съ тѣми, которые связываютъ вопросъ нашего перерожденія съ вопросомъ о нашей эмансипаціи. Совершенствоваться и освобождаться отъ всего дурнаго должны мы совсѣмъ не для достиженія полноправности гражданской, — на нее мы можемъ разсчитывать, несмотря на всѣ наши слабости и недостатки, въ силу одной принадлежности нашей къ общей семьѣ человѣческой, — но мы должны совершенствоваться изъ подражанія къ Вѣчному Совершенству и изъ одной любви къ Нему... Впередъ — это задача всего человѣчества, стало быть и задача нашего племени, какъ части, и вовсе не худшей части человѣчества». — Эти слова звучатъ въ настоящіе дни такъ же призывно, какъ тридцать пять лѣтъ тому

назадъ: развѣ современный публицистъ не обязанъ стремиться къ тому, чтобы эти же слова были нами усвоены для проведенія ихъ въ жизнь, развѣ горечь восклицанія Рабиновича «и вовсе не худшей части человѣчества» не заставляеть насъ вспоминать, какъ мы мало обнаруживаемъ сознанія своего достоинства, какъ мы еще не научились мужественно переносить внѣшнія неблагопріятныя условія жизни, сохраняя въ сердцѣ чистоту своихъ убѣжденій, какъ мы не стремимся совершенствоваться?.. — Въ этомъ смыслѣ личность О. А. Рабиновича и теперь всецѣло сохраняетъ для насъ тотъ ореолъ литературнаго народнаго борца, съ которымъ имя его перейдетъ въ потомство, вызывая представленіе объ истинномъ сынѣ народа. Имя Рабиновича такъ тѣсно связано съ «Разсвѣтомъ», что характеристика послѣдняго дзетъ въ то же время портретъ его основателя. — «Разсвѣтъ» не лавировалъ, не хитрилъ, не льстилъ, не угодничалъ, а шелъ прямо къ намѣченной себѣ цѣли, ни минуты не забывая принятой на себя задачи, сказалъ Леванда, — таковъ былъ и О. Рабиновичъ, какъ писатель и человѣкъ.

Искренно вдохновившись идеалами Рабиновича, мы поймемъ, что, культурно сливаясь съ кореннымъ населеніемъ, мы должны свято хранить наши духовно-національныя завѣты и не разрывать связи съ тѣми, съ кѣмъ мы соединены вѣковыми узами религіи и страданій.

М. Сумароковъ

И. Г. Оршанскій.

1846—1875.

Его жизнь и литературная дѣятельность.

„Съ тяжелой сердечною болью вижу я, что горсть нашей молодежи, которая въ состояніи сплотиться подъ знаменемъ, осѣняющимъ борьбу нашу, стала къ намъ спиной; большая часть изъ нихъ превратила перо свое въ орудіе, откапывающее барышъ; они преслѣдуютъ корыстныя цѣли и танцуютъ на заднихъ лапкахъ предъ Мамоной. Я же, клянусь Богомъ, не оставлю поста своего до тѣхъ поръ, пока будетъ тлѣть во мнѣ искра божьяго духа, сердечно понесу святую службу искорененію всякой лжи и клеветы, понапрасну взводимыхъ на насъ врагами нашими, и опровергну всякія измышленія и поклепы недруговъ нашего народа“.

И Г. Оршанскій (Слова, сказанныя друзьямъ предъ отъѣздомъ за границу. См. „Одесскій Вѣстникъ“ 1875 г. № 223, фельетонъ).

Русскіе евреи и русская юридическая наука много потеряли въ лицѣ столь рано умершаго Оршанскаго. Русскіе евреи имѣютъ полное право гордиться такою свѣтлою личностью, какъ И. Г. Оршанскій, такъ какъ, по общепризнанному мнѣнію, онъ былъ однимъ изъ самыхъ

благородныхъ, талантливыхъ и честнѣйшихъ печальниковъ своего народа. Изслѣдованія Оршанскаго по различнымъ отдѣламъ русскаго гражданскаго права и публицистическія статьи его, посвященныя бытовымъ и правовымъ вопросамъ русской жизни, отнесены къ числу лучшихъ произведеній русской юридической литературы.

Оршанскій умеръ всего 29 лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ умственныхъ и нравственныхъ силъ, когда большинство писателей только еще начинаютъ свою литературную дѣятельность. Все написанное Оршанскимъ представляетъ только незначительную часть того, чего можно было отъ него ожидать, судя по неутомимому трудолюбію и обширной эрудиціи, отличавшимъ его. Но и то немногое, что онъ успѣлъ сдѣлать, создало ему имя въ литературѣ и даетъ право ознакомить современное поколѣніе, мало его знающее, съ его идеально-честною жизнью и его трудами, какъ по спеціальному еврейскому вопросу, такъ и по юридическимъ вопросамъ общерусской жизни.

Крупнымъ затрудненіемъ для біографа И. Г. Оршанскаго является своеобразный характеръ, какимъ отличалась кратковременная жизнь этого дѣятеля, небогатая фактами и событіями, но всецѣло посвященная научной работѣ и литературному творчеству: всю жизнь Оршанскій изучалъ науку и писалъ, писалъ и научно подготовлялся къ новымъ трудамъ. Внѣшніе факты его жизни, съ возможною полнотою изложенные въ біографіи его, появившейся еще въ 1878 г., и повторенные съ нѣкоторыми дополненіями въ приложеніи къ собранію статей его, изданному въ 1892 г., послужатъ намъ матеріаломъ

для настоящаго очерка¹⁾. Сверхъ того, мы будемъ пользоваться также воспоминаніями лицъ, близко знавшихъ Оршанскаго и сообщившихъ намъ матеріалъ для его характеристики, между прочимъ и воспоминаніями г. Ямпольскаго, напечатанными въ сборникѣ «Кнесесъ Исроель» (Сборникъ статей на древне-еврейскомъ языкѣ, годъ I, Варшава 1886 г.)

Съ особенною же рельефностью выступаетъ дѣтски-чистая и цѣльная натура Оршанскаго въ его произведеніяхъ, рисующихъ его необыкновенную справедливость и рѣдкое безпристрастіе, его глубокія познанія, чуткость и отзывчивость гораздо полнѣе и лучше, чѣмъ тѣ или другіе факты изъ его жизни. Вотъ почему мы съ особенною подробностью остановимся на его сочиненіяхъ и постараемся вкратцѣ передать основныя воззрѣнія Оршанскаго по различнымъ вопросамъ, которые ему приходилось разрабатывать. Если бы настоящимъ очеркомъ намъ удалось возбудить интересъ къ его трудамъ и побудить хотя немногихъ къ детальному ознакомленію съ твореніями этого даровитаго изслѣдователя, то мы считали бы себя выполнившими принятую на себя задачу.

I.

Илья Григорьевичъ Оршанскій родился въ 1846 году въ г. Екатеринославѣ. Родители его, небогатые, но зажиточные люди, были выходцами изъ мѣстечка Орши Могилевской губерніи. Семейство Оршанскихъ выдвинуло

¹⁾ См. „Еврейскую Библіотеку“, т. VI, С.-Петербург. 1878 г. и „Изслѣдованія по русскому праву“ И. Г. Оршанскаго, С.-Петербург. 1892 г. („Къ біографіи И. Г. Оршанскаго“).

изъ своей среды нѣсколькихъ раввиновъ и общественныхъ дѣятелей, игравшихъ довольно видную роль. Вообще семья эта отличалась знакомствомъ съ еврейской литературой и либерализмомъ, сочетавшимся съ преданностью основнымъ началамъ іудаизма.

Уже довольно рано, говоритъ анонимный биографъ Оршанскаго ¹⁾, въ ребенкѣ-Оршанскомъ стала замѣтна основная черта его характера—ровность и спокойствіе и наряду съ ними отсутствіе живости и свойственнаго дѣтямъ любопытства. Ребенокъ Оршанскій отличался флегматичностью, любилъ играть одинъ, забавлялся преимущественно различными мелкими предметами. Онъ не любилъ играть съ домашними животными, а жестокое обращеніе съ ними доводило его до слезъ. Любовь къ порядку и аккуратности также стала проявляться въ Оршанскомъ съ первыхъ же лѣтъ его жизни. Такъ же рано сталъ онъ обнаруживать и извѣстную долю самостоятельности.

Четырехъ лѣтъ Оршанскаго отдали въ хедеръ (еврейскую школу). Особенной любви къ ученію Оршанскій въ началѣ не проявлялъ, но, наоборотъ, даже оказывалъ сопротивленіе, когда его уводили въ школу. Причиной этого были нелюбовь къ большимъ собраніямъ, а также свойственное его натурѣ стремленіе узнать и осмыслить то, что ему предстояло дѣлать. Вскорѣ Оршанскій привыкъ къ школѣ, и занятія пошли успѣшно и безъ замедленія. Послѣ азбуки Оршанскій, подъ руководствомъ учителя, перешелъ къ изученію Пятикнижія и въ два года прошелъ его со всѣми комментаріями. Пристрастившись къ занятіямъ, Оршанскій не довольствовался тѣмъ, что

¹⁾ См. біографію И. Г. Оршанскаго въ приложеніи къ собранію его статей изд. 1892 года, стр. IV.

ему преподавали въ школѣ, а занимался также самостоятельно чтеніемъ доступныхъ его пониманію книгъ, которыя попадались ему дома или у родственниковъ. Въ десять лѣтъ молодой Оршанскій отличался уже начитанностью въ древне-еврейской литературѣ, въ особенности въ философской еврейской литературѣ. Въ этомъ же возрастѣ онъ приступилъ къ изученію Талмуда, котораго не прекращалъ вплоть до перехода на одинъ изъ высшихъ курсовъ, будучи студентомъ юридическаго факультета. Въ 15—16 лѣтъ Оршанскій уже основательно изучилъ Талмудъ и древне-еврейскую литературу ¹⁾. Изъ тетрадей, оставшихся послѣ Оршанскаго и относящихся къ этому періоду его жизни, видно, что онъ много работалъ надъ разными запутанными мѣстами изъ Талмуда и сочиненій по философіи, занимаясь сравнительно-филологической экзегезой непонятныхъ мѣстъ и неопредѣленныхъ словъ. Эти комментаріи молодого Оршанскаго имѣютъ значеніе для сравнительной филологіи и исторіи Талмуда ²⁾. Обратившаяся затѣмъ въ привычку такая манера систематически комментировать изучаемыхъ авторовъ и дѣлать замѣтки по поводу прочитаннаго много помогала въ послѣдствіи Оршанскому при его работахъ, такъ какъ давала ему возможность подкрѣплять свое изложеніе цитатами изъ различныхъ сочиненій и данными изъ источниковъ, не имѣя подъ руками подлинныхъ сочиненій или источниковъ, на которые онъ ссылался.

Одновременно съ изученіемъ Библии, Талмуда и еврейской литературы, Оршанскій самостоятельно сталъ заниматься русскимъ и иностранными языками, а также пред-

¹⁾ Ibidem, стр. V.

²⁾ Ibidem, стр. VI.

метами общеобразовательными. Читать по русски онъ научился самоучкой, десяти лѣтъ отъ роду. Когда родители Оршанскаго однажды замѣтили, что онъ читаетъ русскую книгу, то тотчасъ же пригласили учителя, который и преподавалъ ему русскій и нѣмецкій языки, а также ариметику и исторію. Но эти занятія подъ руководствомъ учителя, къ сожалѣнію, продолжались всего два года. Вскорѣ дѣла родителей Оршанскаго пошатнулись, и они должны были выѣхать въ деревню, а молодой Оршанскій поселился въ домѣ своего дяди, еврейскаго учителя, имѣвшаго на него огромное вліяніе. Живя въ домѣ дяди, Оршанскій пристрастился къ изученію еврейской литературы, — и занятія съ учителемъ по предметамъ общеобразовательнымъ прекратились. Тѣмъ не менѣе, Оршанскій не бросилъ окончательно этихъ занятій, а настойчиво продолжалъ ихъ одинъ. Въ эту пору жизни Оршанскій жилъ почти одиноко: товарищей онъ не имѣлъ, въ обществѣ почти не бывалъ, а если случайно попадалъ въ общество, то чрезвычайно конфузился и робѣлъ, особенно если находился среди дамъ. Любимымъ его времяпрепровожденіемъ было заходить въ книжныя лавки и рыться тамъ, отыскивая рѣдкія старыя книги, которыя онъ закупалъ на имѣвшіяся у него гребольшія деньги.

Проживъ годъ въ деревнѣ, родители Оршанскаго вернулись въ Екатеринославъ, и Оршанскій вновь сталъ жить въ родительскомъ домѣ. Въ это время, будучи всего пятнадцатилѣтнимъ юношей, славясь уже въ городѣ своею ученостью и составляя предметъ гордости для своихъ соплеменниковъ, которые питали надежду увидѣть его современемъ знаменитымъ раввиномъ — красой іудейства, Оршанскій усердно занимался подъ руководствомъ мѣстнаго рав-

вина изученіемъ самыхъ важныхъ и трудныхъ отдѣловъ Талмуда, каббалы и еврейской философіи.

Наступили шестидесятые годы... Эпоха великихъ реформъ, пробудившая Россію отъ оцѣпенѣнія и всюду вызвавшая къ дѣятельности дремавшія и томившіяся отъ бездѣйствія силы лучшихъ людей, была эпохой Sturm und Drang'a также и для русскихъ евреевъ. Просвѣтительное движеніе среди южно-русскихъ евреевъ, разлившееся широкой волной, увлекшей изъ невольной замкнутости и отчужденности отъ европейской науки и культуры наиболѣе прогрессивные элементы еврейства, не могло не коснуться и молодого Оршанскаго, уже сдѣлавшаго шага по пути своего обрусѣнія и вполне подготовленнаго къ воспріятію западно-европейской науки. Среди екатеринославской еврейской молодежи образовался небольшой кружокъ, горячо отозвавшійся на новое движеніе и жадно слѣдившій за новой литературой ¹). Юноша-Оршанскій стоялъ, конечно, во главѣ кружка передовой еврейской молодежи. Такимъ образомъ, благодаря охватившему евреевъ просвѣтительному движенію, направленіе мыслей и чувствъ, научныя занятія и стремленія Оршанскаго приняли новый характеръ и увлекли его совсѣмъ на другую дорогу. Надежда его соплеменниковъ — видѣть его современемъ знаменитымъ раввиномъ, звѣздой іудейства, — начинала угасать. Красой іудейства онъ будетъ, и не одного только іудейства, но на иномъ пути и при иныхъ условіяхъ. Оршанскій понялъ переживаемую имъ эпоху, чувствовалъ и сознавалъ положеніе своихъ соплеменниковъ и выбралъ иное поприще для служенія своему

¹ Ibidem, стр. IX.

народу. Не на почвѣ одного только іудаизма можно послужить іудейству, а вооружившись еще общеевропейской наукой, — и Оршанскій пошелъ по новому пути.

Еще одно обстоятельство содѣйствовало усиленію въ Оршанскомъ его новаго направленія: онъ познакомился съ нѣсколькими гимназистами старшихъ классовъ мѣстной классической гимназіи, и это знакомство было для Оршанскаго чрезвычайно полезно, такъ какъ быстро подвинуло его по пути къ намѣченной цѣли. Благодаря сношеніямъ съ гимназическимъ міромъ, Оршанскій неожиданно узналъ, что онъ обладаетъ большими знаніями по предметамъ гимназическаго курса и что для него открывается легкая возможность поступленія въ университетъ. Оршанскій начинаетъ усиленно заниматься гимназическими предметами, новые знакомые снабжаютъ его необходимыми учебниками и пособіями, онъ приступаетъ къ изученію латинскаго языка, которымъ до сихъ поръ еще не занимался.

Такимъ образомъ, въ 16 лѣтъ мы застаемъ Оршанскаго на перепутьѣ: мечты о новой жизни и дѣятельности и новыя занятія оттѣснили на задній планъ изученіе Талмуда и древне-еврейской литературы. Тѣмъ не менѣе, Оршанскій сохраняетъ глубокое религиозное настроеніе, продолжаетъ изученіе специальныхъ еврейскихъ предметовъ, но относится болѣе критически къ тому, что прежде всецѣло поглощало его. Его увлекаютъ теперь иные идеалы: новая общественная дѣятельность, служеніе своему народу совершенно иными средствами, жажда знанія общечеловѣческаго, европейская наука. Теперь же онъ задумываетъ первыя литературныя произведенія.

Итакъ, Оршанскій желаетъ поступить въ университетъ.

Не легко было осуществить это желаніе. Съ одной стороны, приходилось бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. Мѣстное еврейское общество еще не освоилось съ мыслью о воспитаніи и образованіи своего юношества въ гимназіяхъ и университетахъ. Къ тому же отъ молодого Оршанскаго, какъ уже было сказано выше, и родители и все екатеринославское еврейское общество ожидали многого и желали для него блестящей карьеры раввина. Съ другой стороны, препятствіемъ служили ограниченныя средства родителей Оршанскаго, которымъ приходилось принести большія матеріальныя жертвы. Но всѣ эти затрудненія были устранены, и въ августѣ 1863 года, отецъ Оршанскаго отвезъ его въ Харьковъ.

II.

Осенью 1863 года, семнадцати лѣтъ отъ роду, Оршанскій поступилъ вольнослушателемъ на юридическій факультетъ харьковскаго университета съ тѣмъ, чтобы въ теченіе зимы подготовиться къ вступительному экзамену въ университетъ. Поселившись у одного знакомаго своего отца, въ довольно непривлекательной обстановкѣ, не имѣя даже отдѣльной комнаты, Оршанскій, тѣмъ не менѣе, усердно занимался и весною 1864 года выдержалъ вступительный экзаменъ при одной изъ харьковскихъ гимназій, а осенью того же года былъ принятъ на первый курсъ юридическаго факультета. Зимой 1863—64 гг. Оршанскій написалъ свои первыя литературныя произведенія, которыя были имъ отосланы въ С.-Петербургъ, въ комитетъ «Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи». Первое произведеніе

Оршанскаго, «Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ», появилось въ сборникѣ статей по еврейской исторіи и литературѣ, изданномъ въ 1866 г. въ С.-Петербургѣ обществомъ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Вторая статья—«Быль, рассказанная моимъ пріятелемъ», была возвращена Оршанскому съ объясненіемъ, что она не могла быть напечатана вслѣдствіе рѣзкаго и обличительнаго ея характера. Въ печати появилась она уже послѣ смерти ея автора, въ 1878 году, въ VI т. издаваемой А. Е. Ландау «Еврейской Библіотеки», подъ заглавіемъ «Исторія выключки». На этой «Были» необходимо остановиться, такъ какъ въ этомъ первомъ произведеніи, затрогивающемъ еврейскій вопросъ, Оршанскій обнаруживаетъ тотъ характеръ и тѣ приемы изслѣдованія, какими отличаются его позднѣйшія капитальныя работы по еврейскому вопросу, именно «Евреи въ Россіи» и «Русское законодательство о евреяхъ». Быль, рассказанная пріятелемъ, излагаетъ исторію освобожденія одного еврея отъ рекрутчины и полученія вмѣстѣ съ отцомъ *выключки*, то есть освобожденія, въ силу постановленія кагала, отъ обязанности давать очереднаго рекрута. Рассказъ этотъ относится къ пятидесятымъ годамъ и рисуется всѣ ужасы, порожденные своеволіемъ кагаловъ, частыми и усиленными наборами, при чемъ брали даже дѣтей, и законами о такъ называемыхъ «пойманникахъ», по которымъ каждый еврей, обязанный итти въ солдаты, могъ вмѣсто себя поставить всякаго встрѣчнаго еврея безъ паспорта. Въ предпоследнемъ разсказу вступленія авторъ впервые ставитъ еврейскій вопросъ на историческую почву и изслѣдуетъ причинную связь явленій.

Всѣ тѣ факторы, говоритъ Оршанскій, которые обусловливали жалкое и безнадежное положеніе евреевъ въ Западной Европѣ вообще, существовали и въ Польшѣ, и чуть-ли не въ большихъ еще размѣрахъ. Крестьяне, подавляемые и угнетаемые панами чрезъ посредство арендаторовъ-евреевъ, вымещали свое негодованіе и злобу на жидѣ. Горько расплачивались послѣдніе за корыстолюбіе и безчеловѣчность пановъ, которые своими постоянными и безчестными поборами съ евреевъ побуждали послѣднихъ безъ зазрѣнія совѣсти обирать крестьянъ, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть чѣмъ удовлетворить алчности пана. По присоединеніи Польши къ Россіи, къ прежнему гнету шляхты для евреевъ прибавился еще гнетъ административный. Подъ вліяніемъ всего этого, польскій еврей исказился въ то уродливое, жалко-трусливое и въ то же время безгранично-алчное существо, которое у насъ привыкли называть жидомъ. При Императорѣ Николаѣ I-мъ правительство вѣрно оцѣнило всю громадность вреда, наносимаго евреями интересамъ сельскаго населенія, но не вникло въ причины, породившія это явленіе, а потому, вмѣсто того, чтобы вырвать зло съ корнемъ, и посредствомъ расширенія гражданскихъ правъ евреевъ и дозволенія имъ жительства внѣ черты еврейской осѣдлости сдѣлать ихъ полезными гражданами, давъ имъ возможность жить честнымъ трудомъ,—вмѣсто этого кореннаго разрѣшенія еврейскаго вопроса, правительство прибѣгло къ нѣкоторымъ частнымъ мѣропріятіямъ, имѣвшимъ временный характеръ, и такимъ образомъ жалкое положеніе польскихъ евреевъ нисколько не измѣнилось. Къ числу этихъ мѣръ относились: выселеніе евреевъ изъ деревень,

запрещеніе имъ впредь въ нихъ селиться, частное наборы, распоряженія о снятіи національной еврейской одежды и замѣнѣ ея европейской, а также о сбритіи пейсовъ.

Такъ приступаль къ разсмотрѣнію непочатаго еще еврейскаго вопроса семнадцатилѣтній студентъ Оршанскій, намѣчая уже для себя тѣ пути изслѣдованія, по которымъ онъ пойдетъ такъ успѣшно впоследствии.

Въ 1865 году Оршанскій напечаталъ въ различныхъ еврейскихъ изданіяхъ на древне-еврейскомъ языкѣ нѣсколько переводовъ и популярныхъ статей естественно-научнаго характера.

Перейдя на второй курсъ, Оршанскій на каникулы пріѣхалъ къ родителямъ. Здѣсь онъ получилъ предложеніе отъ одессита, С. А. Трахтманна, переселиться въ Одессу и поселиться у него въ домѣ въ качествѣ наставника и репетитора его дѣтей. Предложеніе это было очень привлекательно для студента Оршанскаго, такъ какъ Одесса вообще была болѣе культурнымъ центромъ, чѣмъ Харьковъ, и кромѣ того издавна считалась центральнымъ пунктомъ южно-еврейскаго просвѣщенія, а потому манила къ себѣ Оршанскаго, жаждавшаго работы на поприщѣ еврейско-русской публицистики. Оршанскій по всѣмъ этимъ соображеніямъ принялъ предложеніе, перевелся въ 1865 году на второй курсъ въ Новороссійскій университетъ, переѣхалъ въ Одессу и поселился въ домѣ С. А. Трахтманна. Здѣсь Оршанскій прожилъ все время пребыванія въ университетѣ и даже нѣкоторое время по окончаніи курса. Условія жизни для него были несравненно болѣе благоприятны, чѣмъ въ

Харьковѣ. Съ переходомъ въ Новороссійскій университетъ Оршанскій очень скоро сдѣлался стипендіатомъ. Вообще три года, проведенные Оршанскимъ въ университетѣ въ Одессѣ, были весьма важнымъ періодомъ въ развитіи его ума, знаній и таланта. Въ эти годы для него окончательно выяснилось его призваніе — публицистическая дѣятельность, получившая впоследствии выраженіе въ двухъ направленіяхъ: въ разработкѣ такъ называемаго еврейскаго вопроса въ Россіи, а также различныхъ бытовыхъ и правовыхъ вопросовъ обще-русской жизни. Къ этому времени относятся его статьи: «О замкнутости евреевъ» и «Простонародныя пѣсни русскихъ евреевъ». Оба произведенія появляются въ русскомъ приложеніи къ издававшейся въ г. Вильнѣ Финномъ на еврейскомъ языкѣ газетѣ «Гакармель» за 1866 годъ. Обѣ статьи появились впоследствии въ сборникѣ статей Оршанскаго подъ заглавіемъ «Евреи въ Россіи»¹⁾. Мы не будемъ останавливаться теперь на этихъ произведеніяхъ, а сдѣлаемъ это, когда приступимъ къ изложенію основныхъ взглядовъ и выводовъ Оршанскаго по еврейскому вопросу, формулированныхъ имъ въ двухъ сборникахъ его статей: «Евреи въ Россіи» и «Русское законодательство о евреяхъ». Теперь же возвратимся къ жизни Оршанскаго въ Одессѣ.

Все время пребыванія въ Новороссійскомъ университетѣ, Оршанскій сотрудничалъ въ мѣстныхъ газетахъ «Одесскій Вѣстникъ», «Новороссійскій Телеграфъ» и въ еврейской газетѣ «Гамелиць», помѣщая въ этихъ органахъ юридическія замѣтки или корреспонденціи изъ Екатеринослава, куда онъ ѣздилъ на каникулы каждое лѣто,

¹⁾ С.-Петербург. 1872 г., второе изданіе въ 1877 г.

чтобы видѣться съ родителями. Отношенія Оршанскаго къ родителямъ въ это время были проникнуты такою же нѣжностью, преданностью и искренней заботливостью, какъ и во всѣ предъидущіе и послѣдующіе годы его жизни. Въ одномъ изъ писемъ, въ отвѣтъ на упреки родителей въ нежеланіи пріѣхать къ нимъ на долго, Оршанскій пишетъ, что «хотя крѣпко любить всѣхъ людей, но своихъ соотечественниковъ больше другихъ, а родителей и близкихъ всего больше»¹⁾. По словамъ г. Ямпольскаго, учившагося вмѣстѣ съ Оршанскимъ въ Екатеринославѣ и близко его знавшаго, трогательная любовь Оршанскаго къ своимъ родителямъ и его отношенія къ нимъ были извѣстны всѣмъ, такъ что Оршанскаго всегда ставили въ примѣръ и всегда выставляли какъ образецъ сыновней любви и отношенія къ родителямъ²⁾. Но не только къ родителямъ Оршанскій проявлялъ нѣжность и любовное отношеніе; та же теплота чувства замѣтна у него и по отношенію къ своимъ братьямъ, съ которыми онъ много и часто переписывался, давая имъ въ письмахъ указанія относительно занятій. Особенно нѣженъ былъ Оршанскій съ старшимъ изъ братьевъ, котораго взялъ изъ родительскаго дома, гдѣ послѣдній не могъ вести правильныя занятія, къ себѣ въ Одессу, помогъ ему тамъ пристрѣтиться, много времени удѣлялъ ему и имѣлъ громадное вліяніе на его развитіе.

Что касается отношенія Оршанскаго къ людямъ вообще, то мы уже указывали, говоря о его дѣтствѣ, что онъ былъ мало общителенъ и любилъ одиночество. Но пребы-

¹⁾ Ibidem, стр. XV.

²⁾ См. статью г. Ямпольскаго въ „Кнессет Исроель“ (сборникъ статей на древне-еврейскомъ языкѣ) годъ I, 1886 г. стр. 855—867.

ваніе въ университетѣ и жизнь въ семействѣ Трахтманна, имѣвшаго довольно много знакомыхъ, а также литературныя занятія и связи повліяли на Оршанскаго въ томъ смыслѣ, что хоть на короткое время, періодами, онъ долженъ былъ подавлять въ себѣ свою замкнутость. Но склонность къ уединенію тѣмъ не менѣе оставалась въ немъ и составляла отличительную черту его характера. Среди знакомыхъ и товарищей у него бывали пріатели, но никогда не было друзей. Не смотря однако на то, что Оршанскій былъ нелюдимъ, всѣ окружавшіе его и имѣвшіе съ нимъ сношенія чрезвычайно любили его. Когда онъ пріѣзжалъ на каникулы въ Екатеринославъ изъ университета, у него всегда собирались товарищи: Оршанскій вмѣстѣ съ ними читалъ, давалъ книги для чтенія и вообще удѣлялъ имъ много времени¹⁾.

На четвертомъ году пребыванія въ университетѣ въ Оршанскомъ стали обнаруживаться первые признаки той болѣзни, которая такимъ молодымъ свела его въ могилу. Незадолго до окончанія университетскаго курса у него появилось кровохарканье. Оршанскій, не желая обременять окружающихъ, старался скрывать отъ нихъ свою болѣзнь. Самъ же онъ вполне сознавалъ, что въ немъ зарождается серьезная и неизлѣчимая болѣзнь, и не сомнѣвался въ своей недолговѣчности. Энергія его, однако, не ослабѣвала, и онъ продолжалъ, не смотря на болѣзненное состояніе, неуклонно идти по намѣченному пути. Въ это время, не достигнувъ еще двадцатидвухлѣтняго возраста, Оршанскій пользовался уже значительною извѣстностью въ еврейскомъ обществѣ. Еще въ 1865 г., будучи

¹⁾ См. указанную статью г. Ямпольскаго.

студентомъ второго курса, онъ получилъ предложеніе отъ петербургскаго комитета «Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» написать очеркъ талмудическаго семейнаго права. По неизвѣстнымъ причинамъ, однако, предложеніе это не было принято Оршанскимъ. Черезъ два года одесское отдѣленіе того же общества избрало Оршанскаго своимъ членомъ, желая тѣмъ выразить ему свое уваженіе и увѣренность въ осуществленіи возлагавшихся на него надеждъ на полезную и неустанную дѣятельность для блага своихъ единоплеменниковъ. Живя по прежнему въ домѣ С. А. Трахтманна, Оршанскій долженъ былъ, для снисканія себѣ средствъ существованія, заниматься дѣлопроизводствомъ въ уѣздномъ судѣ, за что онъ получалъ вознагражденія 30 руб. въ мѣсяцъ.

III.

Въ 1868 году Оршанскій оканчиваетъ университетъ со степенью кандидата правъ. Факультетъ, цѣня его знанія и талантъ и видя въ немъ задатки для занятія профессорской каѳедры, предложилъ ему остаться при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ подъ условіемъ перемѣны религіи. Оршанскій, при всей своей любви къ наукѣ и не смотря на незавидное матеріальное положеніе, безъ колебаній и безъ долгихъ размышленій отвѣтилъ отказомъ. Отказъ вызванъ былъ не въ силу религіозныхъ или національныхъ мотивовъ. Причиной послужило сознаніе духовной связи, соединявшей Оршанскаго съ еврейскимъ міромъ. Объяснить этотъ отказъ иными моти-

вами нѣтъ никакихъ основаній. Съ этимъ согласится всякій, знавшій хорошо нравственный обликъ покойнаго писателя. Оршанскій былъ сильнымъ среди слабыхъ, однимъ изъ тѣхъ счастливицевъ, которымъ удалось выдѣлиться изъ этой среды, и на немъ, въ сознаніи его, лежала обязанность старшаго брата по отношенію къ младшимъ. Чувствительная до болѣзненности душа его протестовала противъ возможности воспользоваться преимуществами, какія ему давали его способности и положеніе, только для одного себя. Зная по личному опыту страданія и безвыходное положеніе своихъ соплеменниковъ и желая помочь имъ въ ихъ напрасныхъ стараніяхъ избавиться отъ угнетенія и невѣжества, Оршанскій считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ отдать свои силы и способности, заботы и труды тѣмъ, кто такъ нуждался въ этомъ. Перемѣна религіи поставила бы его въ ненормальное положеніе по отношенію къ единоплеменникамъ и нарушила бы ту искренность, которая необходима была для дѣятельности на ихъ пользу¹⁾. Громадное значеніе для характеристики Оршанскаго имѣетъ письмо, написанное имъ своимъ родителямъ осенью 1868 года, въ которомъ Оршанскій извѣщаетъ ихъ о предложеніи факультета занять каѳедру. Въ цитированной уже выше біографіи Оршанскаго указывается, на ряду съ главной, отмѣченной уже нами причиной отказа Оршанскаго отъ предложенія факультета, еще на одну причину. Дѣло въ томъ, что перемѣна евреями своей религіи, хотя бы перемѣна эта проистекала изъ самыхъ возвышенныхъ побужденій, но разъ она сопровождается пріобрѣтеніемъ земныхъ благъ,

¹⁾ См. указанную выше біографію Оршанскаго, стр. XVII.

бросаетъ тѣнь на данное лицо и служить какъ бы новой опорой для ходячаго мнѣнія о еврейской продажности. Подобное соображеніе должно было оказать свое дѣйствіе на такого впечатлительнаго и щекотливаго въ нравственномъ отношеніи человѣка, какъ покойный Оршанскій ¹⁾.

Живя въ Одессѣ, по окончаніи университета, Оршанскій попробовалъ заняться также адвокатурою. Судебною практикою онъ занимался нѣсколько лѣтъ на товарищескихъ началахъ вмѣстѣ съ близкимъ ему лицомъ по сотрудничеству въ газетѣ «День». Дѣлъ у Оршанскаго, какъ и вообще у молодыхъ адвокатовъ, было мало. Какъ адвокатъ, Оршанскій имѣлъ мало успѣха въ судахъ. Оршанскій былъ очень застѣнчивымъ человѣкомъ. Кромѣ того, по своему развитію, уму, талантливости и оригинальности, ему трудно было примириться съ шаблонными взглядами, рутинною и преклоненіемъ предъ буквою закона, которыми отличались на первыхъ порахъ новые суды. Отстаивая имущественные интересы частныхъ лицъ, поручавшихъ ему веденіе своихъ дѣлъ, Оршанскій въ письменныхъ бумагахъ и объясненіяхъ своихъ въ судѣ и въ палатѣ поражалъ судей оригинальностью проводимыхъ имъ взглядовъ, которые принимались, какъ увлеченіе молодого неопытнаго юриста, несвѣдущаго въ законахъ и судебной практикѣ. Та самая судебная палата, которая съ высоты своего величія относилась съ предубѣжденіемъ къ молодому застѣнчивому адвокату Оршанскому, чрезъ нѣсколько лѣтъ была не мало поражена, когда извѣстный петербургскій присяжный повѣренный В. Н. Герардъ, выступая по одному дѣлу въ Одесской Судеб-

ной Палатѣ, ссылаясь, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, на печатные труды Оршанскаго, весьма авторитетнаго ученаго въ вопросахъ гражданскаго права. Неудивительно, что Оршанскій бросилъ адвокатуру спустя нѣсколько лѣтъ и уже больше не возвращался къ ней.

Между тѣмъ болѣзненный процессъ продолжалъ развиваться, и у Оршанскаго стали нерѣдко случаться припадки кровохарканья. По прежнему скрывая свою болѣзнь отъ родныхъ и окружающихъ, Оршанскій рѣшилъ для поправленія здоровья съѣздить въ Крымъ. Поѣздка совершилась, но, къ сожалѣнію, не принесла ему облегченія.

Зима 1868—69 гг. была исходнымъ моментомъ публицистической дѣятельности Оршанскаго въ защиту правъ и охрану интересовъ своихъ единовѣрцевъ. Въ это время подготовлялось въ Одессѣ изданіе еженедѣльной газеты «День», органа русскихъ евреевъ, долженствовавшей замѣнить появившіеся одинъ за другимъ и быстро исчезнувшіе журналы «Сіонъ» и «Разсвѣтъ», задачей которыхъ было знакомить русскую интеллигентную публику съ совершенно невѣдомымъ ей еврействомъ и сблизить эти чуждые другъ другу и разрозненные элементы. Оршанскій былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ вновь учрежденной газеты. Въ періодъ времени 1869—71 гг., почти цѣлкомъ на страницахъ газеты «День», Оршанскій напечаталъ цѣлый рядъ статей по различнымъ вопросамъ экономическаго, общественнаго и юридическаго положенія евреевъ въ Россіи, образовавшихъ впоследствии два тома сочиненій, посвященныхъ еврейскому вопросу: въ одномъ Оршанскій изслѣдуетъ главные экономическіе и общественные элементы жизни русскихъ евреевъ, другой онъ посвятилъ выясненію юридической стороны еврейскаго во-

¹⁾ Ibidem, стр. XVIII.

проса въ Россіи и, главнымъ образомъ, анализу мотивовъ существующаго въ Россіи ограничительнаго законодательства о евреяхъ. Къ изложенію этихъ двухъ капитальныхъ трудовъ Оршанскаго мы теперь и переходимъ.

IV.

При изученіи экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ, а равно и при разработкѣ юридической стороны еврейскаго вопроса въ Россіи, Оршанскій всецѣло стоитъ на почвѣ фактовъ и чуждъ всякихъ предвзятыхъ идей. Какъ ученый юристъ-публицистъ, въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова, и какъ знатокъ нашего еврейства, Оршанскій всегда строго объективенъ, искрененъ и безпристрастенъ. Неразрѣшеніе до сихъ поръ еврейскаго вопроса имѣло причиной, между прочимъ, и то, что вопросъ этотъ рѣдко былъ предметомъ чисто научнаго и вполнѣ безпристрастнаго изслѣдованія. Лишь немногіе изъ нашихъ публицистовъ старались и стужбли приблизиться именно къ такой разработкѣ еврейскаго вопроса. Между ними одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ Оршанскому.

Впервые при разработкѣ еврейскаго вопроса въ Россіи, Оршанскій пользуется историко-сравнительнымъ методомъ изслѣдованія. Пріемъ вполнѣ цѣлесообразный и въ высшей степени плодотворный. Подобно тому, какъ пользованіе этимъ методомъ при разрѣшеніи различныхъ экономическихъ, юридическихъ, политическихъ и другихъ вопросовъ общаго характера привело изслѣдователей къ тому, что установленъ былъ соціологическій законъ, въ силу котораго однѣ и тѣ же причины приводятъ къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ, въ результатѣ чего получается

однородность и всеобщность многихъ фактовъ и явленій общественной жизни, точно такъ же примѣненіе сравнительнаго метода къ разрѣшенію еврейскаго вопроса показало, что положеніе евреевъ у насъ въ Россіи аналогично тому, въ какомъ они находились когда то въ западной Европѣ. Такой выводъ чрезвычайно важенъ потому, что этимъ устраняется представленіе объ исключительности и особенныхъ свойствахъ еврейскаго вопроса, а также и еврейскаго населенія въ Россіи; кромѣ того, такое заключеніе приводитъ къ необходимости признанія характера случайности и временности за цѣлымъ рядомъ ограниченій, установленныхъ въ Россіи для евреевъ.

А). Очерки экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Евреи въ Россіи», ¹⁾ представляютъ рядъ статей, писавшихся отдѣльно и появлявшихся въ повременныхъ изданіяхъ, преимущественно въ газетѣ «День». Сборникъ этотъ, хотя и не представляетъ систематическаго цѣлага, имѣетъ тѣмъ не менѣе громадную цѣнность. Въ немъ собранъ значительный фактической и статистической матеріаль. Хотя въ немъ и замѣчается отсутствіе порядка, но благодаря единству мысли, логикѣ и серьезному анализу, книга Оршанскаго производитъ цѣльное впечатлѣніе и оказываетъ огромную услугу выясненію экономической и общественной стороны еврейскаго вопроса. Оршанскому подчасъ приходится слишкомъ усердно доказывать очевидное, даже азбучныя истины. Но въ упрекъ ему поставить этого никакъ нельзя: слишкомъ усердное сомнѣніе въ этихъ самыхъ азбучныхъ истинахъ противниковъ побуждаетъ его къ этому.

¹⁾ Первое изд. 1872 г., второе 1877 г.

Обращаясь къ разсмотрѣнію матеріала и выводовъ, которые даютъ очерки Оршанскаго, мы остановимся на наиболѣе важныхъ вопросахъ, затронутыхъ авторомъ.

Начнемъ съ основныхъ вопросовъ о замкнутости евреевъ и объ ихъ обрусѣніи ¹⁾. Упрекъ въ замкнутости есть одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе всего дѣлаются евреямъ, кстати или некстати. Какъ только, говоритъ Оршанскій, зайдетъ рѣчь объ эмансипаціи евреевъ, о расширеніи ихъ гражданскихъ правъ, помянутый упрекъ не заставляеть себя ждать. На первый планъ выступаютъ слова: «отчужденность», «сосредоточенность», «*status in statu*» и т. п. выраженія, которыя въ сущности ничего не выражаютъ, но которыя сильно нравятся людямъ, чувствующимъ какое то нерасположеніе къ евреямъ. Полная отчужденность еврейской жизни признается всѣми за фактъ абсолютный, неподлежащій никакому сомнѣнію. Но дѣйствительно ли эта абсолютность такъ безусловна, спрашиваетъ Оршанскій. Дѣйствительно ли между міромъ еврейскимъ и нееврейскимъ не было никогда никакого духовнаго общенія? Вотъ вопросы, которые должны имѣть высокій интересъ для каждаго мыслящаго человѣка; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что изслѣдованіе вліянія, которое оказываютъ различныя, даже враждебныя группы человѣчества однѣ на другія при своемъ столкновеніи, есть одна изъ поучительнѣйшихъ задачъ соціальной науки. Но для насъ, русскихъ евреевъ, продолжаетъ Оршанскій, поставленные вопросы имѣютъ еще высокое практическое значеніе. Отъ болѣе

¹⁾ Отъ „обрусѣть“ — статья, сдѣлаться добровольно русскимъ, см. словарь Даля.

или менѣе удачнаго разрѣшенія ихъ зависитъ уничтоженіе ложныхъ и вредныхъ для насъ предрасудковъ въ средѣ русскаго общества ¹⁾. Далѣе Оршанскій указываетъ на нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ далеко отстоитъ дѣйствительность отъ того, что обыкновенно выдается за нее людьми, руководимыми духомъ партіи и предрасудковъ. Языкъ народа безспорно есть вѣрнѣйшее мѣрило и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ исключительности и своеобразности его національнаго развитія. То обстоятельство, что русскіе евреи говорятъ особымъ діалектомъ, часто выдвигается, когда дѣло идетъ о замкнутости евреевъ. Факты, однако, показываютъ, что вездѣ, гдѣ положеніе евреевъ улучшалось и ихъ соприкосновеніе съ другими классами населенія дѣлалось ближе и постояннѣе, тамъ евреи быстро забывали свой особый діалектъ и усваивали себѣ языкъ господствующаго народа ²⁾. Но эта ассимиляція не останавливается на одномъ усвоеніи языка. Крестьянство, какъ ни страннымъ покажется это многимъ, имѣло сильное вліяніе и на умственную сферу евреевъ, въ особенности въ Малороссіи. Столь богато развитая малороссами область народныхъ вѣрованій и убѣжденій почти цѣликомъ перешла къ жившимъ среди нихъ евреямъ ³⁾. Евреи не остались равнодушными и къ произведеніямъ народной русской поэзіи. Извѣстный стихъ о богатомъ и убогомъ Лазаряхъ, принадлежащій къ числу тѣхъ немногихъ духовныхъ стиховъ, которые пѣлись не одними «каликами-

¹⁾ „Евреи въ Россіи“, С.-Петербург. 1877 г., стр. 383—384.

²⁾ Ibidem, стр. 385.

³⁾ Ibidem, стр. 387.

перехожими», а сдѣлались достояніемъ всего русскаго народа, — стихъ этотъ нашель почетное мѣсто и въ еврейской сферѣ ¹⁾). Евреи питають глубокое сочувствіе къ симпатичной, полной трогательной нѣжности малорусской музыкѣ. Они не только страстные охотники слушать чумацкія пѣсни, но и всячески стараются перенять ихъ даже для синагогальной музыки. Нерѣдко, въ какой-нибудь мелодіи къ молитвамъ можно разслышать мотивы, которыми «кобзарь» аккомпанируетъ на своемъ національномъ инструментѣ какой-нибудь казацкой «думѣ» ²⁾). Но евреи пошли еще дальше. Усвоивъ себѣ многія изъ сторонъ духовной жизни русскаго населенія, они переняли многое изъ окружавшаго ихъ быта. Евреи заимствовали значительное количество предрасудковъ и суевѣрій. Перенять у коренного населенія его образъ жизни, его занятія евреи не могли: разныя обстоятельства насильно удерживали ихъ въ сферѣ торгашества и паразитизма ³⁾).

Говоря объ обрусеніи ⁴⁾ евреевъ Оршанскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: разные отдѣлы нашего законодательства, какъ въ общегражданскихъ своихъ частяхъ, такъ и въ тѣхъ, которыя специально относятся къ евреямъ, основаны на началахъ національной и религіозной замкнутости и исключительности, при которыхъ о поглощеніи русскимъ народнымъ организмомъ такихъ неоднородныхъ ему тѣлъ, какъ еврейство, не можетъ быть и рѣчи. Препятствія къ обрусенію евреевъ встрѣчаются какъ въ законахъ о правахъ и актахъ состоянія евреевъ, такъ и

¹⁾ Ibidem, стр. 388.

²⁾ Ibidem, стр. 388.

³⁾ Ibidem, стр. 389.

⁴⁾ Отъ „обрусить“ — сдѣлать русскимъ, см. словарь Даля.

въ ихъ общественномъ устройствѣ, уголовномъ и семейномъ правѣ ¹⁾).

Русское общество, говоритъ Оршанскій, негодуеть на евреевъ за то, что они еще сохранили слишкомъ много чертъ самостоятельной, обособленной національной жизни и слишкомъ мало усвоили себѣ особенности русской народности. Но вѣдь сліяніе двухъ народностей или поглощеніе одною изъ нихъ другой, по самому свойству своему, очевидно, есть актъ двусторонній, результатъ взаимодѣйствія двухъ неравномѣрныхъ величинъ, изъ которыхъ одна, большая, покоряетъ себѣ меньшую, подчиняя ее своему культурно-историческому типу. Но тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ обоюдномъ и взаимномъ воздѣйствіи двухъ сторонъ, основное начало юридической, какъ и всякой другой, логики требуетъ, чтобы права и обязанности были распределены между обѣими сторонами правильно и соразмѣрно. Отсюда слѣдуетъ, что если результаты этого взаимодѣйствія почему-либо окажутся неудовлетворительными и несоотвѣтствующими справедливымъ ожиданіямъ, отвѣтственность за это должна падать на одну сторону только въ томъ случаѣ, если она одна виновна въ этихъ неблагоприятныхъ результатахъ ²⁾).

Обрусенію евреевъ, по мнѣнію Оршанскаго, могутъ способствовать преимущественно тѣ мѣры относительно ихъ, которыя, не имѣя въ виду прямо этой цѣли, основаны на свободныхъ и гуманныхъ началахъ общежитія, ибо притягательная сила одной національности въ отношеніи къ прочимъ обуславливается не искусственными мѣрами,

¹⁾ Ibidem, стр. 219—220.

²⁾ Ibidem, стр. 237—238.

предпринятыми съ этою цѣлью, а внутренней крѣпостью этой народности, превосходствомъ ея культуры и общественныхъ формъ ¹⁾).

Въ статьяхъ, посвященныхъ экономическому быту русскихъ евреевъ, Оршанскій высказалъ слѣдующія воззрѣнія. Существуютъ три главные фактора, вліяющіе на благосостояніе каждой части общественнаго организма: организація этой части общества по закону, отношеніе къ ней исполнителей закона и остальныхъ частей общества. Эти три фактора измѣнились значительно къ лучшему по отношенію къ положенію русскихъ евреевъ ²⁾. Казалось бы поэтому, что бытъ русскихъ евреевъ долженъ видимо и постоянно улучшаться въ сравненіи съ прошедшимъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, экономическій бытъ евреевъ представляется не лучше, а хуже прежняго. Главную причину увеличивающейся бѣдности еврейскаго населенія слѣдуетъ видѣть въ преобразованіяхъ шестидесятихъ годовъ. Крѣпостное право породило необыкновенное развитіе посредничества во всѣхъ его видахъ. А посредникомъ былъ почти всегда еврей. Такимъ образомъ, общій экономическій прогрессъ русской жизни оказался вреднымъ для интересовъ еврейскаго населенія. Исторія показываетъ, что во всѣхъ европейскихъ странахъ еврей, въ средневѣковой періодъ народнаго быта, играли точно такую же роль въ хозяйственномъ организмѣ, какую у насъ играли они до эпохи реформъ, и однакожь съ переходомъ европейскихъ народовъ къ системѣ большей экономической самостоятельности производства и потребленія, по отношенію къ капиталу и посредни-

¹⁾ Ibidem, стр. 243.

²⁾ Ibidem, стр. 3. Писано въ 1869—70 гг.

честву, еврей приноровились къ измѣнившимся обстоятельствамъ, примкнули къ производительнымъ классамъ и вовсе не оказались излишними въ народной экономіи ¹⁾. Въ западной Европѣ уже совершился этотъ переходъ еврейскаго населенія отъ прежняго исключительно торговаго и факторскаго быта къ общенародной экономической жизни. Но въ промежутокъ между тѣмъ временемъ, когда въ жизнь народа проникаютъ новыя экономическія начала, и тѣмъ, когда классъ посреднической привыкнетъ къ этимъ новымъ началамъ и усвоитъ себѣ новый образъ хозяйственной жизни, классъ этотъ долженъ сильно пострадать въ отношеніи экономическомъ, ибо прежнія средства къ жизни у него уже отняты самимъ ходомъ народнаго прогресса, а новыя ему еще не открылись. Вотъ этотъ промежутокъ времени и переживаютъ русскіе еврей ²⁾. Стѣсненное положеніе русскихъ евреевъ вовсе не указываетъ на то, что евреямъ нѣтъ мѣста въ общественномъ организмѣ Россіи при господствѣ новыхъ началъ: оно есть только явленіе временное, результатъ того, что еврейское населеніе еще не усвоило себѣ новыхъ промысловъ и занятій ³⁾. Пока же *въ жизни западно-русскихъ евреевъ замѣчаются всѣ симптомы общественнаго недуга, извѣстнаго подъ именемъ пролетаріата: бездомность, скитальчество и выселеніе, плачевныя санитарныя условія и какъ слѣдствіе ихъ — значительная смертность, упадокъ нравственности, не-*

¹⁾ Ibidem, стр. 3—12.

²⁾ Ibidem, стр. 12—13. Мы останавливаемся на этихъ разсужденіяхъ Оршанскаго, хотя они написаны болѣе четверти вѣка тому назадъ.

³⁾ Ibidem, стр. 13.

достатокъ платежныхъ средствъ въ фискальномъ отношеніи и ничтожная цифра заработка и дохода ¹⁾.

Остановиваясь на вопросѣ о томъ, полезна или вредна еврейская торговля, Оршанскій указываетъ на то, что даже факторство, эта самая уродливая форма еврейской промышленной дѣятельности въ западномъ краѣ, далеко не такъ безусловно дурно, какъ полагаютъ, и предъ судомъ безпристрастнымъ представляется вовсе не въ томъ невыгодномъ свѣтѣ, какой набрасываютъ на него нѣкоторые западно-русскіе публицисты. Было бы странно предполагать, что факторство разоряетъ край, когда известно, какъ невѣроятно низко факторы цѣнятъ свой трудъ. По словамъ Шпилевскаго, путешествовавшаго по Полѣсью и Бѣлоруссіи, «за полтинникъ жидъ-факторъ будетъ бѣгать цѣлый день» ²⁾. Невѣрно также мнѣніе, будто евреи занимаются исключительно посредничествомъ, не создавая сами никакихъ цѣнностей. Кромѣ труда ремесленнаго, евреи приносятъ не малую пользу еще тѣмъ, что, вынужденные необходимостью, они создаютъ новыя отрасли производительности. Существенный признакъ экономическаго прогресса состоитъ въ томъ, чтобы по возможности не оставлять безъ эксплуатаціи ни одной изъ производительныхъ силъ природы и превращать въ хозяйственную цѣнность даже мелкіе продукты, которые при неразвитомъ состояніи народнаго хозяйства пропадаютъ безъ пользы для человѣка. И въ отношеніи этой-то реализаціи мелкихъ цѣнностей, говоритъ Оршанскій, евреи оказываютъ немаловажную услугу западной Россіи.

¹⁾ Ibidem, стр. 155.

²⁾ Ibidem, стр. 37.

Такъ, евреи занимаются разведеніемъ домашнихъ животныхъ, между прочимъ, козеводствомъ, домашнихъ птицъ, въ особенности гусей; въ Минской губерніи населеніе занимается собираніемъ черники, которая въ громадномъ количествѣ отправляется малороссійскими евреями въ Москву для приготовленія известной краски и пр. ¹⁾. Еврейское населеніе оказываетъ громадную услугу дѣлу благосостоянія сельскихъ производительныхъ классовъ, открывая имъ обширный рынокъ для сбыта единственнаго своего богатства, во-первыхъ непосредственно, какъ многочисленный классъ потребителей, всегда поддерживающій сильный запросъ изъ города на произведенія деревни, и во-вторыхъ еще болѣе какъ торговцы, вывозящіе излишекъ хлѣба, мяса и другихъ естественныхъ произведеній какъ за границу, такъ и въ другія части Россіи (такова на примѣръ торговля лѣсомъ съ южнымъ краемъ) ²⁾. Отмѣчая и вредныя стороны еврейской торговли, Оршанскій доказываетъ, что онѣ происходятъ и происходили отъ постороннихъ бытовыхъ условій. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ крупнѣйшее явленіе русской исторіи — крѣпостное право, бывшее главной причиной возможности эксплуатаціи евреями крестьянскаго населенія. Не только какъ первоначальная причина всѣхъ темныхъ явленій въ жизни русскаго народа — бѣдности, невѣжества, пьянства и безправности, имѣвшихъ прямымъ результатомъ возможность легкой, безнаказанной эксплуатаціи сельскаго населенія барышниками, но во многихъ случаяхъ непосредственно крѣпостное право вело къ тому, чтобы дать искусственное и вредное направленіе про-

¹⁾ Ibidem, стр. 38—39.

²⁾ Ibidem, стр. 41.

мышленной дѣятельности городского населенія. Вторая причина, вліяющая на легкость эксплуатаціи производительныхъ классовъ барышничествомъ — бѣдность этихъ классовъ, ихъ беспомощность въ случаѣ житейскихъ невзгодъ. Потребность уплаты податей, страсть къ водкѣ и нужда въ земледѣльческихъ орудіяхъ часто заставляютъ крестьянъ продать еврею хлѣбъ по низкой цѣнѣ. Третьей причиной является бѣдность еврейскаго населенія западнаго края, заставляющая его изыскивать всевозможныя честныя и нечестныя средства къ поддержанію своего существованія и поэтому приводящая ко многимъ уродливымъ экономическимъ явленіямъ. Далѣе, значительное вліяніе на эксплуатацію производителей оказываетъ также отсутствіе всякой промышленной самодѣятельности и предприимчивости и привычка во всемъ, что выходитъ за узкія рамки непосредственнаго производства сырья, обращаться къ посреднику ¹⁾. Такое зло, какъ эксплуатація сельскаго населенія барышниками, необходимо вытекаетъ изъ современнаго нашего общественнаго устройства и можетъ быть уничтожено только путемъ коренныхъ измѣненій въ бытѣ крестьянъ, какъ-то: распространенія между ними просвѣщенія, организаціи сельскаго кредита, облегченія ихъ податей и повинностей. Репрессивныя же мѣры противъ кулачества ничему не могутъ ²⁾.

Контрабандная торговля по западной границѣ, продолжаетъ Оршанскій, составляетъ, по общему мнѣнію, одно изъ самыхъ темныхъ пятенъ еврейской экономиче-

¹⁾ Ibidem, стр. 56—63.

²⁾ Ibidem, стр. 77.

ской дѣятельности и есть причина многихъ важныхъ стѣсненій гражданскихъ правъ евреевъ. Но давно уже дознано наукой и опытомъ и никѣмъ не отрицается, что контрабанда есть преступленіе естественное, можно сказать необходимое тамъ, гдѣ пограничное населеніе бѣдно и имѣетъ мало промысловъ. Извѣстный экономистъ Гускиссонъ высказался въ палатѣ общинъ, что контрабанда есть явленіе благодѣтельное, какъ лучшее доказательство ложности покровительственной системы и необходимости свободной торговли. И дѣйствительно, усиленіе тайнаго ввоза товаровъ на юго-западѣ Россіи началось съ паденіемъ бердичевской торговли и обѣднѣніемъ его населенія. Поддерживался же онъ, кромѣ сильнаго запроса на ввозимые товары, что было необходимымъ послѣдствіемъ высокаго тарифа, еще бездѣятельностью и даже явнымъ потворствомъ во время оно таможенной стражи ¹⁾.

Что касается исключительной преданности евреевъ торговлѣ, то здѣсь Оршанскій указываетъ на то, что во-первыхъ, еврейское посредничество есть необходимый продуктъ условій соціальной и экономической жизни края. Во-вторыхъ, этой рутинной преданностью къ прадѣдовскому промыслу вообще страдаютъ у насъ всѣ сословія и народности. Въ частности торговля есть исключительное занятіе не однихъ евреевъ, но и нѣкоторыхъ другихъ народностей, напримѣръ грековъ и армянъ. Въ третьихъ, эта приверженность къ одной торговлѣ вовсе не такъ безусловна, какъ обыкновенно полагаютъ: при возрастаніи еврейскаго населенія и невозможности пи-

¹⁾ Ibidem, стр. 65.

таться всѣмъ торговлей, часть евреевъ обратилась къ ремесламъ, на чемъ пока остановилась ¹⁾).

Такое положеніе русскихъ евреевъ, продолжаетъ да-
лѣе Оршанскій, — при которомъ сотни тысячъ людей ли-
шены всякой экономической почвы и могутъ быть спа-
саемы отъ голодной смерти только при помощи благотвори-
тельности, — не можетъ продолжаться долго. Единственное
средство улучшить положеніе еврейской массы en grand —
это расширить право ихъ осѣдлости по всей Имперіи;
всѣ же другія мѣры, въ родѣ выселенія евреевъ за гра-
ницу, обращенія ихъ къ земледѣлію и ремесламъ и
распространенія между ними либеральныхъ профессій
посредствомъ образованія, могутъ помочь только незна-
чительной части еврейскаго населенія и потому только
наружно залѣчать, но не излѣчать зла. Вотъ почему
всѣ администраторы, которые руководствовались въ отно-
шеніи еврейскаго вопроса соображеніями экономическими,
высказывались за расширеніе правъ осѣдлости евреевъ
въ Россіи. Законъ 28 іюня 1865 года есть результатъ
ясно сознанной, путемъ самой жизни выработанной мысли
объ общей пользѣ для Россіи отъ пребыванія въ ней евре-
евъ-ремесленниковъ ²⁾).

Говоря о питейной торговлѣ евреевъ, Оршанскій
опровергаетъ существующее мнѣніе, чрезвычайно распро-
страненное, что евреи вездѣ, гдѣ только они живутъ,
охотнѣе всего занимаютъ содержаніемъ разныхъ видовъ
питейныхъ заведеній и что, поэтому, они имѣютъ вредное
вліяніе на благосостояніе народной массы, способствуя

¹⁾ Ibidem, стр. 67 и 70.

²⁾ Ibidem, стр. 71, 85 и 87.

усиленію пьянства въ низшихъ классахъ населенія. Со-
вершенно справедливо Оршанскій указываетъ на то, что
истинныя причины пьянства лежатъ не въ томъ, что
евреи захватили въ свои руки торговлю питьями и спаи-
ваютъ низшіе классы народа: онѣ коренятся въ усло-
віяхъ нашей народной и государственной жизни. До
тѣхъ поръ, говоритъ Оршанскій, пока народъ русскій
будетъ обреченъ на тяжелую и неблагодарную борьбу
съ суровой природой и неблагоприятными социальными
условіями и въ часы досуга не будетъ имѣть ни возмож-
ности, ни желанія вкушать болѣе человѣчныя наслажде-
нія, до тѣхъ поръ никакія ограниченія относительно тор-
говли и торговцевъ питьями ни на одинъ волосъ не умень-
шатъ народнаго пьянства, а скорѣе его увеличатъ ¹⁾). Въ
настоящее время, съ введеніемъ казенной продажи питей,
вопросъ о питейной торговлѣ евреевъ потерялъ свое зна-
ченіе, такъ какъ питейная реформа совершенно устра-
нила евреевъ отъ этого промысла.

Намъ остается еще остановиться на взглядахъ Оршан-
скаго по поводу земледѣльческаго труда у русскихъ ев-
реевъ. Въ качествѣ развитаго промышленно-городскаго
класса, евреи, при болѣе нормальномъ распредѣленіи
ихъ по Россіи, могли бы принести значительную пользу
экономическому и общественному прогрессу, тогда какъ
скученные чрезмѣрно на одной части Имперіи они въ
нѣкоторыхъ отношеніяхъ приносятъ даже вредъ. Но ста-
ринное предубѣжденіе не допускало мысли о дозволеніи
евреямъ проживать въ сердцѣ Россіи; приходилось, слѣ-
довательно, приискать какія-нибудь другія мѣры, чтобы
устранить неудобства отъ несоразмѣрнаго съ потребно-

¹⁾ Ibidem, стр. 84 и 108.

стями страны развитія еврейской торговли. Въ числѣ этихъ мѣръ главное вниманіе правительства обратило на себя приученіе евреевъ къ земледѣлію. Мысль о развитіи земледѣлія между евреями является вполне органическимъ, можно сказать необходимымъ продуктомъ условій общественной жизни старой Россіи. Такимъ же представляется и тотъ способъ, которымъ государство принялось осуществлять эту задачу. Способовъ этихъ, говоритъ Оршанскій, было два. Можно было поставить евреевъ въ такое социальное положеніе, что они сами нашли бы для себя выгоднѣе во многихъ случаяхъ бросить свое «гандлованіе» и взяться, подобно русскому купечеству и мѣщанству, за арендованіе земель и даже за личное ихъ обработываніе. Это, конечно, могло случиться при совершенномъ уравнианіи правъ евреевъ. Но помимо этого, такой путь былъ очень дологъ. Поэтому правительство избрало другой путь, повидимому скорѣе ведущій къ цѣли и при томъ бывший въ большемъ ходу въ то время, хотя экономисты-мыслители давно доказали его несостоятельность: поощреніе евреевъ къ земледѣлію посредствомъ разнаго рода привилегій. Поощряя систематически и постоянно поселеніе евреевъ-земледѣльцевъ на югѣ Россіи, гдѣ такъ нуждались въ нихъ необозримыя пространства вновь присоединенныхъ мѣстностей, правительство руководилось своей давнишней политикой относительно евреевъ: направлять дѣятельность этого племени на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ. Колонизація евреевъ на югѣ Россіи, говоритъ Оршанскій, необходимо должна была оказаться неудачной, потому что она шла наперекоръ естественнымъ условіямъ края, его экономическимъ потребностямъ, равно какъ и привычкамъ и интересамъ самихъ

евреевъ, и именно вслѣдствіе этой своей неестественности она потребовала громадныхъ пожертвованій со стороны еврейскихъ обществъ, оплачивавшихъ расходы на поселенцевъ въ теченіе многихъ лѣтъ изъ суммъ коробочнаго сбора: въ 1846 г. издержано 60.000 руб., въ 1847 г. — 96.000 р. а въ 1848 г. — 126.653 р. А между тѣмъ съ несравненно меньшими издержками и хлопотами можно было повести дѣло колонизаціи евреевъ въ западномъ краѣ въ мѣстахъ давней ихъ осѣдлости. Здѣсь мы должны замѣтить, что позднѣйшими изслѣдованіями, главнымъ образомъ В. Н. Никитина и Л. Улейникова ¹⁾, доказано, что опытъ приученія евреевъ къ земледѣлію, несмотря на затрудненія, на которыя наталкивалось осуществленіе предначертаній правительства, — затрудненія не колонистами созданныя и заключавшіяся въ способѣ исполненія распоряженій высшаго начальства, — привелъ къ результатамъ больше чѣмъ удовлетворительнымъ.

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе главныхъ положеній труда Оршанскаго «Евреи въ Россіи» и переходимъ къ его замѣчательному во всѣхъ отношеніяхъ изслѣдованію «Русское законодательство о евреяхъ.»

В). Сочиненіе Оршанскаго «Русское законодательство о евреяхъ» немедленно же по выходѣ въ свѣтъ получило громкую и заслуженную извѣстность не только у насъ въ Россіи, но и за-границей. Извѣстный французскій ученый А. Леруа-Болье (Anatole Leroy-Beaulieu) неоднократно въ своихъ статьяхъ цитируетъ сочиненіе Оршанскаго, которое читалъ въ подлинникѣ. Успѣхъ книги Ор-

¹⁾ См. „Евреи-земледѣльцы“ В. Н. Никитина, Спб. 1887 г. и Л. Улейникова „Еврейскія земледѣльческія колоніи Екатеринославской губерніи въ 1890 г.“ Спб. 1891 г.

шанскаго объясняется прежде всего тѣмъ, что она долгое время представляла единственное въ нашей литературѣ сочиненіе, въ которомъ собранъ въ одно цѣлое громадный относящійся до евреевъ законодательный матеріалъ. Но полнота матеріала не главное достоинство книги Оршанскаго. Самая серьезная сторона этого труда заключается въ томъ, что въ немъ проявилась попытка создать не одинъ только комментарий къ дѣйствующему законодательству о евреяхъ, но также выяснитъ основныя начала историческаго развитія мотивовъ, руководившихъ дѣятельностью законодателя по этому предмету, въ связи съ общимъ движеніемъ законодательства. Заслуги Оршанскаго по выясненію юридической стороны еврейскаго вопроса въ Россіи неоцѣнимы.

Для того, чтобы получить понятіе о томъ, что такое въ юридическомъ отношеніи русскій еврей, необходимо, по мнѣнію Оршанскаго, во первыхъ окинуть однимъ взглядомъ всю совокупность отдѣльныхъ постановленій о евреяхъ, уловить ихъ сущность и основныя начала, не теряясь въ менѣе интересныхъ частностяхъ; во-вторыхъ, что всего важнѣе, уяснить себѣ мотивы, побудившіе законодателей къ изданію всѣхъ этихъ постановленій, и цѣли, къ которымъ они стремились; и въ третьихъ, подвергнуть эти мотивы критической оцѣнкѣ и сдѣлать на этомъ основаніи выводы о степени разумности и цѣлесообразности существующихъ постановленій о евреяхъ.

Одно существованіе въ нашихъ законахъ многочисленныхъ извѣтій для евреевъ не составляетъ еще исключительнаго и ненормальнаго явленія въ русской жизни. Не-

нормальность, и весьма существенная, лежитъ только въ характерѣ и свойствѣ этихъ ограниченій¹⁾.

По своему гражданскому положенію, евреи въ Россіи представляютъ совершенно исключительное явленіе, не имѣющее ничего аналогичнаго въ судьбѣ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія въ Россіи. Ихъ нельзя считать русскими подданными, ограниченными только въ тѣхъ или иныхъ правахъ. Во-первыхъ, евреямъ не предоставлено право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи. Во-вторыхъ, общее правило о дозволенности всего незапрещеннаго закономъ нѣсколько измѣняется по отношенію къ евреямъ: евреи, состоящіе въ подданствѣ Россіи, подлежатъ общимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не постановлено особыхъ о нихъ правилъ²⁾. Такимъ образомъ, законъ нашъ смотритъ на евреевъ, какъ на иностранцевъ, которые пользуются въ Россіи гражданскими правами лишь въ той мѣрѣ, въ какой это признано за ними положительнымъ закономъ. Но съ одной стороны, евреи въ чертѣ ихъ осѣдлости пользуются во многихъ отношеніяхъ большими гражданскими правами, чѣмъ ненатурализованные иностранцы, съ другой стороны, внѣ черты осѣдлости они поставлены въ гораздо худшее положеніе, чѣмъ иностранцы. Итакъ, евреи составляютъ въ Россіи какъ бы особенное сословіе гражданъ извѣстной части государства, т. е. такъ называемой *черты осѣдлости*³⁾.

¹⁾ См. „Русское законодательство о евреяхъ“ И. Г. Оршанскаго, Спб. 1877 г., стр. 2—3.

²⁾ Ibidem, стр. 3—4.

³⁾ Ibidem, стр. 5—6.

Перемѣна религіи даетъ русскому еврею возможность выйти изъ этого положенія. Еврей, перемѣнившій религію, сразу вступаетъ въ тотъ кругъ общества, къ которому онъ принадлежитъ по своей профессіи, образованію и способностямъ. Онъ можетъ приписаться ко всякому обществу, гдѣ найдетъ для себя удобнѣе, не испрашивая предварительнаго согласія тѣхъ обществъ. Онъ пользуется трехлѣтней отъ податей льготой со дня приписки къ тѣмъ обществамъ. Для облегченія евреямъ перехода въ христіанство установлено, что лица, достигшія 14-лѣтняго возраста, могутъ обратиться изъ іудейства въ христіанство, не испрашивая согласія родителей или опекуновъ ¹⁾. Этотъ срокъ совершеннолѣтія составляетъ рѣзкую аномалію въ нашемъ законодательствѣ. Для того, говоритъ Оршанскій, чтобы имѣть право выдать долговую росписку на нѣсколько рублей, нужно имѣть по нашему закону не менѣе 21 года; для того, чтобы вступить въ бракъ, нужно достигнуть 18-тилѣтняго возраста, для перемѣны же религіи еврею достаточно имѣть 14 лѣтъ отъ роду ²⁾. Далѣе, законъ допускаетъ и другія, второстепенныя средства для освобожденія если не отъ всѣхъ, то отъ нѣкоторыхъ изъ на-

¹⁾ Правило это, сохранившее свою силу и въ настоящее время, изложено въ законѣ такъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ или, по принадлежности, Главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ, можетъ дозволить несовершеннолѣтнимъ евреямъ присоединяться къ иностраннымъ терпимымъ въ государствѣ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ безъ истребованія согласія на то ихъ родителей (п. 3 приложенія къ ст. 7 Уст. Духовн. дѣлъ иностр. исповѣд., Т. XI, ч. 1, изд. 1896 г.).

²⁾ Ibidem, стр. 8.

ложенныхъ на евреевъ ограниченій. Гражданскія права, принадлежащія всѣмъ другимъ національностямъ, какъ естественное право cadaго человѣка въ обществѣ, могутъ быть приобрѣтаемы евреями лишь въ силу особыхъ гражданскихъ добродѣтелей, каковы напр. пребываніе въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ въ первой гильдіи или полученіе ученой степени ¹⁾.

У насъ въ обществѣ распространено убѣжденіе, что еврейскій вопросъ въ Россіи есть по преимуществу, если не исключительно, вопросъ экономической. Полагаютъ, что принципъ религіозной терпимости настолько проникъ въ наше законодательство, что объяснять юридическія стѣсненія евреевъ ихъ вѣроисповѣданіемъ невозможно. Это одно изъ тѣхъ безчисленныхъ заблужденій, говоритъ Оршанскій, которыя распространены у насъ относительно всего, что касается евреевъ, столько же по незнанію, сколько по нежеланію знать и признавать истинное положеніе еврейскаго дѣла ²⁾. Между тѣмъ, исторія показываетъ, что не только въ отдаленныя времена, но и въ ближайшіи къ намъ періодъ, первой по времени и главной по вліянію причиной ограниченія правъ евреевъ была религіозная нетерпимость. Въ 1817 г. учрежденъ былъ «Комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ», для покровительства евреямъ, принявшимъ христіанство ³⁾.

¹⁾ Ibidem, стр. 9 и 10.

²⁾ Ibidem, стр. 15.

³⁾ Ibidem, стр. 15.

Важнѣйшимъ орудіемъ въ рукахъ администраціи къ поощренію христіанства между евреями служили частыя изгнанія («выселенія») изъ городовъ, сель и деревень. Другой важной мѣрой для распространенія между евреями христіанства было привлеченіе евреевъ къ военной службѣ. Третьимъ орудіемъ въ рукахъ правительства для той же цѣли послужила организація системы народнаго образованія евреевъ. вмѣсто того, продолжаетъ Оршанскій, чтобы оставить въ покоѣ религиозный бытъ евреевъ и содѣйствовать улучшенію его косвеннымъ путемъ, распространеніемъ общаго образованія, правительство прямо провозгласило своей задачей противодѣйствіе Талмуду, суевѣрію, меламдамъ, казенный контроль надъ тѣмъ, что всего дороже для всякой народной массы. Дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ этой системы народнаго образованія евреевъ послужили мѣры къ внѣшнему ихъ цивилизованію: объявлена была война еврейскому національному костюму, священнымъ пейсамъ и бритью головъ у женщинъ. Поощряя такимъ образомъ всячески очищеніе еврейской религіи и еще болѣе переходъ евреевъ въ христіанство, правительство старалось исключительно привлечь евреевъ къ господствующей церкви ¹⁾. Въ отношеніи къ іудейству свобода вѣры не уходитъ дальше признанія за лицами, рожденными въ еврействѣ, права открыто исповѣдывать свое религиозное ученіе и исполнять его обряды.

¹⁾ Ibidem, стр. 22, 24, 26, 28 и 29.

Но и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ не могутъ, повидимому, мириться съ іудаизмомъ, какъ религиозной формой жизни, имѣющей право на уваженіе со стороны свѣтской власти. Это видно изъ того, что установленъ взглядъ на іудаизмъ, какъ на ложное ученіе ¹⁾. А разъ утвердились въ мысли, что еврейская религія есть ложное ученіе и что государство можетъ и должно принять участіе въ религиозныхъ дѣлахъ гражданъ, весьма послѣдовательнымъ является мнѣніе о необходимости дѣятельныхъ мѣръ къ обращенію евреевъ на путь истинный ²⁾.

Такимъ образомъ, Оршанскій показываетъ, что наши вѣроисповѣдныя законы, придавая переходу иновѣрца въ христіанство и еще болѣе въ православіе значеніе юридическаго акта, вліяющаго на гражданское положеніе обращеннаго, и всячески поощряя этотъ переходъ, приходятъ вслѣдствіе этого въ столкновеніе почти со всѣми раціональными принципами, признаваемыми самимъ же нашимъ законодательствомъ въ другихъ его отдѣлахъ. Такъ, вѣроисповѣдныя законы сталкиваются даже съ свободою перехода иновѣрцевъ въ христіанство по убѣжденію—въ правилахъ о стѣсненіи перехода евреевъ въ протестантизмъ и запрещеніи принимать ихъ въ расколъ; съ основными началами семейнаго права—въ правилахъ о крещеніи малолѣтнихъ евреевъ; съ коренными началами уголовнаго права—въ вопросахъ, касающихся извѣстныхъ случаевъ вѣроотступничества; съ началами гражданскаго права—въ установленіи ранняго возраста религиознаго совершеннолѣтія, и во многомъ другомъ ³⁾.

¹⁾ Ibidem, стр. 36 и 37.

²⁾ Ibidem, стр. 70.

³⁾ Ibidem, стр. 70.

Далѣ Оршанскій обращается къ разсмотрѣнію положенія еврейскаго духовенства по русскому закону, которое всего рельефнѣе отбѣняетъ взглядъ законодателя на общественное положеніе еврейской религіи въ Россіи.

За исходную точку своихъ постановленій по этому предмету правительство приняло то воззрѣніе, что у евреевъ вовсе нѣтъ духовенства, какъ особаго сословія, съ исключительными правами и преимуществами, съ особеннымъ положеніемъ въ гражданскомъ обществѣ ¹⁾. До какой степени нашъ законъ чуждъ представленія о духовномъ санѣ и достоинствѣ еврейскаго раввина, видно изъ того, что у насъ раввинъ въ награду за безпорочную службу получаетъ почетныя права *купца* 1-й гильдіи. И въ то время, какъ духовенству христіанскихъ исповѣданій торговля воспрещается, раввину права торговли предоставляются какъ награда за безпорочную службу, т. е. добросовѣстное исполненіе духовныхъ обязанностей ²⁾. Указавъ еще на невозможное положеніе раввина, обязаннаго съ одной стороны, въ качествѣ духовнаго лица своей общины, толковать религіозной законъ и наблюдать за его исполненіемъ, а съ другой стороны, какъ правительственный чиновникъ, преслѣдовать коренныя начала еврейскаго быта, освященныя вѣковымъ преданіемъ и религіей ³⁾, Оршанскій останавливается на весьма мало извѣстномъ отдѣлѣ семейнаго права русскихъ евреевъ по гражданскому закону. Русский законъ не знаетъ общаго понятія о семьѣ, какъ гражданскомъ институтѣ, одинаково нормируемомъ закономъ для всѣхъ гражданъ во имя

¹⁾ Ibidem, стр. 74.

²⁾ Ibidem, стр. 75.

³⁾ Ibidem, стр. 85.

общественнаго интереса: онъ знаетъ только семью въ религіозномъ, или, лучше сказать, церковномъ смыслѣ, семью христіанскую (православную и неправославную), магометанскую и іудейскую. Церковный моментъ въ союзѣ брачномъ стоитъ рѣшительно на первомъ планѣ въ глазахъ нашего закона. Отсюда запрещеніе христіанамъ (исключая протестантовъ) вступать въ бракъ съ нехристіанами ¹⁾. Между тѣмъ, говоритъ Оршанскій, дозволеніе смѣшанныхъ браковъ было бы въ высшей степени желательно. Сліяніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, столь желательное во всѣхъ отношеніяхъ, нашло бы въ этомъ дозволеніи сильнаго союзника ²⁾.

Если обратить вниманіе на отношеніе нашего закона къ еврейской семьѣ, то окажется, что законодатель относится у насъ безучастно къ семейному быту нехристіанъ, предоставляя ихъ своему собственному усмотрѣнію, пока не замѣшается интересъ господствующей или вообще христіанской церкви. Но и эти начала не проведены у насъ послѣдовательно ³⁾, и въ нашемъ законодательствѣ о еврейскомъ бракѣ происходитъ борьба двухъ элементовъ: государственнаго интереса и равнодушія къ иновѣрческой семьѣ ⁴⁾.

Покончивъ такимъ образомъ съ религіознымъ мотивомъ ограниченія правъ евреевъ, Оршанскій обращается къ анализу другихъ мотивовъ русскаго законодательства о евреяхъ.

Монопольныя тенденціи европейскаго бюргерства,

¹⁾ Ibidem, стр. 101.

²⁾ Ibidem, стр. 102.

³⁾ Ibidem, стр. 111.

⁴⁾ Ibidem, стр. 123.

какъ руководящій мотивъ при ограниченіи правъ евреевъ—такова вторая въ ряду основныхъ идей дѣйствующаго законодательства о евреяхъ ¹⁾. Христіанская буржуазія, не всегда находя удобнымъ открыто выступать съ объясненіемъ истинной причины своихъ усилій къ «устраненію» евреевъ, часто искала и находила себѣ пищу въ инстинктѣ религиозной нетерпимости и соображеніяхъ религіознаго интереса ²⁾. Для того, чтобы избавиться отъ конкуренціи евреевъ въ торговлѣ и промыслахъ, горожане-христіане прибѣгали ко всевозможнымъ, нерѣдко самымъ возмутительнымъ, средствамъ. Такъ изъ одной королевской грамоты 1576 г. въ Царствѣ Польскомъ видно, что на евреевъ взведено было обвиненіе въ употребленіи христіанской крови собственно съ тою цѣлью (какъ обнаружилось по слѣдствію), чтобы можно было «жидовъ съ мѣсть нашихъ выкоренить» ³⁾. Стремленіе христіанской буржуазіи ограничить для своихъ эгоистическихъ интересовъ промышленную дѣятельность евреевъ и вліяніе этого стремленія на законодательство о евреяхъ продолжались и по присоединеніи владѣній Рѣчи Посполитой къ Россіи. Въ 1810 г. на усмотрѣніе высшаго правительства поступило ходатайство кіевскаго городского общества объ удаленіи изъ Кіева евреевъ, «дабы съ одной стороны сохранить прежнія привилегіи, которыми запрещалось имъ въ семъ городѣ записываться, жить и торговать, а съ другой прекратить происходящія отъ нихъ безпорядки, многочисленныя тяжбы и ссоры» ⁴⁾. За кіев-

¹⁾ Ibidem, стр. 231.

²⁾ Ibidem, стр. 178.

³⁾ Ibidem, стр. 168.

⁴⁾ Ibidem, стр. 170 и 171.

лянами потянулись жители Каменца-Подольскаго и другихъ городовъ ¹⁾.

Если бы на специальное законодательство о евреяхъ вліяли только упомянутые два мотива, характеръ его былъ бы только отрицательный. Но къ счастью для евреевъ, болѣе могущественнымъ двигателемъ права вообще и въ частности законодательства о евреяхъ всегда служилъ не религіозный принципъ и не узкій интересъ буржуазіи въ тѣсномъ смыслѣ, а болѣе широкій интересъ государства, казны и общества; а этотъ интересъ въ общемъ своемъ направленіи побуждалъ и до сихъ поръ побуждаетъ не къ ограниченію, а напротивъ—къ расширенію гражданскихъ правъ и сферы экономической дѣятельности евреевъ ²⁾. Такъ напр., въ 1827 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о выселеніи евреевъ изъ г. Кіева. Но въ 1831 г. Государь повелѣлъ: принявъ въ соображеніе настоящія политическія обстоятельства (польское возстаніе), «въ коихъ евреи могутъ иногда употребляться съ пользой», войти въ разсмотрѣніе условій, на которыхъ можно оказать кіевскому еврейскому обществу «возможное покровительство». Результатомъ этого была отсрочка выселенія на три года ³⁾. Впрочемъ, главное примѣненіе утилитарной идеи къ еврейскому вопросу заключается не въ политическомъ направленіи дѣятельности евреевъ, а въ экономическомъ. Съ самаго поселенія евреевъ среди новыхъ европейскихъ народовъ замѣчено было, что ихъ промышленная дѣятельность, хотя и преслѣдуется, какъ и вездѣ, эгоистическія цѣли, но приноситъ пользу и другимъ классамъ населенія и казнѣ. От-

¹⁾ Ibidem, стр. 174—175.

²⁾ Ibidem, стр. 179.

³⁾ Ibidem, стр. 180.

сюда повсемѣстное дарованіе евреямъ тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ, насколько это каждый разъ казалось полезнымъ въ интересахъ казны или христіанскаго населенія ¹⁾).

У насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, продолжаетъ Оршанскій, точка зрѣнія казеннаго интереса могущественно вліяла на все законодательство и въ особенности на отношеніе правительства къ торговому сословію. Тѣмъ естественнѣе, что по отношенію къ евреямъ, за которыми во владѣніяхъ Россіи не признавалось прежде никакихъ самостоятельныхъ гражданскихъ правъ, точка зрѣнія казеннаго или общественнаго интереса, послѣ религіознаго момента, долгое время была главнымъ руководителемъ законодательства ²⁾. Въ теченіе XVIII вѣка недопущеніе евреевъ въ предѣлы Россіи, обусловливаемое религіозной нетерпимостью, встрѣчаетъ систематическую оппозицію въ идеѣ экономическаго интереса. Въ извѣстной резолюціи Елизаветы Петровны церковная идея, правда, восторжествовала надъ экономической, но послѣдующія узаконенія показываютъ, что благородное пренебреженіе къ «интересной прибыли», доставляемой «врагами Христовыми», было слишкомъ возвышеннымъ чувствомъ для большинства, и потому полное устраненіе евреевъ вмѣстѣ съ доставляемыми ими выгодами и тогда осталось однимъ *prim desiderium*, не осуществившимся на дѣлѣ. И стремленіе «извлечь изъ сего племени пользу для государства» руководило правительствомъ не только при общихъ мѣ-

¹⁾ Ibidem, стр. 181 и 182.

²⁾ Ibidem, стр. 182.

рахъ относительно еврейскаго населенія, но и при частныхъ постановленіяхъ по тому или другому вопросу ¹⁾).

Наконецъ, Оршанскій переходитъ къ четвертому мотиву законоположеній о евреяхъ—представленію о вредѣ, наносимомъ ими другимъ классамъ населенія, и стремленію противодѣйствовать этому вредному вліянію евреевъ ограничительными мѣрами. На этомъ мотивѣ основано важнѣйшее постановленіе Положенія 1804 г. — о выселенія евреевъ изъ селъ и деревень. Онъ руководилъ правительствомъ и впослѣдствіи и всего чаще выступалъ на сцену для оправданія стѣснительныхъ мѣръ относительно евреевъ ²⁾).

Въ заключеніе Оршанскій дѣлаетъ бѣглую критическую оцѣнку идей, руководившихъ нашимъ законодательствомъ при нормированіи быта евреевъ. Прежде всего, говоритъ онъ, удивляютъ безпрестанныя колебанія въ разныя стороны, которыя замѣчаются въ развитіи законодательства о евреяхъ. Такъ, уже въ царствованіе Екатерины II-й, при самомъ вступленіи ея на престоль, вопросъ о допущеніи евреевъ въ Россіи былъ обсуждаемъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и допущеніе это единогласно признано полезнымъ. Затѣмъ тотъ же Государственный Совѣтъ, который въ 1762 г. призналъ единогласно допущеніе евреевъ полезнымъ, въ 1790 г. согласился съ мнѣніемъ графа Воронцова, что не предвидится никакой пользы отъ дозволенія евреямъ записываться въ московское и смоленское купечество. А въ 1835 г. признано опять необходимымъ для оживленія торговли и промышленности въ Смоленскѣ допустить евреевъ къ торговлѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 182—185.

²⁾ Ibidem, стр. 201—203.

на ярмаркѣ въ томъ городѣ ¹⁾). Тѣ же колебанія представляются и относительно вопроса о пребываніи евреевъ въ селеніяхъ. Шаткость руководящихъ идей въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, относящихся къ евреямъ, сопровождалась обыкновенно недостаткомъ вѣрныхъ фактическихъ свѣдѣній о томъ, что касается евреевъ, и, повидимому, извѣстныя симпатіи и антипатіи больше вліяли на ходъ законодательныхъ вопросовъ о евреяхъ, чѣмъ положительные факты ²⁾). Изъ нѣкоторыхъ узаконеній ясно видно, что правительство сознавало справедливость одного изъ капитальнѣйшихъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ системы исключительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ евреевъ, — что такія мѣры деморализуютъ населеніе, заставляя его такъ или иначе обходить законъ, но не достигаютъ обыкновенно своей прямой задачи ³⁾). Ограничительные законы о евреяхъ долгое время служили прежде источникомъ доходовъ для низшихъ полицейскихъ властей. Теперь, когда самое число ограниченийъ стало значительно меньше и общій духъ управленія далеко уже не тотъ, что прежде, недостатокъ этотъ чувствуется слабѣе, но сущность дѣла все таки не измѣнилась. Дамокловъ мечъ полицейскаго чиновника все еще часто виситъ надъ головой еврея, а легкая возможность отклонять удары этого меча слишкомъ часто вводитъ въ искушеніе слабую человѣческую натуру и слѣдовательно, такъ сказать, поощряетъ злоупотребленія ⁴⁾). Такимъ образомъ, сумма нравственныхъ идей въ еврейскомъ обществѣ,

¹⁾ Ibidem, стр. 204—205.

²⁾ Ibidem, стр. 215 и 218.

³⁾ Ibidem, стр. 213 и 214.

⁴⁾ Ibidem, стр. 225, 226.

запасъ его добросовѣстности, если можно такъ выразиться, все болѣе уменьшается, и при долговременномъ, многолѣтнемъ дѣйстви такихъ условій общій уровень нравственнаго состоянія еврейства искусственно все понижается ¹⁾).

Остается, наконецъ, сказать нѣсколько словъ относительно внутренней состоятельности и взаимнаго соотношенія указанныхъ выше четырехъ основныхъ мотивовъ, на которыхъ построена совокупность специальныхъ узаконеній о евреяхъ.

Внутренней состоятельности перваго руководящаго мотива русскаго законодательства о евреяхъ Оршанскій удѣляетъ очень мало мѣста, такъ какъ взглядъ его на этотъ предметъ достаточно выясненъ анализомъ религіознаго мотива ограниченія правъ евреевъ ²⁾). Несостоятельность втораго принципа — монопольныхъ тенденцій христіанскаго бюргерства, какъ руководящаго мотива при ограниченіи правъ евреевъ, обнаруживается уже тѣмъ, что онъ находится въ явномъ противорѣчій съ другимъ болѣе общимъ и вліятельнымъ мотивомъ извлеченія пользы для общества и государства изъ соревнованія и предпріимчивости евреевъ ³⁾). Третій руководящій мотивъ законоположеній о евреяхъ, — «извлеченіе изъ сего племени пользы для государства» — составляетъ прямое наслѣдіе средневѣковаго взгляда на евреевъ, какъ на лицъ, не имѣющихъ никакихъ самостоятельныхъ правъ, но имѣющихъ значеніе болѣе или менѣе полезной вещи въ

¹⁾ Ibidem, стр. 227.

²⁾ Ibidem, стр. 231.

³⁾ Ibidem, стр. 231.

инвентарѣ государственнаго хозяйства. Но пора уяснить себѣ ту простую истину, говоритъ Оршанскій, что еврей имѣеть право жить и добывать законнымъ образомъ средства къ жизни независимо отъ того, будетъ ли это полезно для полоцкихъ кадетъ, черноморскихъ офицеровъ, курскихъ винокуровъ, лифляндскихъ помѣщиковъ и пр. Обусловливать же каждое расширеніе гражданскихъ правъ евреевъ доставленіемъ какой то особенной пользы значить смотрѣть на нихъ какъ на вещи, а не какъ на человѣческія личности—принципъ, съ которымъ не можетъ помириться современное законодательство. Что касается до четвертаго и послѣдняго фактора нашего законодательства о евреяхъ—стремленія оберегать христіанское населеніе вообще отъ вреда, наносимаго ему евреями, то Оршанскій ссылается на извѣстнаго экономиста Шеффле, который по этому вопросу высказывается слѣдующимъ образомъ: «не преслѣдованіемъ евреевъ можно прекратить нечестное приобрѣтеніе имущества, но всякими реформами въ общественномъ хозяйствѣ—уничтоженіемъ милитаризма, улучшеніемъ системы государственныхъ долговъ, развитіемъ кредитныхъ и другихъ ассоціацій, развитіемъ бережливости въ народѣ. Возможны и нѣкоторыя частныя мѣры къ предупрежденію эксплуатаціи бѣднаго люда ростовщиками и т. п. лицами, какъ то: установленіе краткой давности для взысканія долговъ, сдѣланныхъ по займу, куплѣ и пр. для личнаго потребленія, недопущеніе исковъ по займамъ въ счетъ будущаго заработка»¹⁾.

Такимъ образомъ, заканчиваетъ Оршанскій, въ результатѣ мы получаемъ, что интересы, которые желаетъ удовлетворить наше законодательство въ большинствѣ своихъ

¹⁾ Ibidem, стр. 234—243.

постановленій о евреяхъ, не находятъ себѣ достаточнаго оправданія, а идеи, имъ при этомъ руководящія, не выдерживаютъ научной критики¹⁾.

Намъ остается еще указать на множество логическихъ противорѣчій между различными постановленіями о евреяхъ и общими законами, на которыхъ останавливается Оршанскій.

Переходъ въ христіанство одного изъ супруговъ даетъ ему право, если онъ пожелаетъ, расторгнуть прежній бракъ и вступить въ новый съ лицомъ христіанскаго исповѣданія, хотя самъ законъ признаетъ, что переходъ этотъ самъ собою не расторгаетъ прежняго брака, и если супруги пожелаютъ, то они могутъ продолжать сожителство и послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ перешелъ въ христіанство, а другой остался въ іудействѣ. Любопытно то, говоритъ Оршанскій, что на новокрещеннаго супруга законъ не возлагаетъ рѣшительно никакихъ обязанностей по прежнему браку,—напримѣръ по содержанію бросаемой имъ жены и дѣтей. Въ видѣ примѣра, Оршанскій рассказываетъ о дѣлѣ еврея Кайфмана, случившемся въ 1862 г., и дѣлаетъ выводъ, что господа Кайфманы попираютъ самыя священныя человѣческія обязанности, оставляя на произволъ судьбы своихъ законныхъ женъ и дѣтей²⁾.

Всякій мужъ-иновѣрецъ, продолжаетъ Оршанскій, которому надоѣсть носить бремя семейныхъ обязанностей, можетъ освободиться отъ этой обузы—принятіемъ хри-

¹⁾ Ibidem, стр. 243.

²⁾ Ibidem, стр. 102 и 103.

стіанства. Но можно ли допустить, чтобы такой важный религиозный акт доставлялъ недобросовѣстнымъ людямъ, въ видѣ премии за усвоеніе истины, право нарушать свои обязанности челоука и христіанина? Можно ли считать, восклицаетъ Орпанскій, пріобрѣтеніемъ для церкви присоединеніе такихъ личностей, которыя безчеловѣчно оставляють на произволъ судьбы свою семью и переходять въ другую вѣру только для избавленія себя отъ матеріальныхъ и нравственныхъ обязанностей? ¹⁾

Бросая жену и дѣтей и освобождая себя отъ всякихъ относительно ихъ *обязанностей*, новокрещенный мужъ не теряетъ однакожъ своихъ *правъ*, по крайней мѣрѣ отчасти. Взваливъ на женъ всю тяжесть воспитанія дѣтей, Кайфманы могутъ однакожъ, когда имъ вздумается, отобрать у нихъ сыновей для крещенія. Это правило само по себѣ несправедливо: не жестоко ли, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Орпанскій, лишать жену, и безъ того несчастную, какъ брошенную мужемъ, послѣдняго утѣшенія, отнимая у нея дѣтей? Сверхъ того, продолжаетъ Орпанскій, это право обратившагося супруга требовать дѣтей отъ другого, необратившагося, нерѣдко служить въ рукахъ перваго орудіемъ самыхъ недостойныхъ вымогательствъ. При помощи угрозы отобрать полицейскимъ порядкомъ дѣтей вытягивается послѣдній грошъ изъ кармана прежняго супруга и его родныхъ и вообще является возможность всячески баловать себя на ихъ счетъ ²⁾. Такимъ же средствомъ — держать Дамокловъ

¹⁾ Ibidem, стр. 104, 105.

²⁾ Ibidem, стр. 105.

мечъ надъ головой прежней семьи — служить въ рукахъ новообращеннаго право давать или не давать разводъ супругу, оставшемуся въ іудействѣ. Законъ нашъ не обяываетъ обратившагося въ христіанство еврея развестись съ прежней женой, если они не будутъ продолжать жизнь въ прежнемъ бракѣ. Такимъ образомъ, повидимому, еврей, перемѣнившій религію, освобождается отъ всѣхъ семейныхъ обязанностей по прежнему браку, хотя и сохраняетъ значительныя права. Отъ новообращаемаго супруга зависитъ оставить бракъ въ прежней силѣ, даже если его супругъ остался въ іудействѣ. Но если онъ не хочетъ этого, то бракъ, на сколько онъ связываетъ новообращеннаго, расторгается, т. е. ему дозволяется духовнымъ начальствомъ вступать въ новый бракъ. По еврейскому же закону, переходъ въ христіанство одного изъ супруговъ брака еще не расторгаетъ. Такимъ образомъ, если обратившійся супругъ не захочетъ дать другому развода, то этотъ послѣдній осужденъ на всегдашнее безбрачіе, ибо и по гражданскому закону, а тѣмъ болѣе по религиозному, никакой раввинъ не можетъ совершать вѣнчанія еврейки, имѣющей крещеннаго мужа и съ нимъ неразведенной, съ другимъ лицомъ, хотя бы этотъ крещенный мужъ давно уже женился на другой и, стало быть, его прежній бракъ признанъ духовнымъ начальствомъ недѣйствительнымъ ¹⁾. Понятно, продолжаетъ Орпанскій, какъ легко какому-нибудь негодяю погубить на всю жизнь жену-еврейку просто тѣмъ, что, перешедши въ христіанство, онъ откажется какъ

¹⁾ Ibidem, стр. 105, 106.

продолжать брачное съ нею сожителство, такъ и дать ей разводъ. Нечего и говорить о томъ, заканчиваетъ Оршанскій, что законодатель нисколько не имѣлъ въ виду поощрять такую эксплуатацію религіозныхъ актовъ, да и едва ли могъ ихъ предвидѣть. Онъ имѣлъ въ виду только по возможности облегчить переходъ евреевъ въ христіанство, и его можно упрекнуть только въ томъ, что имъ обращено слишкомъ мало вниманія на другіе существенные интересы общежитія, могущіе пострадать отъ чрезмѣрнаго преобладанія идеи вѣроисповѣднаго объединенія населенія. Но коль скоро опытъ доказалъ, что такія вопіющія злоупотребленія не только возможны, но что они частенько таки встрѣчаются, то сомнѣнія на счетъ того, что слѣдуетъ дѣлать, немислимы ¹⁾.

Далѣе Оршанскій останавливается на вопросѣ о томъ, могутъ ли супруги-евреи, изъ которыхъ одинъ обратился въ христіанство, въ случаѣ, когда они продолжаютъ брачную жизнь, проживать внѣ черты осѣдлости евреевъ. Если бы принять въ соображеніе, какъ обыкновенно дѣлаетъ нашъ законъ, только интересъ поощренія перехода евреевъ въ христіанство, то слѣдовало бы разрѣшить этотъ вопросъ утвердительно. Законодатель нашъ знаетъ о томъ, какую роль играютъ свѣтскіе расчеты въ крещеніи евреевъ, и расчеты эти имъ поощряются, а не отвергаются. Право же жить по всей Имперіи, продолжаетъ Оршанскій, есть одинъ изъ важнѣйшихъ расчетовъ этого рода; почему же въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не воспользоваться такимъ расчетомъ и не дозволить еврейской

¹⁾ Ibidem, стр. 106 и 107.

семьѣ въ случаѣ крещенія одного изъ супруговъ пребываніе внѣ злополучной черты осѣдлости? Это было бы безъ сомнѣнія согласно съ общимъ характеромъ нашего вѣроисповѣднаго законодательства. Однако-жъ въ данномъ случаѣ принципъ удаленія евреевъ отъ священной почвы «внутренней Россіи» одержалъ верхъ надъ другимъ, любимымъ началомъ русскаго права — поощреніемъ неофитовъ. Статья 81 т. X ч. 1 опредѣляетъ, что въ случаѣ крещенія одного изъ супруговъ еврейская семья не можетъ жить внѣ черты осѣдлости евреевъ. Статья 81 гражд. законовъ своею редакціею возбуждаетъ слѣдующее сомнѣніе. Запрещеніе жителства внѣ черты осѣдлости можетъ быть понимаемо такъ: если мужъ-еврей обратился въ православіе, то не только его жена, оставшаяся въ іудействѣ, не можетъ жить съ нимъ, положимъ, въ Петербургѣ, но и онъ самъ не имѣетъ права жить тамъ, хотя бы жена его осталась въ чертѣ еврейской осѣдлости («ни мужу, ни женѣ не дозволяется», какъ сказано въ законѣ). Такой выводъ былъ бы, однако, нелогиченъ и несправедливъ. Съ принятіемъ христіанства, говоритъ Оршанскій, еврей перестаетъ быть таковымъ, не только въ религіозномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Подвергать еврея, принявшаго христіанство, ограниченіямъ, установленнымъ собственно для лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія (а не происхожденія), было бы рѣшительно несогласно съ общимъ характеромъ нашего права по этому предмету. Въ пользу же такого толкованія говоритъ слѣдующее: по основнымъ началамъ русскаго права, совмѣстная жизнь супруговъ составляетъ необходимую составную часть законнаго брака, и совмѣстность эта всегда предполагается, какъ фактъ неизбѣжный и суще-

ствующій. Какимъ же образомъ допустить, чтобы мужъ имѣлъ право всю жизнь проводить въ такихъ мѣстахъ, куда жена его едва можетъ заглянуть? Во-вторыхъ, законъ, безъ сомнѣнія, относится недовѣрчиво къ такимъ бракамъ, гдѣ одинъ супругъ исповѣдуетъ христіанскую, а другой іудейскую вѣру. Возможность соблазна и отпаденія отъ церкви и общій характеръ нашего семейнаго права вполне объясняютъ это недовѣріе. Очень возможно поэтому, продолжаетъ Оршанскій, что законодатель желаетъ поощрять евреевъ, обращающихся въ христіанство, къ расторгненію прежняго брака и прекращенію, такимъ образомъ, послѣдней связи съ еврейскимъ міромъ¹⁾. Но можно понимать, говоритъ Оршанскій, ст. 81 X т. 1 ч. и такимъ образомъ: при обращеніи лишь одного изъ супруговъ въ христіанство, другой не имѣетъ права жить съ нимъ внѣ черты еврейской осѣдности. Слова «ни мужу, ни женѣ» и пр. слѣдуетъ понимать такъ: ни мужу, въ томъ случаѣ, если жена обратилась въ православіе, ни женѣ, въ противоположномъ случаѣ, не дозволяется и пр. Это толкованіе, какъ болѣе снисходительное, по мнѣнію Оршанскаго, должно бы быть принято за правильное. Но, чѣмъ болѣе вникать въ смыслъ нашихъ законовъ, тѣмъ яснѣе будетъ, что послѣднее толкованіе должно вести къ весьма страннымъ юридическимъ и практическимъ выводамъ. Поэтому, первое толкованіе, говоритъ Оршанскій, должно быть признано юридически правильнымъ. Но въ этомъ видѣ ст. 81 является существеннымъ отступленіемъ отъ общихъ началъ нашего права. Въ то время, какъ вообще законъ всячески поощряетъ

¹⁾ Ibidem, стр. 112 и 113.

улучшеніе быта обратившагося въ православіе еврея, тутъ отнимается у неофита даже простое право поземѣстнаго жительствова. Непослѣдовательность очевидная, заканчиваетъ Оршанскій, хотя она можетъ быть объяснена опять-таки соображеніями церковнаго свойства, именно желаніемъ содѣйствовать расторгненію опасныхъ, въ церковномъ отношеніи, браковъ между христіанами и евреями¹⁾. Оршанскій отмѣчаетъ еще слѣдующую странность. По закону, лица евангелическо-лютеранскаго исповѣданія могутъ вступать въ бракъ съ евреями, и въ случаѣ, когда лютеранинъ женится на еврейкѣ, она можетъ жить съ нимъ повсемѣстно: по крайней мѣрѣ, говоритъ Оршанскій, въ правилахъ о такихъ бракахъ не содержится никакого запрещенія по этому вопросу, а по общему правилу, всякая жена слѣдуетъ мѣсту жительства мужа. Выходитъ слѣдующее: если смѣшанный бракъ возникъ изъ того, что одинъ изъ супруговъ-іудеевъ обратился въ христіанство, то оба супруга не имѣютъ права повсемѣстнаго жительствова, а если бракъ этотъ произошелъ такъ, что лютеранинъ женился на еврейкѣ, то результатъ получается противоположный²⁾.

Останавливаясь на вопросѣ о юридическомъ положеніи у насъ многобрачія евреевъ, Оршанскій указываетъ на ст. 1558 Уложенія, которая предпочитаетъ вовсе не устанавливать наказуемости многоженства у евреевъ, ставя ее въ зависимость отъ ихъ религіознаго закона. Но очевидно, что такое разрѣшеніе вопроса ни въ какомъ отношеніи нельзя считать удовлетворительнымъ. Предоставить суду въ каждомъ данномъ случаѣ справляться о томъ,

¹⁾ Ibidem, стр. 114.

²⁾ Ibidem, стр. 114 и 115.

какъ смотритъ еврейскій законъ на многоженство, непрактично и неудобно уже потому, что результаты могутъ быть (и дѣйствительно бываютъ) различныя. Одинъ раввинъ выскажется за дозволенность, другой за недозволенность двоебрачія, и судьба обвиняемыхъ будетъ зависѣть отъ случая ¹⁾. Здѣсь мы должны замѣтить, что въ 1872 г. уголовный кассационный департаментъ Правительствующаго Сената разъяснилъ въ рѣшеніи № 1114, что ст. 1558 Улож. о Наказ. примѣняется и къ лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія, вступившимъ во второй бракъ, вопреки правиламъ ихъ вѣры.

Остановливаясь на вопросѣ о приданомъ, Оршанскій указываетъ на противорѣчія, существующія между правилами IX и X томовъ Св. Зак. о приданомъ у евреевъ. По нашимъ гражданскимъ законамъ приданое, кѣмъ бы оно ни было дано и на какихъ условіяхъ, всегда составляетъ собственность жены и можетъ быть требуемо ею при существованіи и по прекращеніи брака, какъ отъ самого мужа, такъ и отъ его наслѣдниковъ. Другого рода приданого нашъ законъ не признаетъ. Между тѣмъ, продолжаетъ Оршанскій, у евреевъ существуетъ обычай, въ силу котораго лицо, дающее приданое мужу, можетъ установить, что приданое это остается у мужа и по прекращеніи брака. Законъ санкціонируетъ этотъ обычай, устанавливая правило, что при расторженіи браковъ между евреями, какъ съ возвратомъ, такъ и безъ возврата приданого, требуется рѣшеніе раввина или помощника его. ²⁾ Представимъ себѣ, говоритъ Оршанскій, слѣдую-

¹⁾ Ibidem, стр. 121.

²⁾ Ibidem, стр. 128. Здѣсь Оршанскій ссылается на указанный выше „Сборникъ М. В. Д.“, 1872 г., стр. 160.

щій, весьма обыкновенный случай. Отецъ невѣсты даетъ жениху по рядной записи приданое безъ возврата; невѣста въ записи обыкновенно не принимаетъ никакого участія, у евреевъ еще менѣе, чѣмъ у христіанъ. Впослѣдствіи бракъ расторгается разводомъ или прекращается смертью мужа; жена предъявляетъ искъ о выдачѣ ей приданого. Какъ долженъ, спрашиваетъ Оршанскій, отнестись судъ къ этому требованію? По общему закону, приданое составляетъ собственность жены, и для евреевъ изъятія никакого въ этомъ отношеніи не сдѣлано. Слѣдовательно, мужъ или его наслѣдники могутъ удержать приданое только въ томъ случаѣ, если сама невѣста въ рядной записи, или впослѣдствіи другимъ актомъ, уступила это свое имущество мужу. Распоряженіе отца ея въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть силы, какъ относящееся къ чужому имуществу, развѣ если признать, что тутъ вовсе не было рядной записи и приданого, а былъ даръ и дарственная запись, что юридически весьма сомнительно. Какой же смыслъ имѣетъ, спрашиваетъ Оршанскій, ясно выраженное законодателемъ желаніе предоставить евреямъ, относительно опредѣленія судьбы приданого, руководствоваться собственными обычаями? Безъ сомнѣнія, судебныя мѣста скорѣе отдадутъ предпочтеніе положительнымъ постановленіямъ гражданскаго закона, не дѣлающаго никакихъ изъятій для евреевъ, предъ сдѣланнымъ мимоходомъ замѣчаніемъ о судьбѣ приданого при разводѣ евреевъ. Источникъ противорѣчія между правилами IX и X тома о приданомъ кроется въ борьбѣ церковнаго и гражданскаго элементовъ въ семейномъ правѣ. Въ одномъ мѣстѣ законъ находитъ лучшимъ предоставить евреямъ относительно

ихъ семейнаго быта собственнымъ обычаемъ, изъ уваженія къ религіозному характеру брака; въ другомъ онъ обращаетъ вниманіе на гражданскую сторону брака и потому распространяетъ правила объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, какъ не имѣющія ничего общаго съ религіей, на лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Практическія неудобства этой системы, заканчиваетъ Оршанскій, могутъ быть устранены, разумѣется, только съ окончательнымъ торжествомъ одного изъ этихъ началъ ¹⁾).

Не менѣе интересный вопросъ этого же рода относится къ основному началу нашего семейнаго права — обязанности супруговъ къ совмѣстной жизни. Знакомясь съ источниками, говоритъ Оршанскій, на которыхъ основаны статьи 46 и 103 зак. гражд. («самовольное расторженіе брака не допускается», «супруги обязаны жить вмѣстѣ»), видишь, что законодательство наше, строго слѣдя за соблюденіемъ этихъ правилъ, во-первыхъ, всегда имѣло въ виду христіанъ и преимущественно православныхъ, и во-вторыхъ, руководствовалось при этомъ требованіями духовнаго начальства и церковныхъ постановленій относительно соблюденія чистоты брачнаго союза. При такихъ условіяхъ было бы юридически возможно допустить, что и теперь, несмотря на общій характеръ ст. 103, не дѣлающей изъятія для евреевъ, судебныя мѣста могутъ отказать евреямъ-супругамъ въ искахъ, основанныхъ на этой статьѣ. Если мужъ-еврей будетъ просить судъ о «водвореніи» у него бѣглянки-жены, или, наоборотъ, жена-еврейка будетъ жаловаться на нежеланіе мужа жить съ нею, то судъ можетъ отказать въ подоб-

¹⁾ Ibidem, стр. 128—129.

ныхъ требованійхъ, руководствуясь смысломъ и происхожденіемъ ст. 103. Основаніемъ для такого взгляда, продолжаетъ Оршанскій, могло бы служить и то, что во всѣхъ рѣшеніяхъ кассационнаго сената, тракующихъ о смыслѣ и примѣненіи ст. 103, исходнымъ моментомъ всегда служитъ христіанское воззрѣніе на бракъ, какъ на таинство; ergo, рѣшенія эти не могутъ быть примѣняемы къ евреямъ. Всего вѣроятнѣе, однако жъ, говорить Оршанскій, что наши суды, «не мудрствуя лукаво», будутъ основываться на «буквальномъ смыслѣ» статьи 103, не упоминаящей о различіи вѣроисповѣдномъ, какъ обстоятельствѣ, имѣющемъ значеніе для отношеній супруговъ относительно совмѣстнаго жительства, и, вопреки своей собственной теоріи о каноническомъ основаніи ст. 103, будутъ примѣнять ее и къ нехристіанамъ. Но такое разрѣшеніе вопроса, заканчиваетъ Оршанскій, хотя и правильное въ результатѣ (потому что совмѣстная жизнь супруговъ, какъ требованіе брачнаго союза, на самомъ дѣлѣ имѣетъ не каноническое, а гражданское основаніе), все же нельзя признать удовлетворительнымъ, ни съ точки зрѣнія юридической логики, потому что странно понимать законъ въ смыслѣ каноническаго требованія и въ то же время распространять силу его на другія вѣроисповѣданія, ни въ практическомъ отношеніи, потому что иной судъ можетъ толковать ст. 103 какъ требованіе христіанскихъ каноновъ и не признавать ея обязательности для нехристіанъ, что едва ли будетъ согласно съ духомъ современнаго законодательства ¹⁾).

¹⁾ Ibidem, стр. 134 и 135.

Оршанскій отмѣчаетъ также слѣдующее правило, обнаруживающее лишній разъ несостоятельность дѣйствующихъ законовъ о евреяхъ. Въ X т. 1 ч. (прим. 2 къ ст. 104) было прежде постановленіе, нынѣ содержащееся въ ст. 264 уст. о ссыльныхъ изд. 1890 г.: при ссылкѣ евреевъ въ Сибирь дозволяется слѣдовать съ ними женамъ ихъ; при ссылкѣ же евреекъ мужа ихъ слѣдовать за ними не могутъ. Между тѣмъ, говоритъ Оршанскій, лица другихъ податныхъ сословій могутъ слѣдовать въ Сибирь съ ссыльными женами, на основаніи общихъ правилъ о переселеніи изъ одного мѣста въ другое. Разлучая, такимъ образомъ, окончательно супруговъ-евреевъ, въ случаѣ ссылки жены въ Сибирь, законъ, очевидно, имѣлъ въ виду предупредить наплывъ евреевъ въ Сибирь (хотя о наплывѣ, при весьма небольшой цифрѣ ссылаемыхъ замужнихъ евреекъ, не можетъ быть и рѣчи).

Возникаетъ еще слѣдующій вопросъ: имѣетъ ли супругъ-еврей, при ссылкѣ его супруги въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, право требовать развода? На основаніи ст. 50 зак. гражд., въ подобномъ случаѣ супругъ ссылаемаго «можетъ просить свое духовное начальство» о расторженіи брака.

Можно было бы понимать эту статью такимъ образомъ, что гражданскій законъ самъ даетъ супругу въ подобномъ случаѣ право на разводъ, и это право не зависитъ уже отъ воззрѣнія духовнаго начальства на законность или незаконность такой причины развода съ точки зрѣнія церкви; просить же это начальство нужно потому, что ему исключительно присвоено право совершать самый обрядъ расторженія брака. Но болѣе пра-

вильнымъ по духу нашихъ законовъ нужно признать толкованіе г. Побѣдоносцева, основанное на ст. 27 улож. о наказ., гдѣ прямо выражено, что духовное начальство въ разрѣшеніи сихъ просьбъ руководствуется правилами своего вѣроисповѣданія. Стало быть, законъ не даетъ безусловнаго права на разводъ, въ случаѣ лишенія одного супруга всѣхъ правъ состоянія. Поэтому, продолжаетъ Оршанскій, въ случаѣ ссылки супруга-еврея, другой супругъ, обратившись къ раввину съ просьбой о разводѣ, можетъ получить отказъ, если раввинъ не найдетъ основаній для развода въ еврейскомъ законѣ. Но тутъ выходитъ слѣдующая очевидная несообразность. При ссылкѣ еврейки ея мужъ не можетъ слѣдовать за ней. Государственный законъ, стало быть, говоритъ Оршанскій, требуетъ въ этомъ случаѣ разлученія супруговъ на всю жизнь, а между тѣмъ тотъ же законъ не даетъ мужу права на разводъ, отсылая его въ этомъ отношеніи къ религіозному закону евреевъ, не признающему, какъ кажется Оршанскому, въ уголовномъ наказаніи причины къ разводу. Несообразность бросается тутъ въ глаза. Одно изъ двухъ, говоритъ Оршанскій,—или нужно руководствоваться относительно судьбы браковъ при ссылкѣ одного изъ супруговъ-евреевъ однимъ ихъ религіознымъ закономъ, т. е. признать, что бракъ продолжаетъ существовать въ прежнемъ видѣ, и позволять невинному супругу слѣдовать за ссылаемымъ, или если уже гражданскій законъ находитъ необходимымъ ограничить свободу переселенія супруговъ, то предоставить невинному изъ нихъ безусловное право развода, тоже въ силу гражданского закона. А то выходитъ, заканчиваетъ Оршанскій, что невинный супругъ, если онъ

не может или не хочет идти за ссылаемымъ въ Сибирь, ставится закономъ на всю жизнь въ крайне жалкое положеніе «соломеннаго вдовца» или «соломенной вдовы», т. е. ставится въ необходимость носить по гробъ узы брака, несуществующаго на дѣлѣ (если ссылаемый супругъ не захочетъ добровольно дать или взять разводъ)¹⁾.

Наконецъ, Оршанскій указываетъ еще на слѣдующія недоразумѣнія и противорѣчія по вопросамъ, относящимся къ гражданской сторонѣ брака русскихъ евреевъ.

Еврей совершилъ у нотариуса придано-обеспечительную брачную запись (*кетубу*, которая обыкновенно совершается домашнимъ порядкомъ на еврейскомъ языкѣ). Нотариусъ, совершившій эту запись, руководствовался п. 10 ст. 1005 X т. 1 ч., гдѣ упоминается о подобнаго рода записяхъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ (случай былъ не въ этихъ губерніяхъ). Членъ окружнаго суда, ревизовавшій книги упомянутаго нотариуса, нашель, что нотариусъ не имѣлъ права совершать подобнаго акта, о которомъ законъ нигдѣ не упоминаетъ. Правильно ли это мнѣніе, спрашиваетъ Оршанскій. Изъ формы метрическихъ книгъ для записки бракосочетаній между евреями видно, отвѣчаетъ онъ, что законъ признаетъ силу заключаемыхъ между супругами-евреями актовъ объ обеспеченіи мужемъ приданаго жены: въ формѣ этой есть особая графа для записки имущественныхъ договоровъ между супругами, и тутъ говорится и о *кетубѣ*²⁾. Очевидно, говоритъ Оршанскій, что если дозволяется вносить такіа

¹⁾ Ibidem, стр. 124—127.

²⁾ Ibidem, стр. 129. Сдѣлана ссылка на стр. 132 упомянутаго выше „Сборника М. В. Д.“ 1872 г. Ср. приложеніе къ ст. 1080 IX т. Св. Зак. изд. 1876 г.

условія въ метрическія книги, то, значить, законъ присвоиваетъ имъ обязательную силу для договорившихся. Въ такомъ случаѣ, спрашиваетъ Оршанскій, почему же непременно совершать такіе акты на еврейскомъ языкѣ и вносить ихъ исключительно въ метрическія книги; почему не предоставить супругамъ совершать такіе акты болѣе вѣрнымъ и легальнымъ путемъ — у нотариусовъ, которымъ дано право свидѣтельствовать всѣ акты, законамъ непротивные. Съ точки зрѣнія обрусѣнія евреевъ весьма странно заставлять ихъ совершать столь важные и при томъ чисто гражданскіе акты непременно на древне-еврейскомъ языкѣ, для большинства евреевъ мало или совсѣмъ непонятномъ, запрещая имъ прибѣгать къ русскому языку и русскимъ должностнымъ лицамъ для совершения своихъ договоровъ. Корень недоумѣнія, по словамъ Оршанскаго, лежитъ въ несогласованности различныхъ отдѣловъ нашего законодательства: X томъ устанавливаетъ общія правила о приданомъ, не заботясь о евреяхъ; IX томъ специально занимается еврейскими браками и предоставляетъ имъ полную автономію даже въ имущественномъ отношеніи. По духу нашей судебной практики, легко возможно, продолжаетъ Оршанскій, что судъ не признаетъ обязательнымъ правило IX тома, въ которомъ говорится только о запискѣ придано-обеспечительныхъ записей въ метрическія книги, но не опредѣляется юридическое значеніе записываемыхъ актовъ. Практика станетъ на точку зрѣнія того судьи, который полагаетъ, что нотариусъ не можетъ совершать придано-обеспечительныхъ записей у евреевъ, такъ какъ законъ не упоминаетъ объ этомъ актѣ въ X томѣ; но, очевидно, заканчиваетъ Оршанскій, что такой взглядъ будетъ не-

справедливъ, и противорѣчіе между IX и X томами можетъ быть окончательно устранено лишь законодательнымъ порядкомъ ¹⁾.

Въ той же формѣ записки бракосочетаній у евреевъ мы встрѣчаемъ договоры: такъ называемый *хуцезухорз* и *шудемзухорз*, т. е. назначеніе отцомъ невѣсты въ рядной записи своимъ наслѣдникомъ жениха въ равной долѣ съ сыновьями или въ половинной долѣ. По общимъ нашимъ законамъ, говоритъ Оршанскій, такіе договоры, напоминающіе западно-европейскіе *Erbverträge*, обыкновенно заключаемые при совершеніи браковъ, не имѣютъ никакой юридической силы, такъ какъ они не удовлетворяютъ ни по формѣ, ни по содержанію требованіямъ закона относительно духовныхъ завѣщаній. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что если до судебного мѣста дойдетъ требованіе зятя о наслѣдованіи въ имуществѣ свекра на основаніи акта шудемзухора, то судъ откажетъ въ подобномъ требованіи, руководствуясь общими законами, которые для евреевъ никакого изъятія не дѣлаютъ. Но, спрашиваетъ Оршанскій, какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого разрѣшеніе закона вносить въ официальные метрическія книги такіе акты, которые завѣдомо не могутъ имѣть никакого значенія ни подъ какимъ условіемъ ²⁾?

Одинъ изъ аналогичныхъ вопросовъ доходилъ до разсмотрѣнія кассационнаго сената. По гражданскимъ нашимъ законамъ (ст. 1008 X т. 1 ч.), запрещается въ рядныхъ записяхъ помѣщать неустойку, на случай если бракъ не состоится. Статья эта, говоритъ Оршанскій, основана на

¹⁾ Ibidem, стр. 130.

²⁾ Ibidem, стр. 131.

указѣ Петра Великаго, который, руководствуясь христіанско-церковнымъ взглядомъ на значеніе непринужденнаго согласія для таинства брака, запретилъ договоры о штрафѣ за неисполненіе обѣщаній вступить въ бракъ, какъ могущіе уничтожить свободу сторонъ. Но законъ, хотя по происхожденію и характеру своему относится къ браку христіанскому, изложенъ въ общей формѣ, такъ что долженъ быть примѣняемъ къ лицамъ всѣхъ исповѣданій. Это и было сдѣлано судебными мѣстами въ дѣлѣ Кукуя и Каминскаго. Кукуй искалъ съ Каминскаго, на основаніи договора, извѣстную сумму неустойки вслѣдствіе того, что послѣдній отказался отъ обѣщанія выдать свою дочь за Кукуя. Мировой сѣздъ отказалъ въ искѣ на основаніи вышеупомянутой 1008 статьи. Въ кассационной жалобѣ на это рѣшеніе сѣзда, Кукуй указывалъ на слѣдующее: «ст. 1008 къ настоящему случаю не относится, ибо законъ этотъ распространяется на дѣла между христіанами; но къ лицамъ нехристіанскаго исповѣданія, у которыхъ бракъ не есть таинство, гдѣ по обычаю евреевъ родители властны сочетать бракомъ даже малолѣтнихъ, а самое сочетаніе производится съ связанными глазами и никогда по собственной волѣ, выбору и любви, и при томъ въ виду свободнаго во всякое время развода, — законъ о непомѣщеніи въ рядныхъ записяхъ неустойки примѣненія имѣть не можетъ». Сенатъ оставилъ жалобу Кукуя безъ послѣдствій по слѣдующимъ основаніямъ (рѣш. гражд. кассац. департ. 1870 г. № 1329). Документъ, на которомъ основанъ искъ Кукуя, вполне соответствуетъ тому, что законъ называетъ рядною записью, и поэтому, сѣздъ правильно примѣнилъ къ нему статью 1008. «При томъ, продолжаетъ сенатъ въ рѣшеніи, рядная запись

какъ актъ, опредѣляющій имущественныя права лицъ женскаго пола при выходѣ ихъ въ замужество, не можетъ измѣнить своего юридическаго свойства и значенія, вслѣдствіе того, что участвовавшія въ составленіи подобнаго акта лица не принадлежатъ къ христіанскому исповѣданію, и еще потому, что самое совершеніе брака и условія, при которыхъ бракъ совершается, не могутъ имѣть вліянія на юридическія отношенія, возникающія по приданому¹⁾.

Съ перваго взгляда видно, говоритъ Оршанскій, что соображенія, высказанныя въ жалобѣ Кукуя, лишены большею частью серьезнаго значенія. Такъ невѣрно, будто родители могутъ сочетать бракомъ малолѣтнихъ, ибо гражданскій законъ положительно требуетъ соблюденія евреями установленнаго возраста для вступленія въ бракъ. Невѣрно и то, будто еврейскій законъ вовсе не требуетъ согласія невѣсты для дѣйствительности брака. Свобода развода не имѣетъ никакого значенія для разсматриваемаго вопроса. Но съ другой стороны, продолжаетъ Оршанскій, и разсужденія сената, хотя и ведущія къ результату, въ существѣ своемъ правильному (т. е. къ распространенію запрещенія помѣщать въ рядныхъ записяхъ неустойку на случай несостоятельности брака и на нехристіанъ), имѣютъ характеръ довольно поверхностный, далеко не исчерпывая того, что можно было бы высказать по этому предмету. Сенатъ отдѣляетъ гражданскую сторону брака (по крайней мѣрѣ относительно имущественныхъ его послѣдствій) отъ церковной; съ необходимостью такого различія, говоритъ Оршанскій, конечно, нельзя не согласиться. Но сенатъ упу-

¹⁾ Ibidem, стр. 131—132.

скаетъ изъ виду, что ст. 1008 все же несомнѣнно имѣла въ виду христіанскій бракъ, и запрещеніе, въ ней изложенное, мотивировано соображеніями религіознаго свойства; стало быть, нужно бы еще доказать, полагаетъ Оршанскій, что впослѣдствіи законодатель имѣлъ въ виду распространить это правило и на лицъ нехристіанскихъ исповѣданій, но объ этомъ нигдѣ нѣтъ никакого указанія. Затѣмъ, совсѣмъ уже невѣрно мнѣніе, будто по нашему закону обрядъ совершенія брака по тому или другому вѣроученію не имѣетъ никакого значенія для судьбы приданого. Этому прямо противорѣчитъ ст. 1089 XI т. 1 ч. изд. 1857 г. (ст. 1328 по изд. 1896 г.), допускающая у евреевъ переходъ приданого въ собственность мужа, тогда какъ по общему закону это невозможно. Противорѣчитъ этому и то, продолжаетъ Оршанскій, что при совершеніи еврейскихъ браковъ законъ допускаетъ совершеніе разныхъ такихъ актовъ, которые у христіанъ, по общимъ гражданскимъ законамъ, не могутъ имѣть никакой силы.

Если бы гражданскій кассационный департаментъ имѣлъ въ виду эти спеціальныя правила, то онъ, можетъ быть, иначе взглянулъ бы на вопросъ, возбужденный дѣломъ Кукуя. Послѣдовательнѣе было бы, въ сущности, говоритъ Оршанскій, признать, что если законъ допускаетъ у евреевъ уклоненія относительно различныхъ предбрачныхъ договоровъ отъ общихъ законовъ, то почему же не допустить и уклоненія отъ ст. 1008, такъ какъ еврейскій обычай допускаетъ условія о неустойкѣ на случай неисполненія договоровъ о бракѣ, а законъ, повидимому, склоненъ предоставить евреямъ свободу держаться своихъ обычаевъ по брачному праву. Самое опре-

дѣленіе, которое сенатъ даетъ приданому въ цитированномъ рѣшеніи («актъ, опредѣляющій имущественныя права лицъ женскаго пола при выходѣ ихъ замужь»), совершенно вѣрно съ точки зрѣнія общихъ законовъ, не допускающихъ возможности приобрѣтенія мужьями по ряднымъ записямъ какихъ-либо правъ на приданое имущество жены. Но у евреевъ, заканчиваетъ Оршанскій, гдѣ законъ допускаетъ возможность оставленія приданого у мужа при разводѣ, это опредѣленіе не исчерпываетъ понятія рядной записи.

Нетрудно замѣтить, что изложенныя выше противорѣчія по вопросамъ, относящимся къ брачному праву, имѣютъ одинъ общій характеръ и одно основаніе. При изданіи нашихъ общихъ гражданскихъ законовъ имѣлась въ виду, говоритъ Оршанскій, исключительно господствующая православная масса населенія; поэтому законы эти проникнуты относительно семейнаго права духомъ церковнаго законодательства. Многіе изъ этихъ законовъ изданы въ то время, когда въ Россіи вовсе еще не было евреевъ. Но и впоследствии каноническій характеръ семейнаго права оставался неизмѣннымъ и даже постановленія гражданской власти по этому отдѣлу права были только подтвержденіемъ и развитіемъ церковныхъ правилъ, такъ что о подчиненіи евреевъ вообще этимъ правиламъ законодатель не думалъ и не могъ думать ¹⁾.

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе главныхъ положеній труда Оршанскаго: «Русское законодательство о евреяхъ».

¹⁾ Ibidem, стр. 132—135.

V.

Сотрудничество Оршанскаго въ газетѣ «День» продолжалось недолго. Лѣтомъ 1871 г. органъ русскихъ евреевъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужили бывшіе въ Одессѣ антиеврейскіе безпорядки. Чутко относившаяся ко всему, впечатлительная до болѣзненности, справедливая душа Оршанскаго не могла равнодушно перенести такого неслыханнаго нарушенія человѣческихъ правъ. Оршанскій посвятилъ этимъ событіямъ статью, предназначенную для газеты «День», но горячій протестъ этотъ, вызванный общечеловѣческимъ чувствомъ негодованія, не могъ появиться въ печати по независящимъ отъ редакціи причинамъ. Уже гораздо позднѣе, по поводу тѣхъ же событій, Оршанскій написалъ статью «Къ характеристикѣ одесскаго погрома», вошедшую въ его книгу «Евреи въ Россіи», гдѣ онъ рассказываетъ по истинѣ невѣроятные факты объ отношеніи интеллигентной публики къ еврейскому населенію во время погрома. Но помимо этого, Оршанскій въ газетѣ «День» указывалъ одесскому еврейскому обществу, какъ на его право и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на священную его обязанность, привлечь къ суду виновниковъ безпорядковъ и искать законнымъ путемъ вознагражденія для всѣхъ пострадавшихъ отъ погрома.

Прекращеніе «Дня», гдѣ сосредоточивалась публицистическая дѣятельность Оршанскаго, указало ему на новые пути для дѣятельности. Живя въ Одессѣ, Оршанскій, помимо сотрудничества въ газетѣ «День», посвящалъ свое время также работѣ на поприщѣ русской юрис-

пруденціи. Онъ написалъ много мелкихъ юридическихъ статей въ одесскихъ періодическихъ изданіяхъ и одну большую статью въ издававшемся въ Одессѣ «Юридическомъ Сборникѣ». Въ теченіе 1870—71 гг. онъ началъ работать въ «Судебномъ Вѣстникѣ» и въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права».

Бывшій редакторъ «Дня» С. С. Орнштейнъ, вмѣстѣ съ Устряловымъ приобрѣвшій газету «Новое Время», предложилъ Оршанскому сотрудничество въ этомъ органѣ. Оршанскій не колеблясь принялъ это предложеніе и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1871 г. переселился въ Петербургъ. Сообщая своимъ родителямъ о намѣреніи поѣхать въ Петербургъ, Оршанскій пишетъ, что ѣдетъ туда для того, чтобы «заняться русской литературой».

Пребываніе Оршанскаго въ Петербургѣ было очень кратковременно, такъ какъ петербургскій климатъ сразу повліялъ на ухудшеніе его здоровья. Но 3—4 мѣсяца, проведенные Оршанскимъ въ Петербургѣ, имѣли для него значеніе поворотнаго пункта въ его дѣятельности, съ котораго начинается самый плодovitый періодъ его литературной работы.

Въ газетѣ «Новое Время», выходящей подъ редакціею Устрялова и Орнштейна, Оршанскій написалъ цѣлый рядъ передовыхъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя обратили на себя всеобщее вниманіе, напр. о стачкѣ извозчиковъ въ Таганрогѣ и др.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Оршанскій, не касаясь въ этихъ статьяхъ еврейскаго вопроса и отдавшись исключительно вопросамъ и интересамъ русской жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ, выказалъ себя

безкорыстнымъ защитникомъ идеи о правѣ, независимо отъ того, кого и чего это право касалось. Еврей-литераторъ, серьезно берущійся за дѣло, не ради гонорара, а изъ-за принципа и идеи (а такимъ именно былъ Оршанскій), всегда борется за общечеловѣческую правду. Оршанскій служить наилучшимъ тому подтвержденіемъ!

Одновременно съ сотрудничествомъ въ «Новомъ Времени», Оршанскій сталъ писать также въ газетѣ «Гражданинъ». Но какъ только, послѣ первыхъ номеровъ новой газеты, выяснились духъ и направленіе этого органа прессы, Оршанскій прекратилъ въ немъ сотрудничество. Въ это же время онъ познакомился съ редакторами журналовъ «Судебный Вѣстникъ», «Журн. Гражд. и Уголовн. Права» и «Недѣля», въ которыхъ работалъ до самой смерти.

Пагубный петербургскій климатъ сразу подѣйствовалъ на Оршанскаго. Въ концѣ января 1872 г. съ Оршанскимъ случился сильный припадокъ кровохарканья, продержавшій его въ постели нѣсколько недѣль. Благодаря уходу, Оршанскій довольно скоро оправился и, по настоянію врачей, долженъ былъ оставить столицу и съ марта 1872 г., въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, жилъ постоянно за границей. Лѣто проводилъ въ Гейдельбергѣ, осенью жилъ въ Швейцаріи, зимою въ Тиролѣ или въ Сѣверной Италіи. Только лѣтомъ 1874 г. Оршанскій вернулся на короткое время въ Россію, гостилъ у родителей и опять уѣхалъ въ Германію.

Заграницей Оршанскій принялся за работу съ новой энергіей, удивительной при его неизлѣчимой болѣзни, медленно, но безповоротно разрушавшей его организмъ. Въ

Гейдельбергъ онъ посѣщалъ лекціи политики и психологіи народовъ, даже записался въ число студентовъ университета. Но большую часть времени Оршанскій проводилъ въ богатой гейдельбергской университетской библіотекѣ. Въ этотъ періодъ времени Оршанскимъ написаны его юридическія сочиненія, посвященныя вопросамъ обычнаго, брачнаго, семейнаго и наслѣдственнаго права, а также цѣлый рядъ изслѣдованій по русскому праву, изданныхъ отдѣльной книгой сравнительно недавно (въ 1892 г.).

VI.

Однимъ изъ самыхъ послѣднихъ и самыхъ замѣчательныхъ трудовъ Оршанскаго былъ рядъ статей подъ заглавіемъ «Народный судъ и народное право» (по поводу вопроса о преобразованіи волостныхъ судовъ). Трудъ этотъ, къ сожалѣнію, оставшійся незаконченнымъ за смертью автора, представляетъ собою чрезвычайно интересную и всестороннюю разработку матеріала, изданнаго по этому вопросу комиссіей о волостныхъ судахъ.

Оршанскій ставилъ себѣ задачей по возможности сравнивать нормы обычнаго русскаго права съ постановленіями нашего оффиціального права и данными судебной практики съ одной стороны, а съ другой стороны — съ обычнымъ и писаннымъ правомъ другихъ народовъ. Только путемъ такихъ сравнительныхъ изслѣдованій, говоритъ Оршанскій, возможно усвоить себѣ правильное воззрѣніе на достоинства и недостатки обычнаго нашего права, какъ цѣлой системы правового быта. Нетрудно вырвать одинъ или другой обычай и, обсуждая его съ точки зрѣнія понятій высшихъ сословій, доказать его мнимую не-

состоятельность или вредность. Но только широкое сравнительно - историческое изученіе обычнаго права въ связи съ правильнымъ пониманіемъ экономическихъ и социальныхъ условій современнаго народнаго быта можно разсматривать какъ серьезный шагъ къ разрѣшенію вопроса о народномъ судѣ, какъ онъ поставленъ теперь у насъ ¹⁾.

Оршанскій горячо, талантливо и съ большимъ знаніемъ дѣла отстаивалъ самостоятельность волостныхъ судовъ. Отыскивая связь волостнаго суда съ окружающими условіями крестьянской жизни, Оршанскій усматриваетъ въ господствующей системѣ податей и круговой порукѣ существенную помѣху къ правильной дѣятельности волостныхъ судовъ. Но и теперь, заканчиваетъ онъ, при всѣхъ своихъ капитальныхъ недостаткахъ, учрежденіе это представляетъ безусловно меньшее зло, сравнительно съ подчиненіемъ крестьянства общему суду и общему праву.

«Изслѣдованія по русскому праву семейному и наслѣдственному» были очень сочувственно приняты нашей юридической критикой. Вотъ что говоритъ объ этой книгѣ извѣстный ученый юристъ С. А. Муромцевъ. Изслѣдованія Оршанскаго—книга талантливаго автора. Статьи проникнуты духомъ живого ислѣдованія, благодаря чему мы находимъ въ книгѣ цѣльность. Книга Оршанскаго рѣзко выдается среди нашей бѣдной юридической литературы. Она показываетъ, какъ плодотворно изслѣдованіе дѣйствующихъ гражданскихъ постановленій и рѣшеній, когда оно ведется на почвѣ жизни, а не на почвѣ отвлеченныхъ формулъ. Критика постановленій и рѣшеній по ихъ дѣйствительному, жизненному значенію со-

¹⁾ См. „Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному“, И. Г. Оршанскаго. Спб. 1879. стр. 38. Статья написана въ 1874 г.

ставляетъ необходимое качество истиннаго изслѣдованія по современному праву. Мы находимъ это качество всецѣло въ статьяхъ Оршанскаго и потому должны причислить ихъ къ числу лучшихъ произведеній русской юридической литературы ¹⁾.

Громадное достоинство всѣхъ работъ Оршанскаго, помимо ихъ жизненности и оцѣнки дѣйствующихъ положеній съ точки зрѣнія опредѣленнаго идеала, къ которому должна быть направлена творческая дѣятельность въ области права, заключается въ серьезной критикѣ нашихъ гражданскихъ законовъ и въ попыткѣ ихъ реформы.

Въ замѣчательной по глубинѣ мысли и ясности изложенія статьѣ «Ростъ и лихва» Оршанскій вноситъ много свѣта въ темное царство всевозможныхъ споровъ, недоразумѣній и путаницы, которыми отличаются всѣ почти разсужденія о ростовщикахъ и ростовщичествѣ.

Совершенно упускается изъ виду, говоритъ Оршанскій, огромное различіе между займомъ, когда онъ дѣлается съ цѣлью промышленнаго, производительнаго употребленія капитала, и займомъ, дѣлаемымъ по нуждѣ заемщика, съ цѣлью потребленія. Относительно перваго вида займа безусловно вѣрны всѣ замѣчанія экономистовъ, доказывающихъ, что ограниченія роста тутъ и несправедливы, и неосуществимы. Тутъ должникъ дѣйствительно свободно входитъ въ условія займа, имѣя въ виду предстоящую для него отъ этого выгоду и нѣтъ никакого разумнаго основанія для вмѣшательства закона въ то, какъ стороны распредѣляютъ между собой ожидаемую отъ даннаго предпріятія выгоду. Совсѣмъ иное

¹⁾ См. „Критическое Обзорѣніе“ 1879 г. № 1.

дѣло при займахъ съ цѣлью потребленія. Какъ замѣтилъ Лассаль, заемъ, сдѣланный только для потребленія, который не обогащаетъ заемщика и даетъ кредитору возможность эксплуатировать заемщика, позоренъ ¹⁾. Гдѣ масса населенія прибѣгаетъ къ займамъ только по нуждѣ, тамъ и теперь лихва занимаетъ то мѣсто въ ряду другихъ преступленій противъ имущества, которое отвели ей средневѣковые писатели-канонисты. Они говорятъ: лихва имѣетъ извѣстные пункты сходства и различія съ кражей, мошенничествомъ и грабежемъ. Лихва и мошенничество сходны въ томъ отношеніи, что оба имѣютъ въ виду незаконное приобрѣтеніе чужого имущества; различіе заключается въ томъ, что тамъ нужда служитъ мотивомъ соглашенія между потерпѣвшимъ и виновными, а здѣсь — обманъ. Лихва и грабежъ сходны въ томъ отношеніи, что оба представляютъ открытое злоупотребленіе своей силой (физической или экономической), тогда какъ кража и мошенничество суть злоупотребленія скрытыя. Лихва и мошенничество суть цивилизованныя формы тѣхъ преступленій, которыя у нецивилизованныхъ народовъ имѣютъ видъ кражи и грабежа: кража переходитъ въ мошенничество, грабежъ въ лихву ²⁾. Если обратиться къ нашему хозяйственному быту, продолжаетъ Оршанскій, то несомнѣнно, что большинство займовъ или сдѣлокъ, прикрывающихъ заемъ, совершается не съ производительною цѣлью, а для потребленія, по нуждѣ или по легкомыслію. Необходимо поэтому ввести въ законъ правило о недействительности лихвенныхъ сдѣлокъ въ случаяхъ, когда

¹⁾ „Изслѣд. по русск. праву, И. Оршанскій“ стр. 252, 253.

²⁾ Ibidem, стр. 254.

кредиторъ пользуется нуждою или легкомысліемъ заемщика для вовлеченія его въ обременительную сдѣлку. Обсужденіе того, при какихъ условіяхъ данная сдѣлка должна считаться черезчуръ обременительной для должника, должно быть предоставлено суду, такъ какъ немислимы какія-нибудь точныя опредѣленія по этому предмету въ законѣ. Кромѣ гражданской недѣйствительности слѣдовало бы установить и уголовную отвѣтственность, въ особенности для тѣхъ лицъ, которыя будутъ изобличены въ томъ, что занимаются, какъ ремесломъ, эксплуатацией чужой нужды и чужого легкомыслія. И такъ какъ нѣтъ ничего легче, какъ скрывать лихвенныя условія подъ видомъ договоровъ о неустойкѣ, при чемъ у насъ въ особенности неустойки служатъ орудіемъ замаскированія лихвы, то необходимо установить аналогичное правило и относительно неустойки ¹⁾. Несомнѣнно, заканчиваетъ Оршанскій, что ни гражданскій, ни уголовный судъ не можетъ дать населенію надлежащей защиты противъ ростовщичества въ разныхъ его видахъ. Государственная власть можетъ и должна удовлетворять нуждамъ населенія въ этомъ отношеніи другимъ путемъ, именно дѣятельнымъ соспѣшествованіемъ развитію дешеваго и доступнаго кредита, главнымъ образомъ при помощи разнаго рода кредитныхъ учрежденій ²⁾.

Нельзя не остановиться на статьѣ Оршанскаго, въ которой онъ, чуть ли не впервые въ нашей юридической литературѣ, указалъ на роль и значеніе казеннаго ин-

¹⁾ Ibidem, стр. 258, 259. Законъ 24 мая 1893 г. о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій осуществилъ отчасти предположенія Оршанскаго, но не на вполне сходныхъ основаніяхъ.

²⁾ Ibidem, стр. 268 и 269.

тереса въ русскомъ правѣ. Попытки осмыслить богатый матеріаль нашего гражданскаго права почти вовсе не встрѣчается въ нашей литературѣ. Отрицать существованіе основныхъ началъ русскаго права, говорить Оршанскій, значило бы признать, что вся историческая жизнь русскаго государства, однимъ изъ главныхъ проявленій которой у cadaго народа есть его право, не имѣетъ никакого смысла, никакого опредѣленнаго характера, т. е. допустить абсурдъ, рѣшительно отвергаемый исторической наукой. Такія основныя начала существуютъ, и отысканіе ихъ возможно, хотя не безъ особыхъ затрудненій. Одно изъ этихъ началъ, именно преобладаніе идеи частной инициативы въ сферѣ правового быта, было имъ уже отмѣчено. Во внутренней связи съ нимъ находится другой руководящій принципъ нашего законодательства, именно идея фискальнаго интереса ¹⁾.

Оршанскій начинаетъ свое изложеніе съ закона историческаго развитія права, указаннаго Кирхманомъ. Въ началѣ существованія государствъ главная ихъ дѣятельности ограничивается защитой отъ внѣшнихъ враговъ. Интересы князей и господствующихъ классовъ вездѣ преобладаютъ вначалѣ; общее благо, т. е. интересы частныхъ лицъ, суть послѣднее по времени, на что обращается вниманіе правительствъ. Въ старинномъ государственномъ строѣ финансовыя, полицейскіе и военные законы, т. е. такіе, которые служатъ интересамъ государства, преобладаютъ; законы частно-правового свойства увеличиваются въ числѣ лишь впоследствии ²⁾.

¹⁾ Ibidem, стр. 271 и 272.

²⁾ Ibidem, стр. 272.

Если мы съ этой точки зрѣнія, продолжаетъ Оршанскій, захотимъ провести параллель между русскимъ и западно-европейскими законодательствами, то замѣтимъ капитальное различіе, состоящее въ слѣдующемъ: въ западной Европѣ развитіе права никогда не дѣлалось исключительнымъ достояніемъ государственной власти и, слѣдовательно, никогда не могло сдѣлаться представителемъ однихъ фискальныхъ задачъ и интересовъ. Римское право, какъ извѣстно, создано и развито было не приказаніями сверху. Традиціи римскаго права никогда не прекращались въ Европѣ. Поэтому идея охраненія интересовъ частныхъ лицъ, независимо отъ выгодъ государства, постоянно была присуща праву всѣхъ европейскихъ народовъ. Совершенно другое явленіе представляетъ намъ исторія русскаго права ¹⁾. На массѣ примѣровъ Оршанскій показываетъ, какъ нашъ законъ вмѣшивается въ частно-правовыя отношенія только въ видахъ охраненія того или другого государственнаго интереса. Такъ напр., въ 1679 г. запрещено завѣщать родовое имѣніе инороднымъ; причина, вызвавшая этотъ законъ, заключалась въ томъ, что въ то время родовыя отношенія начали уже разлагаться, а законодатель считалъ необходимымъ поддержаніе родового элемента въ интересахъ государевой службы дворянскаго сословія ²⁾. Слѣдя за исторіею законовъ по укрѣпленію правъ на недвижимыя имущества, нетрудно видѣть, что и здѣсь все обусловливалось точкой зрѣнія фискальнаго интереса. По уложенію 1649 г. моментъ записки въ приказѣ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ приобрѣтенія правъ на недвижимость. Но при Петрѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 273, 274.

²⁾ Ibidem, стр. 279.

установлена 10% пошлина съ отчужденій недвижимостей и пошлину эту велѣно взыскивать при самомъ совершеніи акта, съ цѣлью предупредить уклоненіе платежа ея впоследствии. Въ виду этого въ 1737 г. постановлено, что въ случаѣ спора двухъ приобрѣтателей одного имѣнія, оно укрѣпляется за тѣмъ, чья крѣпость старѣе, т. е. кто раньше уплатилъ казнѣ пошлину ¹⁾. У насъ, какъ извѣстно, существуетъ система полной самостоятельности и раздѣльности имущества и имущественной дѣятельности супруговъ. Сама по себѣ эта система есть результатъ нежеланія правительства вмѣшиваться въ правоотношенія, не затрагивающія государственнаго интереса, и, слѣдовательно, составляетъ косвенный результатъ фискальнаго отношенія къ гражданскому быту. Прямое же влияніе разбираемаго фактора обнаруживается въ томъ, что законъ дѣлаетъ многія отступленія отъ принципа имущественной раздѣльности супруговъ тамъ, гдѣ этого требуютъ правительственные интересы ²⁾. По ст. 165 X т. 1 ч. родители могутъ заключать въ тюрьму своихъ дѣтей для исправленія. Законъ дѣлаетъ изъ этого абсолютнаго права только *одно* изъятіе—для дѣтей, состоящихъ на государственной службѣ, очевидно, потому, что служба страдала бы отъ заключенія чиновниковъ въ тюрьму по усмотрѣнію ихъ родителей ³⁾. Законъ о выкупѣ родовыхъ имущества удержался у насъ до сихъ поръ не потому, что понятіе о родовой собственности существуетъ еще въ русскомъ обществѣ, и не потому, что правительство считаетъ почему-либо полезнымъ удерживать это

¹⁾ Ibidem, стр. 279.

²⁾ Ibidem, стр. 285.

³⁾ Ibidem, стр. 286.

начало по специально-хозяйственнымъ соображеніямъ: единственная причина заключается въ томъ, что выкупъ можетъ дать казнѣ лишнія пошлыны при переходѣ недвижимой собственности ¹⁾). Мѣна недвижимыми имуществами запрещена ст. 1374 зак. гражд. Это странное правило, столь рѣзко нарушающее преобладающій въ нашемъ правѣ принципъ свободы договора, обязано своимъ происхожденіемъ соображеніямъ фискальнымъ. Законъ видитъ въ мѣнѣ двойную продажу и, слѣдовательно, уклоненіе отъ платежа двойныхъ пошлынъ ²⁾). Казенные подряды, подобно казненнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, служили у насъ всегда могущественнымъ двигателемъ развитія гражданского законодательства. Ст. 1539 т. X ч. 1 (о толкованіи договоровъ), имѣющая такое громадное значеніе въ системѣ нашего права, введена первоначально для договоровъ, заключенныхъ съ казной, съ цѣлью разрѣшать недоумѣнія, возникавшія на практикѣ относительно толкованія этихъ договоровъ; лишь при составленіи свода правила этой статьи обобщены и распространены на всѣ вообще договоры. Казеннымъ же подрядамъ мы обязаны такъ называемыми залоговыми свидѣтельствами, которыя представляютъ единственную въ современномъ русскомъ правѣ попытку мобилизаціи недвижимыхъ имуществъ ³⁾). Ходъ историческаго развитія законодательства о запродажныхъ записяхъ и задаточныхъ роспискахъ представляетъ постоянную борьбу фискальнаго интереса съ правовыми понятіями и обычаями общества. Какъ мало законъ заботился о догматической сторонѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 290.

²⁾ Ibidem, стр. 294.

³⁾ Ibidem, стр. 291 и 294.

предмета сравнительно съ фискальной, видно изъ указа 24 ноября 1821 г., по которому дозволяется передача владѣнія по запродажной записи, но съ тѣмъ, чтобы внесены были пошлыны. По фискальнымъ соображеніямъ законъ ограничиваетъ всячески силу задаточныхъ росписокъ, въ ущербъ интересамъ сторонъ, особенно покупателей, которымъ трудно обыкновенно получить обратно задатокъ при нарушеніи договора со стороны продавцевъ ¹⁾). Ограниченіе найма недвижимыхъ имуществъ 12-лѣтнимъ срокомъ имѣетъ основаніе фискальное: опасеніе продажи подъ видомъ долгосрочнаго найма, во избѣжаніе платежа пошлынъ ²⁾). Всѣ эти факты приводятъ Оршанскаго къ слѣдующимъ выводамъ:

Идея фискальнаго интереса, будучи элементомъ чуждымъ и постороннимъ въ области гражданского права, оказываетъ вредное вліяніе на правильное развитіе послѣдняго, заставляя отступать отъ безспорныхъ началъ права въ угоду постороннему элементу — финансово-полицейской пользѣ. Не менѣе вредно отражается вліяніе идеи финансово-административнаго интереса въ другомъ, отрицательномъ направленіи на развитіи нашего права. Цѣлый рядъ чисто цивилистическихъ правовыхъ нормъ до сихъ поръ существуетъ въ видѣ исключеній для дѣлъ казеннаго интереса. Ненормальность такого порядка ясна, ибо государство въ гражданско-правовомъ быту есть такое же частное, юридическое лицо, какъ и всякое другое общество или учрежденіе ³⁾). Въ то же время, существованіе въ теченіе многихъ вѣковъ систематизированной тенден-

¹⁾ Ibidem, стр. 298 и 299.

²⁾ Ibidem, стр. 299.

³⁾ Ibidem, стр. 311 и 315.

ціи «чинить пополненіе государственной казны» тамъ, гдѣ отношенія гражданъ между собой и къ государству должны были бы регулироваться одними правовыми началами, естественно должно было поколебать въ умахъ народа довѣріе къ идеѣ права во всемъ, что такъ или иначе приходится въ столкновеніе съ правительственною властью, какъ представителемъ казеннаго интереса ¹⁾. Позаимствовавъ у современной европейской цивилизаціи, заканчиваетъ Оршанскій, внѣшнія рамки новаго суда, для всѣхъ равнаго, мы забываемъ о необходимости усвоить себѣ и другія, не столь бросающіяся въ глаза, но едва ли не болѣе важныя начала матеріальнаго права, въ родѣ того, что права гражданина не могутъ зависѣть отъ удовлетворенія или нарушенія интересовъ фиска, что вѣдомство юстиціи не можетъ служить подчиненнымъ органомъ вѣдомству финансовъ, такъ какъ цѣли и задачи обоихъ существенно различны. Едва ли, однакожъ, безъ переработки самого содержанія правового быта можетъ быть достигнута цѣль, которую имѣла въ виду судебная реформа ²⁾.

VII.

Годы, проведенные Оршанскимъ за границей, не смотря на быстро развивавшуюся въ немъ болѣзнь, были періодомъ самой неутомимой и плодотворной работы. Можно удивляться необычайной силѣ духа и творческаго напряженія больного, почти умирающаго Оршанскаго, который часто хворалъ и иногда по цѣлымъ недѣлямъ не остав-

¹⁾ Ibidem, стр. 318.

²⁾ Ibidem, стр. 321 и 322.

лялъ постели и тѣмъ не менѣе не переставалъ работать надъ труднѣйшими и запутаннѣйшими вопросами нашего права. Мы уже упоминали объ одной особенноти Оршанскаго, облегчавшей ему разработку научныхъ проблемъ правовѣдѣнія, именно о привычкѣ его при чтеніи составлять замѣтки и краткіе конспекты о прочитанномъ. Другимъ благодѣтельнымъ факторомъ его творчества была замѣчательная память. По словамъ г. Ямпольскаго, Оршанскій обладалъ удивительнымъ даромъ никогда не забывать того, что онъ когда-либо видѣлъ, слышалъ и читалъ ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, для Оршанскаго, всегда мечтавшаго о служеніи русской наукѣ, затруднительно было, живя за границей, трудиться надъ разработкой русскаго правовѣдѣнія. Оршанскаго постоянно тянуло на родину. Случаевъ вернуться въ Россію и обезпечить свое матеріальное благосостояніе у него было нѣсколько. Въ 1872 г. Оршанскому было предложено редактированіе статистическаго изслѣдованія еврейскаго населенія въ г. Одессѣ, при чемъ ему назначалось вознагражденіе отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей. Въ слѣдующемъ году предложеніе было повторено, но Оршанскій отказался, такъ какъ считалъ бесполезной работу для тѣхъ цѣлей, какія имѣлись при этомъ въ виду. Въ томъ же году Оршанскій получилъ приглашеніе редактировать вновь устраивавшійся тогда въ Одессѣ юридическій органъ, а «Общество для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» предложило ему написать изслѣдованіе о еврейскомъ уголов-

¹⁾ См. статью Ямпольскаго въ указанномъ выше сборникѣ „Кнѣсесь Исроель“, стр. 855—867.

номъ правѣ. Но первое дѣло не состоялось, а послѣдняго предложенія Оршанскій не принялъ.

Между тѣмъ въ состояніи здоровья Оршанскаго произошло кажущееся улучшение: онъ выглядѣлъ бодрѣе и крѣпче и чувствовалъ себя лучше, такъ что считалъ себя уже настолько поправившимся, что сталъ лелѣять мечту о возвращеніи на родину. Къ этому побудило его еще одно обстоятельство. Оршанскій уже давно работалъ надъ большимъ сочиненіемъ по философіи права и для окончательной его обработки имѣлъ необходимость въ русскихъ матеріалахъ. Для окончанія этого же сочиненія Оршанскій считалъ нужнымъ прекратить, по крайней мѣрѣ временно, сотрудничество въ различныхъ журналахъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 года Оршанскій вернулся въ Россію и, предполагая провести зиму въ Одессѣ, заѣхалъ къ родителямъ погостить. Родители были въ восторгѣ: Оршанскій выглядѣлъ граздо лучше прежняго, велъ образъ жизни совершенно здороваго человѣка, ѣлъ больше прежняго, по долгу ходилъ и гулялъ, не отказывался даже отъ вина. Никто не могъ предполагать, что дни Оршанскаго уже сочтены и что близится роковая развязка.

Лѣто 1875 г. было вообще на югѣ Россіи и въ частности въ Екатеринославѣ, куда пріѣхалъ Оршанскій, чрезвычайно жаркое. Въ августѣ мѣсяцѣ не переставали свирѣпствовать сухіе вѣтры, поднимавшіе на улицахъ Екатеринослава цѣлыя облака пыли, что дѣлало воздухъ убійственнымъ. вмѣстѣ съ перемѣной погоды сразу измѣнилось къ худшему состояніе здоровья Оршанскаго. Около половины августа 1875 г. Оршанскій тяжело занемогъ. Однажды послѣ продолжительной прогулки Ор-

шанскій возвратился вечеромъ домой въ очень веселомъ настроеніи и, поужинавъ, отправился спать, но долго не могъ уснуть. Около часа ночи съ нимъ сдѣлалось сильнѣйшее кровохарканье. Когда приступъ прошелъ, всѣ въ домѣ успокоились. Больной своимъ поведеніемъ способствовалъ успокоенію родителей, приписавшихъ упадокъ случаю. Тѣмъ не менѣе, были приняты всѣ мѣры: пригласили немедленно врача, больного уложили въ постель, съ которой ему уже не пришлось больше встать. Врачи запретили ему говорить, такъ что умирающій Оршанскій изъяснялъ свои желанія и требованія на бумагѣ. Въ ночь съ 4 на 5 сентября больной, выпивъ немного молока, заснулъ. На разсвѣтѣ въ пять часовъ братъ Оршанскаго, медикъ, пріѣхавшій для оказанія помощи больному, былъ разбуженъ звонкомъ, находившимся возлѣ постели. «Меня душитъ», проговорилъ Оршанскій, указывая на горло, «пойдетъ кровь», прибавилъ онъ, боясь повторенія приступа кровохарканья. Но вмѣсто ожидаемаго кровохарканья врачи констатировали отекъ обоихъ легкихъ. Прибѣгли къ возбуждающимъ средствамъ, но все было напрасно. Въ семь часовъ утра 5 сентября Оршанскій умеръ, а спустя нѣсколько часовъ толпа народа провожала его прахъ на вѣчный покой.

Вскорѣ послѣ смерти Оршанскаго возникла мысль о постановкѣ ему надгробнаго памятника на Екатеринославскомъ еврейскомъ кладбищѣ. Мысль эта осуществилась только недавно, въ 1890 году. Проектъ памятника сочинилъ и вылѣпилъ изъ глины знаменитый скульпторъ М. М. Антокольскій. Воспроизведенъ былъ памятникъ по эскизу г. Антокольскаго ученикомъ его, класснымъ

художникомъ И. Я. Гинцбургомъ. Памятникъ представляетъ нѣчто въ родѣ алтаря или жертвенника, стоящаго на верху нѣсколькихъ ступеней, и сложеннаго изъ груды наваленныхъ, поставленныхъ и лежащихъ книгъ, самага разнообразнаго вида и величины. Надъ этимъ алтаремъ лежитъ полуоткрытая большая книга, на страницахъ которой красными буквами по древне-еврейски начертаны слова изъ пѣсни «Плачь Іудеевъ»: «*Если я забуду тебя, Иерусалимъ, пусть оплѣтетъ правая рука моя*». На одной изъ страницъ этой развернутой книги лежитъ покинутое, осиротѣлое перо рано погибшаго писателя, лавровый позолоченный вѣнокъ придерживаетъ перо на своемъ мѣстѣ и завершается самъ вверху возвышающеюся надъ нимъ эмблемою—щитомъ Давида ¹⁾).

Мы прослѣдили честную, исполненную трудовъ и лишеній, жизнь Оршанскаго и ознакомились съ его произведеніями, посвященными разработкѣ всѣхъ элементовъ такъ называемаго еврейскаго вопроса въ Россіи, а равно и нѣкоторыми трудами его по различнымъ правовымъ вопросамъ общерусской жизни, насколько было возможно въ цѣляхъ настоящаго изданія. Еврей-публицистъ, отстаивающій права своихъ соплеменниковъ, и ученый юристъ, работающій надъ изученіемъ русскаго гражданскаго права, прекрасно уживаются въ Оршанскомъ и насколько не мѣшаютъ одинъ другому, а скорѣе дополняютъ другъ друга. Съ поразительнымъ безпристрастіемъ Оршанскій прослѣживаетъ напимѣръ вліяніе идеи казеннаго интереса какъ на мотивы законодательства о евреяхъ, такъ и вообще на все русское законодательство.

¹⁾ См. „Еврейскую Библиотеку“, т. VI, Спб. 1878 г., стр. 137.

Выдающійся талантъ, глубокія познанія, неутомимое трудолюбіе и громадная начитанность, умѣнье проникать въ самую сущность вещей и необыкновенная тонкость анализа, непоколебимая преданность своимъ убѣжденіямъ и горячая любовь къ наукѣ—таковы качества, которыя характеризуютъ Оршанскаго, какъ ученаго юриста-публициста. Любовь къ правдѣ и ненависть ко всякой лжи, незлобивость нрава въ связи съ настойчивостью и энергіей, всегда приводившими къ разъ намѣченнымъ цѣлямъ; умѣнье терпѣливо и безропотно переносить всякія личныя бѣдствія и удары судьбы и способность не выдавать своихъ страданій за нѣчто необыкновенное; поразительная скромность, необыкновенная чуткость и отзывчивость на все живое и рѣдкая любовь къ своему гонимому народу—таковъ нравственный обликъ Оршанскаго. Память объ этомъ выдающемся ученомъ и безкорыстномъ чловѣкѣ должна жить вѣчно въ сердцахъ русскихъ евреевъ. Не забудетъ его и лучшая часть русскаго общества.

